

The Way of Science

International scientific journal

№ 8 (150), 2026

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2014 (March)

Volgograd, 2026

UDC 54+67.02+631+330+80+371+61+159.9
LBC 72

The Way of Science

International scientific journal, № 8 (150), 2026

The journal is founded in 2014 (March)
ISSN 2311-2158

The journal is issued 12 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 53970, 30 April 2013

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Teslina Olga Vladimirovna

Executive editor: Pankratova Elena Evgenievna

Ezhkova Nina Sergeevna, Doctor of Pedagogic Sciences
Baratova Mokhidil Rakhimovna, Candidate of Biological Sciences
Adilchaev Rustem Tursynbaevich, Ph.D. in Economics
Uralov Bakhtiyor Rakhmatullayevich, Candidate of Engineering Sciences
Inyatov Almaz Reymbaevich, PhD of Economics
Abdurazakova Napisa Makhkamovna, Candidate of Economic Sciences
Shayusupova Nargiza Turgunovna, Candidate of Economic Sciences
Kirghizboyev Mukimjon, Doctor of Political Science, Professor
Sheraev Mukhametamin Mametjanovich, PhD
Mukhitdinov Ulugbek Bashrullaevich, PhD
Khodzhaeva Sabri Makhmudovna, Candidate of Medical Sciences
Butayev Chori Jumayevich, Candidate of Medical Sciences
Rikhsiev Ulugbek Shavkatovich, Candidate of Medical Sciences
Elieva Mekhriniso Fakhritdinovna, PhD
Sheraliev Kambarali Saidalievich, Candidate of Medical Sciences
Mamatkulov Zokhid Dzhankobilovich, Ph.D
Ibragimov Abdimalik Gapparovich, Doctor of Philosophy in Economics
Nazarbaev Orinbay, Candidate of Economic Sciences
Saidakbarov Khaidar Khozhimurodovich, Candidate of Economic Sciences
Umarova Zulaykho Tursunovna, Ph.D
Mukhitdinova Mavdjuda Imadovna, Candidate of Medical Sciences
Ikramova Surayyo Khakimovna, Candidate of Biological Sciences
Kholbutaeva Shakhnoza Abduvalievna, PhD
Karimova Zieda Kushbayevna, Candidate of Medical Sciences
Tulaboev Azamjon Qurbonovich, DSc
Rakhimgaziyev Umid Gazivayevich, PhD
Nasirov Tulkin Karimovich, Candidate of Medical Sciences
Khalilova Zukhra Telmanovna, Candidate of Medical Sciences
Hussein Ali Khudhair Bahari, Master
Karaboyeva Zilola Xurramovna, Doctor of Philosophy (PhD) in Medical Sciences
Adilgeroyeva Madina Iskanderovna, Candidate of Medical Sciences
Valiyev Abduaziz Abdusamatovich, Candidate of Medical Sciences
Dzhumanov Bakhtiyor Abdurazakovich, Doctor of Medical Sciences

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.

Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, ave. Metallurgov, 29

E-mail: sciway@mail.ru

Website: www.scienceway.ru

Founder and publisher: «Scientific survey» Ltd.

УДК 54+67.02+631+330+80+371+61+159.9
ББК 72

Путь науки

Международный научный журнал, № 8 (150), 2026

Журнал основан в 2014 г. (март)
ISSN 2311-2158

Журнал выходит 12 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 53970 от 30 апреля 2013 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук
Баратова Мохидил Рахимовна, кандидат биологических наук
Адилчаев Рустем Турсынбаевич, кандидат экономических наук
Уралов Бахтиёр Рахматуллаевич, кандидат технических наук
Инятов Алмаз Реймбаевич, PhD экономических наук
Абдуразакова Написа Махкамовна, кандидат экономической наук
Шаюсупова Наргиза Тургуновна, кандидат экономической наук
Кирзизбоев Мукимжон, доктор политических наук, профессор
Шертаев Мухаметамин Маметжанович, кандидат биологических наук
Мухитдинов Улугбек Баируллаевич, кандидат медицинских наук
Ходжаева Сабри Махмудовна, кандидат медицинских наук
Бутаев Чори Жумаевич, кандидат медицинских наук
Рихсиев Улугбек Шавкатович, кандидат медицинских наук
Элиева Мехринисо Фахритдиновна, PhD
Шералиев Камбарали Саидалиевич, кандидат медицинских наук
Маматкулов Зохид Джанкобилович, доктор философии
Ибрагимов Абдималик Гаппарович, кандидат экономических наук
Назарбаев Орынбай, кандидат экономических наук
Саидакбаров Хайдар Хожимуродович, кандидат экономических наук
Умарова Зулайхо Турсуновна, кандидат экономических наук
Мухитдинова Мавджуда Имадовна, кандидат медицинских наук
Икрамова Сурайё Хакимовна, кандидат биологических наук
Холбутаева Шахноза Абдувалиевна, доктор философии по экономическим наукам
Каримова Зиёда Кушбаевна, кандидат медицинских наук
Тулабоев Азамжон Курбонович, доктор технических наук
Рахимгазиев Умид Газиваевич, доктор философских наук
Насиров Тулкин Каримович, кандидат медицинских наук
Халилова Зухра Тельмановна, кандидат медицинских наук
Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир, магистр
Карабоева Зилола Хуррамовна, доктор философии (PhD) по медицинским наукам
Адилгереева Мадина Искандеровна, кандидат медицинских наук
Валиев Абдуазиз Абдусаматович, кандидат медицинских наук
Джусманов Бахтиёр Абдуразакович, доктор медицинских наук

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, пр-кт Metallургов, д. 29

E-mail: sciway@mail.ru

www.scienceway.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научное обозрение»

CONTENTS

Chemical sciences

Petelin A.L., Novikov A.A., Novikova E.A.

METHODS FOR ANALYSIS OF NONEQUILIBRIUM REDUCTION
OF IRON AND MANGANESE OXIDES IN SOLID STATE.....8

Technical sciences

Alimbabaeva Z.L.

TECHNOLOGY FOR OBTAINING POROUS PERMEABLE MATERIALS
BASED ON COPPER AND ITS ALLOYS AND THEIR PROPERTIES.....14

Agricultural sciences

Mansurov Kh.G., Turakulov U.Kh., Djumaev U.K.

PHENOLOGICAL PHASES OF THE ALMOND (*AMYGDALUS COMMUNIS L.*)
COLLECTION UNDER THE CONDITIONS OF THE SURKHANDARYA REGION:
DIFFERENCES IN FLOWERING AND RIPENING TIMES.....17

Economic sciences

Rashidov B.Yu.

FORMATION OF FINANCIAL RESOURCES OF FARMS
OF UZBEKISTAN AND ANALYSIS OF THEIR EFFICIENCY.....21

Philological sciences

Bogdanova O.V., Bogdanov I.S.

MORAL EXPERIMENTS OF V. BYKOV'S EARLY PROSE (THE STORY "CRANE'S CRY").....24

Bogdanova O.V., Bogdanov I.S.

THE SUBTEXTUAL LAYERS OF V. BYKOV'S STORY "TO GO AND NOT TO RETURN".....33

Bogdanova O.V., Okrugina E.D.

THE IDEOLOGICAL AND IMAGINATIVE ORIGINALITY
OF VASIL BYKOV'S EARLY SHORT STORY "ONE NIGHT".....45

Mitrofanova I.A.

THE GENRE NATURE OF V.S. PIKUL'S BOOK
ABOUT THE BATTLE OF STALINGRAD ("BARBAROSSA").....51

Pedagogical sciences

Grigorieva I.G.

IMPROVEMENT OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN MBOU "TYUBYAI-
ZHARKHANSKAYA SECONDARY SCHOOL NAMED AFTER S.A. ZVEREV".....63

Medical sciences

Rikhsiev U.Sh.

DANBOLT-CLOSS SYNDROME (ENTEROPATHIC ACRODERMATITIS): FAMILY OBSERVATION IN TWO SISTERS.....	65
---	----

Psychological sciences

Selyuch M.G., Yang Ke

THE IMPACT OF THE INTERCULTURAL ENVIRONMENT AND AI ON STUDENTS' PERSONAL DEVELOPMENT: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS.....	68
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

Химические науки

Петелин А.Л., Новиков А.А., Новикова Е.А.

СПОСОБЫ АНАЛИЗА НЕРАВНОВЕСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ОКСИДОВ ЖЕЛЕЗА И МАРГАНЦА В ТВЕРДОМ СОСТОЯНИИ.....	8
---	---

Технические науки

Алимбабаева З.Л.

ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПОРИСТЫХ ПРОНИЦАЕМЫХ МАТЕРИАЛОВ НА ОСНОВЕ МЕДИ И ЕЁ СПЛАВОВ И ИХ СВОЙСТВА.....	14
--	----

Сельскохозяйственные науки

Мансуров Х.Г., Туракулов У.Х., Джумаев У.К.

ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАЗЫ КОЛЛЕКЦИИ МИНДАЛЯ (AMYGDALUS COMMUNIS L.) В УСЛОВИЯХ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ: РАЗЛИЧИЯ СРОКОВ ЦВЕТЕНИЯ И СОЗРЕВАНИЯ.....	17
---	----

Экономические науки

Рашидов Б.Ю.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ УЗБЕКИСТАНА И АНАЛИЗ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ.....	21
--	----

Филологические науки

Богданова О.В., Богданов И.С.

ПРАВСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ РАННЕЙ ПРОЗЫ В. БЫКОВА (ПОВЕСТЬ «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК»)	24
---	----

Богданова О.В., Богданов И.С.

ПОДТЕКСТОВЫЕ ПЛАСТЫ ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ПОЙТИ И НЕ ВЕРНУТЬСЯ»	33
--	----

Богданова О.В., Округина Е.Д.

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАННЕГО РАССКАЗА ВАСИЛЯ БЫКОВА «ОДНА НОЧЬ»	45
---	----

Митрофанова И.А.

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА КНИГИ В.С. ПИКУЛЯ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ («БАРБАРОССА»)	51
---	----

Педагогические науки

Григорьева И.Г.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В МБОУ «ТЮБЯЙ-ЖАРХАНСКАЯ СОШ ИМ. С.А. ЗВЕРЕВА»	63
--	----

Медицинские науки

Рихсиев У.Ш.

СИНДРОМ ДАНБОЛТА–КЛОССА (ЭНТЕРОПАТИЧЕСКИЙ АКРОДЕРМАТИТ): СЕМЕЙНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ У ДВУХ РОДНЫХ СЕСТЁР.....	65
---	----

Психологические науки

Селюч М.Г., Ян Кэ

ВЛИЯНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ИИ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	68
---	----

Chemical sciences
Химические науки

УДК 620.172.2

**СПОСОБЫ АНАЛИЗА НЕРАВНОВЕСНОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ
ОКСИДОВ ЖЕЛЕЗА И МАРГАНЦА В ТВЕРДОМ СОСТОЯНИИ**

А.Л. Петелин¹, А.А. Новиков², Е.А. Новикова³

¹ доктор физико-математических наук, профессор кафедры материаловедения, ² старший преподаватель кафедры физической химии, ³ кандидат физико-химических наук, доцент кафедры физической химии

¹ ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана

(национальный исследовательский университет)»,

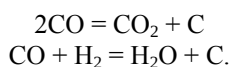
^{2,3} ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС» (НИТУ МИСИС) (г. Москва), Россия

Аннотация. Рассмотрены особенности твердофазного восстановительного процесса, показано, что степень восстановления зависит от кинетических причин – от констант скоростей химических стадий процесса, величины открытой эффективной поверхности твердой фазы, на которой происходит восстановление, диффузионной проницаемости среды, обеспечивающей скорость подвода молекул восстановительного газа к реакционной поверхности, скорости адсорбции молекул восстановителя при поверхностном восстановлении металла и скорости твердофазной диффузии ионов металла и кислорода при образовании металлической фазы внутри оксидных частиц. Применение метода последовательных равновесий показало, что степень восстановления и количество восстановленного металла будет зависеть от соотношения скорости поступления оксида в печь и скорости реакции восстановления. Определено устойчивое стационарное состояние.

Ключевые слова: твердофазный восстановительный процесс, диффузионная проницаемость среды, метод последовательных равновесий, методы неравновесной термодинамики.

Введение.

Восстановление твердофазных оксидов – это обязательная часть общего восстановительного процесса в любой пирометаллургической технологии получения металла. Для методов внедоменного получения металла в шахтных печах – это единственный процесс, приводящий к образованию металла в продуктах восстановления. Рассмотрим особенности твердофазного восстановительного процесса, и внешние условия при которых он протекает. Основная часть металла в чёрной металлургии (в частности металлургии железа и марганца) восстанавливается за счет взаимодействия с восстановительным газом в атмосфере $\text{CO} + \text{H}_2$. При низких температурах (ниже $800-900^\circ\text{C}$) параллельно с восстановлением идет процесс науглероживания железа, что связано с выделением сажающего углерода в соответствии с реакциями:

От каких причин зависит степень восстановления? Рассмотрим два основных варианта:

1. Внешние условия (температура, давление, исходный компонентный состав) таковы, что термодинамический анализ свидетельствует о возможности полного восстановления металла. Тогда степень восстановления будет зависеть от кинетических причин – от констант скоростей химических стадий процесса, величины открытой эффективной поверхности твердой фазы, на которой происходит собственно процесс восстановления, диффузионной проницаемости среды, что обеспечивает скорость подвода молекул восстановительного газа к реакционной поверхности, скорости адсорбции молекул восстановителя при поверхностном восстановлении металла и скорости твердофазной диффузии ионов металла и кислорода при образовании металлической фазы внутри оксидных частиц. Таким образом, степень восстановления может достигать 100%, если параметры процесса допускают достаточное время пребывания компонентов исходного состава в реакционной зоне.

2. Условия процесса восстановления таковы, что термодинамический анализ свидетельствует только о возможности частичного (незначительного) равновесного восстановления металла, степень восстановления по термодинамическим данным близка к нулю. Возникает вопрос, можно ли говорить в этом случае о возможности восстановлении сверх рассчитанного термодинамического предела или считать, что восстановление практически не идет, в продукте процесса чистый металл не образуется, так как получить

степень восстановления выше рассчитанной для равновесных условий невозможно. Для ответа на этот вопрос следует учесть, что реальный технологический процесс никогда не бывает полностью равновесным. Газовый восстановитель постоянно поступает в реакционную зону, также как твердые оксиды, содержащиеся в шихте процесса. Продукты процесса – газовый оксид в максимальной степени окисления и чистый металл покидают реакционную зону. Таким образом, в каждом локальном объеме восстановительной системы (реакционного пространства) существует проточный реактор, работающий не равновесно.

При условиях, соответствующих первому случаю принципиально для степени восстановления нет ограничений, она может приближаться к 100%. Однако ее реальная величина будет зависеть от эффективной скорости суммарного процесса. Этот процесс всегда состоит из нескольких стадий, имеющих различные механизмы. Вначале восстановление происходит на внешней поверхности оксидных частиц, поскольку она доступна для контакта с газовой восстановительной средой, которая обычно содержит восстановительные компоненты CO и H₂ и газовые продукты восстановления CO₂ и H₂O. Скорость процесса на этой стадии связана с кинетикой восстановительных реакций и массопереносом газовых молекул к внешней поверхности. Степень восстановления на этой стадии зависит от величины внешней поверхности оксидных частиц (зерен), т.е. от дисперсности исходного материала (шихты), его пористости и количества оксида металла в шихте.

При завершении образования металлической фазы на значительной части внешней поверхности оксидных частиц реакция восстановления продолжается внутри частиц оксидов, а значит внутри твердых фаз. Восстановление на этой стадии включает в себя два последовательных звена: образование зародышей металла и их рост. Скорость зарождения определяется величиной переохлаждения ниже равновесной температуры начала выделения металла из оксида при данных условиях (составе системы). Скорость роста зародышей контролируется внутренним массопереносом (диффузией атомов и ионов кислорода и металла).

Для описания зависимости степени восстановления от внешних параметров существует несколько моделей: модель Колмогорова – Авраами [11], модель Маккевена [12], модель Яндера [2] и др. Эти модели вводят кинетические и структурные параметры – константы скоростей химических стадий, коэффициенты диффузии в структурных элементах и т.д. – которые являются ключевыми для оценки степени восстановления. Значения этих параметров определяются эмпирически по результатам лабораторных опытов и при анализе технологических данных. Основными величинами, определяющими степень прохождения процесса восстановления, являются температура и длительность процесса.

Цель работы: анализ возможности получения чистого металла, когда равновесная степень его восстановления меньше рассчитанного термодинамического предела, т.е. в условиях неравновесного протекания восстановительных процессов.

Основной раздел

В условиях, когда восстановление металла термодинамически оправдано (константа равновесия реакции газового восстановления – $K_p \gg 1$. Если в реакции присутствуют газовые восстановители и продукты и/или в реакции участвуют твердые растворы веществ компонентов), степень восстановления определяется кинетикой процесса (а значит механизмом и внешними условиями – температурой T и временем t) и строением (структурой) исходных веществ и реакционного пространства. Это означает, что, подобрав соответствующий технологический режим, вид и структуру поступающих в металлургический агрегат материалов можно получить необходимую степень восстановления металла в образующемся продукте (полупродукте). Согласно термодинамике, если время процесса достаточно велико ($t \rightarrow \infty$), то степень восстановления α может быть близка к 100%.

Более интересен вопрос о возможности получении чистого металла, когда равновесная степень его восстановления невелика или очень мала (доли % масс). Непреложное правило – степень восстановления в равновесии не может превышать термодинамического предела. Вместе с тем равновесие в восстановительной системе возможно только при отсутствии внешних потоков (вещества, тепла), проходящих через систему. Это условие для любого возможного непрерывного технологического восстановительного процесса не выполняется. В реакционную зону постоянно (или прерывисто) поступают исходные вещества (шихта) и также постоянно продукты восстановления отводятся из реакционной зоны. Через систему проходят потоки реагирующих веществ, система представляет собой проточный реактор. Она открыта и неравновесна, следовательно, термодинамические равновесные расчеты, с помощью которых обычно оценивается выход продукта, его состав и т.д., не могут давать адекватную информацию.

Дальнейшее развитие теории восстановления природнолегированных железных руд оказывается невозможным без привлечения методов неравновесной термодинамики. Особенно это важно для сложных гетерогенных окислительно-восстановительных систем, содержащих твердые фазы и поверхности раздела. В зависимости от внешних условий лимитирующие стадии таких процессов могут протекать со скоростями, которые обеспечивают установление равновесия во всей системе в течение эксперимента. Если отклонения от равновесия не слишком велики, соответствие с экспериментом можно получить, используя методы линейной неравновесной термодинамики [1]. Однако в ряде случаев можно использовать модифицированные методы равновесной термодинамики. Так для объяснения высокой степени восстановления марганца, которая была обнаружена Ю.С. Юсфиным и Ю.Б. Войтковским при низкотемпературном восстановлении MnO газом-восстановителем до металлического марганца [3], в работах [4, 6, 10] предложен специально приспособленный для конкретных задач метод классической термодинамики, который назван методом последовательных

равновесий. Этот метод предполагает введение мгновенного равновесия во всей реакционной системе в последовательном ряду дискретных моментов времени. При переходе от предыдущего момента к последующему состояние системы изменяется скачком.

Метод последовательных равновесий

Метод последовательных равновесий представляет собой комбинацию термодинамического равновесного расчета процесса восстановления и пошагового изменения начальных условий – состава реакционной среды. На каждом следующем шаге восстановительный потенциал остается без изменения (не меняется концентрация восстановительного газа), а концентрация продуктов реакции обнуляется. Считается, что газовый продукт (газ CO_2) и восстановленный металл покидают реакционное пространство. Вследствие этого каждый шаг процесса вновь начинается со стартового состояния реакционной зоны, когда продуктов реакции еще нет, они еще не образовались. Такой способ расчета позволяет пошагово моделировать непрерывные потоки компонентов, которые проходят через систему, в результате чего систему можно считать открытой и неравновесной.

Возможны следующие варианты такого пошагового анализа (рассмотрим вариант газового восстановления твердого оксида, степень восстановления которого в соответствии с термодинамикой мала):

а) Если количество оксида металла (MnO или FeO) ограничено, (оксид в систему не поступает), а продукты – металлический Mn или Fe выводятся из реакционной зоны. Возникает вопрос, можно ли говорить в этом случае о возможности восстановления сверх рассчитанного термодинамического предела или считать, что восстановление практически не идет, в продукте процесса чистый металл не образуется, так как получить степень восстановления выше рассчитанной для равновесных условий невозможно. Если металлический марганец или железо и CO_2 покидают реакционное пространство, то количество MeO от шага к шагу будет сокращаться, а степень восстановления α будет зависеть от числа шагов n . Можно показать, что закон изменения α будет соответствовать геометрической прогрессии

$$\alpha = \alpha_0 (1 - \alpha_0)^n, \quad (1)$$

где α_0 – это термодинамическая доля восстановленного марганца в равновесной системе, т.е. доля однократного восстановления при пошаговом анализе. Суммарная доля восстановленного Me (по массе) ε по отношению к количеству Me , присутствующему в оксиде в начальный момент процесса, при этом будет равна

$$\varepsilon = \frac{m_{\text{Me(мет)}}}{m_{\text{Me(MeO)}}} = 1 - (1 - \alpha_0)^n \quad (2)$$

Понятно, что чем больше число шагов расчета n , тем больше будет эффективная суммарная степень восстановления ε . В пределе при $n \rightarrow \infty$ $\varepsilon \rightarrow 1$, что означает, что даже при незначительной термодинамической степени восстановления α_0 , в неравновесной системе можно получить почти 100% восстановленного металла. Это чисто теоретическая оценка, которая, как и положено в равновесной термодинамике, дает результат только при условии, что на каждом шаге система успевает вернуться в равновесное состояние. Сколько должен длиться каждый шаг при этом не оговаривается, т.к. параметр времени в термодинамике отсутствует. Реальная же степень восстановления будет зависеть от скорости самого процесса и от времени, которое отпущено в технологическом цикле на данный этап процесса в целом. Варьирование числа шагов и получение такого их количества при заданной длительности всего восстановительного этапа, которое позволяет получить степень восстановления близкую к результатам в реальном процессе, позволяет определить степень восстановления в единицу времени, а значит и эффективную скорость самого процесса;

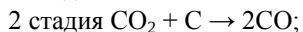
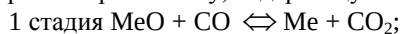
б) Другой вариант метода последовательных равновесий пригоден для анализа полностью открытой металлургической системы, когда кроме ухода из реакционной зоны продуктов восстановления, имеется постоянное возобновление оксида металла в реакционном пространстве печи. При этом концентрация восстановительного газа CO , по-прежнему, поддерживается постоянной. Данный вариант модели представляет собой проточный реактор, работа которого больше всего подходит для описания схемы восстановления в реальном металлургическом агрегате. Степень восстановления и количество восстановленного металла в проточном реакторе будет зависеть от соотношения скорости поступления оксида в печь и скорости реакции восстановления. Если скорость поступления марганца или железа в составе MnO и FeO в печь будет близка к скорости выхода металлического марганца или железа из реакционной зоны и эти скорости не лимитируют, собственно, процесса восстановления металла, то степень восстановления может приближаться к 1. При скорости прихода оксида в печь, меньшей скорости гетерогенной восстановительной реакции, металл может восстанавливаться почти полностью, скорость его выхода из печи при этом не должна превышать скорость поступления оксида в печь. Нежелательным является накопление MnO (FeO) в печи, это может происходить, если скорость прихода MnO (FeO) превышает скорость процесса восстановления. Сравнение результатов расчета с помощью метода последовательных равновесий и опытных данных может позволить определить скорости восстановления металла в газовой среде и провести коррекцию технологического режима реального

металлургического процесса. И так, и для данного случая регулировка технологических параметров позволяет добиться выхода восстановленного металла, превышающего предел степени восстановления, определенный для термодинамической равновесной восстановительной системы. Результат работы [3] поэтому не является неожиданным.

Методы неравновесной термодинамики

Рассмотрим еще один вариант, позволяющий определить возможную степень восстановления металла в неравновесной системе. Используем для этого методы неравновесной термодинамики, которые известны уже достаточно давно, но, к сожалению, пока не нашли себе применение в работах, посвященных анализу металлургических процессов. Основные положения неравновесного термодинамического анализа нелинейной динамической модели системы, которые могут нам потребоваться изложены в работах [5, 8]. Для исследования проточной восстановительной системы, аналогичной той, которая была рассмотрена в предыдущем случае, потребуется следующая последовательность операций. Во-первых, необходимо разработать кинетическую (динамическую) модель восстановительной системы, максимально соответствующую реальному процессу. Во-вторых, анализируя кинетическую модель, требуется решить задачу определения стационарных состояний при неизменных внешних условиях. В-третьих, методом анализа устойчивости стационарных состояний определить конечное состояние системы (аналога равновесного состояния в классической термодинамике) для заданных внешних условий. В-четвертых, надо определить управляющий параметр системы, который позволяют установить наличие (или отсутствие) восстановленного продукта в процессе и зависимость его концентрации от внешних условий.

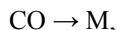
В качестве кинетической модели процесса восстановления оксида металла газовым восстановителем следует рассмотреть схему, содержащую следующие химические стадии:

Стадия 1 характеризуется скоростями прямой и обратной реакций (константы скоростей k_1 и k_{-1} соответственно). Как и прежде считаем систему проточной, MeO поступает в систему и участвует в реакции восстановления, концентрацию MeO можно считать постоянной. Металлический марганец или железо, образующиеся в результате восстановления, удаляются из системы со скоростью восстановления, поэтому их концентрацию также можно считать постоянной. Темп восстановительной реакции определяется константами скоростей прямой и обратной реакций k_1 и k_{-1} и концентрацией восстановительного газа CO, которую обозначим x . Следует учесть дополнительно, что CO может выходить из реакционного пространства с некоторой скоростью, константу скорости ухода CO из реакции обозначим k_2 . Пусть внешние условия процесса таковы, что в зоне реакции среда восстановительная, т.е. реакция (2) сильно смещена в сторону образования CO, концентрация CO₂ много меньше, чем концентрация CO. Скорость реакции (2) не лимитирует процесс, CO₂ участвует в реакции (2) практически полностью – почти весь диоксид углерода, который образуется при восстановлении Me по реакции (1) переходит в CO по реакции (2). Небольшой избыток CO₂ свободно покидает систему. Тогда процесс восстановления Me можно представить, как автокаталитическую реакцию

и дополнительно учесть потери CO при выходе его из реакционного пространства

где M – внешняя среда (молекулы газа, реагентов, связывающих CO), символизирующая удаление CO из пространства восстановления Me.

Кинетическое уравнение процесса восстановления с учетом введенных обозначений будет следующим

$$\frac{dx}{dt} = k_1 c_{\text{MeO}} f x - k_{-1} x^2 - k_2 x \equiv F(x), \quad (3)$$

где c_{MeO} – постоянная концентрация оксида марганца в системе, f – эффективная поверхность твердых фаз, от которой зависит скорость автокатализа CO.

Стационарные состояния данной системы (особые точки динамической функции $F(x)$) определяются

условием $\frac{dx}{dt} = F(x) = 0$, т.е. уравнением

$$k_1 c_{\text{MeO}} f x - k_{-1} x^2 - k_2 x = 0 \quad (4)$$

Вид динамической функции $F(x)$ для случая, когда оба корня уравнения (4) положительны, представлен на рис. 1.

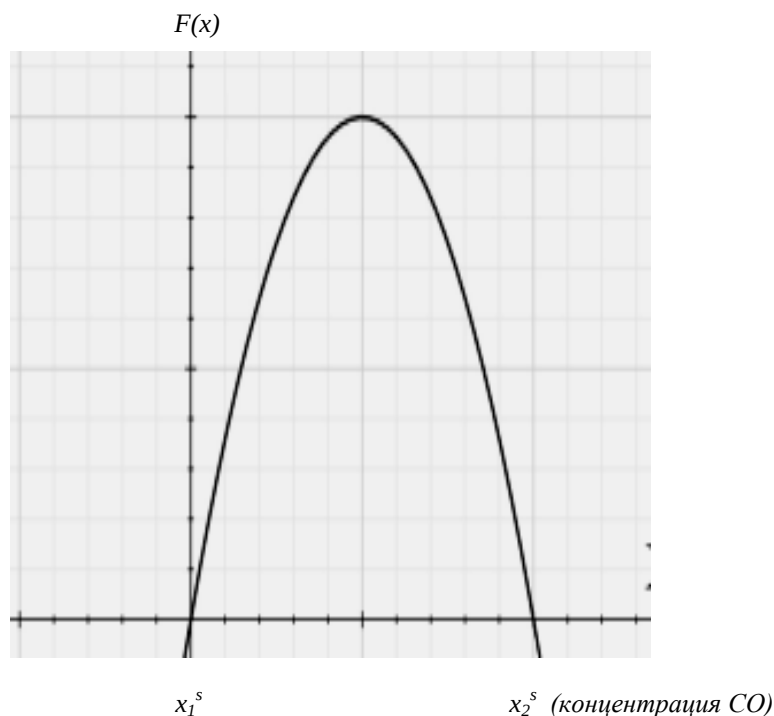

Рис. 1

Стационарные состояния процесса газового восстановления $\text{MeO} \rightarrow \text{Me}$

Точки $x_1^s = 0$ и $x_2^s = \frac{k_1 c_{\text{MnO}} f - k_2}{k_{-1}}$ (решения уравнения $F(x) = 0$) обозначают величины

концентраций СО для двух возможных стационарных состояний системы. Значение $x_1^s = 0$ означает отсутствие восстановления Ме, т.к. концентрация восстановительного газа в этом случае падает до нуля. Значение x_2^s показывает возможность стационарного режима восстановления Ме в случае, если $k_1 c_{\text{MnO}} f > k_2$.

Следует определить, какое из стационарных состояний (x_1^s или x_2^s) является устойчивым, т.к. именно устойчивое стандартное состояние по теореме Пригожина [7, 9] является конечным состоянием неравновесной системы (аналогом равновесия) при неизменных внешних условиях. Критерием устойчивости является знак

производной $F'(x)|_{x_i^s}$ при значениях x_i^s , соответствующих стационарным состояниям. Устойчивость

отвечает отрицательному знаку производной - $F'(x)|_{x_i^s} < 0$, т.к. в этом случае система, будучи выведена

из стационарного состояния, самопроизвольно в него возвращается. Это является следствием линейного анализа устойчивости особых точек динамической функции в соответствии с теорией устойчивости Ляпунова [5]. Для данной модели отрицательный знак производной функция $F(x)$ имеет в состоянии x_2^s , это состояние является устойчивым конечным состоянием процесса восстановления. Это означает, что представленная модель проточной системы восстановления твердого оксида марганца показывает возможность получения металлического марганца при газовом восстановлении оксидом углерода при заданных внешних условиях. Количество металла, получаемого согласно данной схеме в единицу времени определяется величиной x_2^s . Управляющим параметром скорости восстановления металла при постоянной скорости поступления MeO в реакционное пространство ($c_{\text{MeO}} = \text{const}$) и заданных внешних условиях (T, p – не меняются) является величина эффективной поверхности твердых фаз – f , от которой зависит концентрация восстановительного газа СО в атмосфере металлургического агрегата. Критическое значение эффективной поверхности, ниже которого восстановление металла в системе не идет, определяется соотношением

$$f_{\text{кр}} = \frac{k_2}{k_1 c_{\text{MeO}}}, \quad (5)$$

а значит внешними условиями (k_1, k_2 зависят от температуры) и технологическими параметрами (c_{MeO}).

Заключение

Проведенный анализ подтвердил имеющиеся технологические данные, которые показывают, что получение металла при неравновесном твердофазном газовом восстановлении возможно даже в случае, когда термодинамические расчеты свидетельствуют о низкой степени равновесного восстановления оксида металла при заданных внешних условиях. Восстановление металлических оксидов до степени восстановления, большей равновесного предела происходит вследствие неравновесности собственно самого процесса. Два варианта модельного описания процесса позволяют делать оценки степени восстановления металла – метод последовательных равновесий и метод неравновесной термодинамики Пригожина:

– метод последовательных равновесий представляет процесс восстановления, как последовательность сменяющих друг друга моментов термодинамического равновесия. Степень восстановления определяется количеством равновесных сечений всего процесса. Для практического использования этот метод требует экспериментального проведения подбора режимов внешних условий и характеристик исходного шихтового материала;

– неравновесное моделирование на основе кинетических характеристик процесса даёт возможность получить значение управляющего параметра – эффективной поверхности твёрдых фаз, – которое позволяет сделать оценку интервала температур проведения процесса, а также определить дисперсность оксида металла в исходной шихте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев, Е.П. Неравновесная термодинамика в вопросах и ответах. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МЦНМО, 2005. – 160 с. – ISBN 5-94057-191-3.
2. Богданди, Л.Ф. Восстановление железных руд / Л.Ф. Богданди, Г.Ю. Энгель. – М.: Металлургия, 1971. – 520 с.
3. Войтковский, Ю.Б., Пигулевский, В.С., Юсфин, Ю.С. // Изв. Вузов. Черная металлургия. – 1981. – № 11. – С. 149-150.
4. Макеев, В.Я., Козлова, О.Н., Полулях, Л.А. и др. Вовлечение отечественных марганцевых руд в производство // Металлы. – 2020. – № 5. – С. 9-13.
5. Николас, Г., Пригожин, И. Познание сложного. Введение. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 344 с.
6. Петелин, А.Л., Дашевский, В.Я., Полулях, Л.А., Макеев, В.Я. Термодинамическое обоснование процесса дефосфорации марганцевых руд и концентратов в газовой восстановительной среде // Металлы. – 2018. – № 1. – С. 3-8.
7. Петелин, А.Л. Нелинейная термодинамика неравновесных систем: учебное пособие. – М.: Изд. МГТУ им. Баумана, 2014. – 108 с.
8. Пригожин, И., Кондепуди, Д. Современная термодинамика. От тепловых двигателей до диссипативных структур. – М.: Мир, 2009. – 461 с.
9. Термодинамика неравновесных процессов: учеб. пособие / Б.С. Бокштейн [и др.]. – Москва: Издательский Дом НИТУ МИСИС, 2023. – 95 с. – ISBN 978-5-907560-87-1.
10. Юсфин, Ю.С., Войтковский, Ю.Б., Петелин, А.Л., Зайцев, А.К. // Сталь. – 1994. – №8. – С. 10-15.
11. Hillert, M. On the theory of normal and abnormal grain growth. Acta Metall. 1965, 13, 227-238. DOI: 10.1016/0001-6160(65)90200-2.
12. Seth, B.B.L. The mechanism of iron oxide reduction / B.B.L. Seth, H.U. Ross // Trans. Met. Soc. AIME. – 1965. – V. 233. – P. 180-185.

Материал поступил в редакцию 13.08.26

METHODS FOR ANALYSIS OF NONEQUILIBRIUM REDUCTION OF IRON AND MANGANESE OXIDES IN SOLID STATE

A.L. Petelin¹, A.A. Novikov², E.A. Novikova³

¹ Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Materials Science,

² Senior Lecturer, Department of Physical Chemistry,

³ Candidate of Physical and Chemical Sciences, Associate Professor, Department of Physical Chemistry

¹ FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

"Moscow State Technical University named after N.E. Bauman (National Research University)",

^{2,3} FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION

National University of Science and Technology MISIS (NUST MISIS) (Moscow), Russia

Abstract. The features of the solid-phase reduction process are considered, it is shown that the degree of reduction depends on the kinetic causes – on the rate constants of the chemical stages of the process, the value of the open effective surface of the solid phase on which the reduction takes place, diffusion permeability of the medium which ensures the rate of supply of reducing gas molecules to the reaction surface rate of adsorption of reducing agent molecules at surface reduction of metal and rate of solid-phase diffusion of metal and oxygen ions at formation of metal phase inside oxide particles. The use of the sequential equilibrium method has shown that the degree of reduction and the amount of reduced metal will depend on the ratio of the oxide feed rate to the reduction reaction rate. Stable steady-state is determined.

Keywords: solid-phase reduction process, diffusion permeability of medium, method of successive equilibria, methods of nonequilibrium thermodynamics.

Technical sciences

Технические науки

УДК 621.762:669.3

**ТЕХНОЛОГИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ПОРИСТЫХ ПРОНИЦАЕМЫХ МАТЕРИАЛОВ
НА ОСНОВЕ МЕДИ И ЕЁ СПЛАВОВ И ИХ СВОЙСТВА****З.Л. Алимбабаева**, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплинФилиал Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина (г. Ташкент),
Узбекистан

E-mail: alimbabaevazulxumor@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена технология получения пористых проницаемых материалов на основе меди и её сплавов методом порошковой металлургии. Исследовано влияние состава порошков, параметров формования и режимов спекания на формирование пористой структуры. Показана возможность получения материалов с регулируемой пористостью, высокой проницаемостью и коррозионной стойкостью. Полученные результаты позволяют расширить применение пористых материалов в фильтрационных системах и технических устройствах.

Ключевые слова: медные порошки, бронза, порошковая металлургия, пористые проницаемые материалы, спекание, пористая структура, фильтрующие материалы.

Введение

Современное развитие промышленности требует создания новых функциональных материалов с заданными эксплуатационными характеристиками. Особое место среди них занимают пористые проницаемые материалы на основе цветных металлов, обладающие сочетанием высокой проницаемости, коррозионной стойкости и стабильности свойств при длительной эксплуатации. Перспективным направлением является использование меди и её сплавов, которые благодаря высокой теплопроводности, химической устойчивости и технологичности широко применяются в различных технических устройствах. Получение пористых материалов на основе медных порошков методом порошковой металлургии позволяет регулировать структуру порового пространства, размеры пор и эксплуатационные характеристики изделий. Изменение состава порошков, условий формования и режимов спекания оказывает значительное влияние на формирование межчастичных контактов, открытую пористость и проницаемость материала. [1]. Особый интерес представляют бронзовые материалы на основе системы Cu–Sn, которые отличаются высокой коррозионной стойкостью и хорошими антифрикционными свойствами [2]. Благодаря этим преимуществам пористые материалы из меди и её сплавов находят применение в фильтрующих элементах, подшипниках скольжения, теплообменных устройствах и других областях техники [3]. Однако обеспечение оптимального сочетания прочности, проницаемости и заданной пористости требует дальнейшего исследования технологических параметров получения таких материалов. В связи с этим разработка технологии формирования пористых проницаемых материалов на основе меди и её сплавов является актуальной научно-технической задачей.

Материалы и методы исследования

В качестве исходных материалов для получения пористых проницаемых материалов использовали порошки меди и её сплавов, в том числе оловянной бронзы системы Cu–Sn. Выбор данных материалов обусловлен их высокой коррозионной стойкостью, хорошей теплопроводностью, технологичностью и способностью формировать устойчивую пористую структуру после спекания [4]. Исследования проводили с использованием методов порошковой металлургии, включающих подготовку порошкового сырья, классификацию по фракционному составу, формование и последующее спекание. Размер частиц порошков регулировали для получения заданных параметров поровой структуры и обеспечения необходимых эксплуатационных характеристик материалов. Формование образцов осуществляли методом свободной засыпки порошков в специальные пресс-формы с последующим уплотнением. Спекание проводили в защитной атмосфере при температурных режимах, обеспечивающих формирование прочных межчастичных контактов при сохранении открытой пористости материала. Для оценки свойств полученных образцов определяли общую и открытую пористость, коэффициент проницаемости, механическую прочность и особенности формирования порового пространства. Исследование взаимосвязи между технологическими параметрами получения и структурно-эксплуатационными характеристиками позволило определить условия формирования пористых проницаемых материалов на основе меди и её сплавов.

Результаты и обсуждение

Исследование показало, что формирование пористой структуры материалов на основе меди и её сплавов в значительной степени зависит от характеристик исходного порошка и параметров процесса спекания. При термической обработке происходит диффузионное взаимодействие между частицами порошка, сопровождающееся образованием прочных межчастичных контактов и сохранением развитой системы открытых пор. Установлено, что увеличение температуры спекания способствует повышению прочности материала за счёт роста площади контакта между частицами. Однако чрезмерное повышение температуры может привести к уменьшению объёма открытой пористости вследствие интенсивного уплотнения структуры. Поэтому выбор оптимального режима спекания является важным фактором для получения материалов с требуемым сочетанием прочности и проницаемости [5].

Таблица 1

Влияние фракционного состава порошка на свойства пористых материалов на основе меди и её сплавов

Фракция порошка, мкм	Открытая пористость, %	Средний размер пор, мкм	Коэффициент проницаемости, $\times 10^{-12} \text{ м}^2$	Предел прочности при изгибе, МПа
40–63	34–36	10–15	1,8	68–72
63–100	36–39	18–25	6,5	60–65
100–160	40–43	30–40	14,2	50–56
160–250	43–46	45–60	28,7	40–46

Анализ данных, представленных в таблице 1, показывает, что с увеличением размера частиц порошка возрастают открытая пористость и коэффициент проницаемости материала. Одновременно увеличивается средний размер пор, однако механическая прочность постепенно снижается. Следовательно, выбор оптимального фракционного состава порошка является одним из основных факторов, определяющих эксплуатационные свойства пористых материалов на основе меди и её сплавов.

При использовании бронзовых порошков системы Cu–Sn формируются пористые материалы, обладающие высокой коррозионной стойкостью, хорошей теплопроводностью и стабильностью эксплуатационных характеристик. Регулирование размера частиц порошка позволяет изменять размеры поровых каналов и управлять фильтрационными свойствами получаемых материалов. Анализ полученных результатов показывает, что пористые материалы на основе меди и её сплавов могут эффективно применяться для изготовления фильтрующих элементов, проницаемых конструктивных деталей, теплообменных устройств и других изделий, где требуется сочетание высокой проницаемости и механической прочности [6].

Заключение

В результате проведённых исследований установлено, что применение порошковой металлургии позволяет получать пористые проницаемые материалы на основе меди и её сплавов с регулируемой структурой и заданными эксплуатационными характеристиками. Выбор состава порошкового сырья, параметров формования и режимов спекания оказывает существенное влияние на формирование порового пространства, прочность и проницаемость материалов. Показано, что медные и бронзовые материалы обладают высокой коррозионной стойкостью, хорошей теплопроводностью и стабильностью свойств при эксплуатации, что определяет перспективность их использования в фильтрующих элементах, теплообменных устройствах и других технических системах. Разработанные технологические подходы позволяют управлять параметрами пористой структуры и получать материалы с оптимальным сочетанием механической прочности и проницаемости. Полученные результаты могут быть использованы при создании эффективных пористых конструктивных и фильтрующих материалов на основе цветных металлов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алимбабаева, З.Л., Камилова, Г.М. Свойства исходных порошковых материалов для термодиффузионного легирования. – Наманган: Научный журнал Механика и технология, № 2 (13), 2025. – С.203-207.
2. Волкогон, Г.М., Еремеева, Ж.В., Ледовской, Д.А. *Современные процессы порошковой металлургии*. – Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2020. – 208 с.
3. Либенсон, Г.А., Лопатин, В.Ю., Комарницкий, Г.В. *Процессы порошковой металлургии*. – М.: МИСИС, 2018. – 368 с.
4. Набойченко, С.С. *Металлургия цветных металлов*. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет, 2014. – 576 с.
5. Набойченко, С.С., Смирнов, В.И. *Металлургия меди и никеля*. – Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 2002. – 452 с.
6. Солонин, С.М., Гусев, А.И. *Порошковая металлургия: получение, структура и свойства материалов*. – М.: Наука, 2020. – 384 с.

Материал поступил в редакцию 04.08.26

TECHNOLOGY FOR OBTAINING POROUS PERMEABLE MATERIALS BASED ON COPPER AND ITS ALLOYS AND THEIR PROPERTIES

Z.L. Alimbabaeva, Associate Professor of the Department of General Professional Disciplines
Branch of the Russian State University of Oil and Gas (National Research University)
named after I.M. Gubkin in Tashkent, Republic of Uzbekistan
E-mail: alimbabaevazulxumor@gmail.com

Abstract. *The article discusses the technology of obtaining porous permeable materials based on copper and its alloys by the method of powder metallurgy. Influence of powder composition, forming parameters and sintering modes on formation of porous structure is investigated. Possibility of obtaining materials with controlled porosity, high permeability and corrosion resistance is shown. Obtained results make it possible to expand application of porous materials in filtration systems and technical devices.*

Keywords: *copper powders, bronze, powder metallurgy, porous permeable materials, sintering, porous structure, filtering materials.*

Agricultural sciences
Сельскохозяйственные науки

УДК 634.5:631.526.32(575.1)

**ФЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАЗЫ КОЛЛЕКЦИИ МИНДАЛЯ
(AMYGDALUS COMMUNIS L.) В УСЛОВИЯХ СУРХАНДАРЬИНСКОЙ ОБЛАСТИ:
РАЗЛИЧИЯ СРОКОВ ЦВЕТЕНИЯ И СОЗРЕВАНИЯ**

Х.Г. Мансуров¹, У.Х. Туракулов², У.К. Джумаев³

¹ доктор философии (PhD) по сельскохозяйственным наукам, заместитель директора по научной работе и инновациям, ² доктор философии (PhD) по сельскохозяйственным наукам, директор, ³ заведующий отделом генофонда растений

¹⁻³ Сурхандарьинская научно-исследовательская опытная станция

Научно-исследовательского института генетических ресурсов растений (Джаркурган), Узбекистан

E-mail: mansurov-husniddin@mail.ru; ORCID: 0009-0001-1852-5273

Аннотация. В статье представлены результаты фенологических наблюдений за коллекцией миндаля (*Amygdalus communis* L.) в условиях Сурхандарьинской области в 2026 году. У 56 образцов изучены сроки набухания почек, цветения и созревания плодов. Цветение приходилось на 16 февраля – 7 марта, полное созревание — на 14–28 июля, вегетационный период — 139–160 дней. Установлена слабая связь между сроками цветения и созревания ($r = 0,23$), подтверждающая относительную независимость этих признаков. Выделены раннеспелые, позднеспелые и позднецветущие образцы как источники ценных признаков для селекции.

Ключевые слова: миндаль, *Amygdalus communis* L., коллекция, генофонд, фенология, цветение, созревание, вегетационный период, селекция.

ВВЕДЕНИЕ

Миндаль обыкновенный (*Amygdalus communis* L., syn. *Prunus dulcis* (Mill.) D.A. Webb) — одна из древнейших орехоплодных культур с высоким пищевым и хозяйственным значением. Юг Узбекистана, в частности Сурхандарьинская область, отличается благоприятными для миндаля условиями: высокой суммой активных температур, продолжительным вегетационным периодом и относительно засушливым климатом. Миндаль зацветает раньше всех плодовых культур, поэтому его репродуктивные фенофазы особенно уязвимы к весенним заморозкам, а сроки цветения и созревания служат ключевыми адаптивными признаками. Цель исследования — изучить сроки прохождения основных фенофаз у образцов коллекции миндаля Сурхандарьинской НИОС в 2026 году, оценить их межсортовую изменчивость и характер связи между сроками цветения и созревания.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Научные основы сохранения генетических ресурсов растений заложены Н.И. Вавиловым [1]; полевые генбанки признаны ФАО одним из основных методов их сохранения [7]. Sakar E.H. с соавторами [6] кодифицировали фенофазы миндаля по расширенной шкале BVCH. Martínez-Gómez P. с соавторами [4] показали, что срок цветения является важнейшим признаком адаптации, а позднее цветение служит средством ухода от заморозков. Prudencio Á.S. с соавторами [5] установили, что сроки цветения и созревания у миндаля являются по существу независимыми признаками, а Kumawat K.L. с соавторами [3] выявили тесную связь репродуктивной фенологии с температурой воздуха.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследования проведены в 2026 году в полевом генбанке Сурхандарьинской НИОС Научно-исследовательского института генетических ресурсов растений (Джаркурганский район). Объектом служили 56 образцов миндаля (*Amygdalus communis* L.), по 2–3 дерева на образец (всего в генбанке сохраняется 98 образцов); схема посадки — 6,0 × 5,0 м. Фенологические наблюдения вели по методическим указаниям ВИР им. Н.И. Вавилова и Bioversity International [2]: в фазу распускания почек — через день, в фазу цветения — ежедневно, в остальные фазы — через 3–5 дней. Продолжительность вегетационного периода рассчитывали от набухания почек до полного созревания, связь между сроками цветения и созревания оценивали корреляционным анализом (коэффициент Пирсона).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В условиях 2026 года набухание почек происходило 13 февраля – 4 марта, а цветение начиналось 16 февраля – 7 марта (межсортовой размах 19 дней) при продолжительности собственно цветения 2–4 дня. По

срокам начала цветения выделены раннецветущие (16–18 февраля) — 29 образцов, среднецветущие (19–21 февраля) — 21 и поздноцветущие (22 февраля – 7 марта) — 6 образцов. Наиболее поздно зацвели Первенец (7 марта), Красивый-2 (26 февраля), Неринария (25 февраля) и Кустонай (24 февраля), представляющие интерес для зон с риском весенних заморозков [4].

Полное созревание приходилось на 14–28 июля (размах 14 дней). Наиболее раннеспелы Консайский (14 июля), Конзина-6 и Самаркандский-1 (15 июля), позднеспелы — Зарина и Нонпарель (28 июля). Продолжительность вегетационного периода составила 139–160 дней (в среднем 152 дня). Данные по образцам приведены в таблице 1.

Таблица 1

**Сроки прохождения фенофаз образцов коллекции миндаля
(*Amygdalus communis* L.), Сурхандарьинская НАО, 2026 г.**

№	Сорт / образец	Начало цветения	Полное созревание	Вегетационный период, дн.
1	Дехконобод	19.02	18.07	151
2	Кайзиска	17.02	16.07	152
3	Первенец	07.03	21.07	139
4	Шякоскорленая	16.02	17.07	154
5	Тош бодом 1	17.02	19.07	155
6	Кондисна-7	18.02	18.07	153
7	Туркменская	21.02	18.07	150
8	Конзина-6	16.02	15.07	151
9	Алихон-1	18.02	16.07	151
10	Консайский	21.02	14.07	147
11	Колджена-2	17.02	16.07	152
12	Колжена-8	18.02	17.07	152
13	Бостонлик	19.02	17.07	151
14	Тош бодом курку	18.02	18.07	152
15	Красивый 1	16.02	17.07	154
16	Самаркандский 1	17.02	15.07	150
17	Тошкентский	20.02	19.07	152
18	Айдринский	18.02	16.07	151
19	Кайденинко-2	21.02	18.07	150
20	Кайденинко-5	16.02	18.07	155
21	Алохон-3	22.02	16.07	147
22	Писта бодом-1	16.02	17.07	154
23	Санябрский (позня)	16.02	22.07	159
24	Неринария	25.02	19.07	147
25	Кустонай	24.02	26.07	158
26	Кунгирбодом	16.02	16.07	152
27	Зарина	21.02	28.07	160
28	Мелкоточная	17.02	24.07	160
29	Колдисна-3	21.02	17.07	149
30	Гладкая(без ресу)	22.02	16.07	147
31	Писта бодом-2	18.02	18.07	153
32	Колдина-1	19.02	18.07	151
33	Чекма бодом	20.02	17.07	150
34	Гулдер	17.02	18.07	153
35	Самаркандский 2	21.02	25.07	157
36	Тяншанский	21.02	27.07	158

№	Сорт / образец	Начало цветения	Полное созревание	Вегетационный период, дн.
37	Алтимориский	17.02	18.07	153
38	Селтетрънне позняя	21.02	27.07	158
39	Нонпарель	21.02	28.07	160
40	Тош бодом курпния	18.02	18.07	152
41	Малика	21.02	19.07	151
42	Кентжна-4	20.02	18.07	150
43	Устойчивый	17.02	19.07	154
44	Красивый 2	26.02	16.07	142
45	Колдиеня-3	21.02	19.07	151
46	Кандиёна-6	17.02	18.07	153
47	Колхозная	19.02	19.07	152
48	Тош бодом 2	17.02	22.07	157
49	Дехконобод-2	21.02	21.07	153
50	Алихон мелкоченди	19.02	—	—
51	Алихон-3	18.02	16.07	150
52	Колдияна-1	17.02	18.07	153
53	Чакма бодом	17.02	19.07	154
54	Аччик бодом	21.02	19.07	151
55	Кунгир бодом	18.02	18.07	152
56	Гладик почти без рис	17.02	25.07	160

Примечание: по образцу «Алихон мелкоченди» зафиксировано только цветение; данные о созревании отсутствуют.

Сопоставление показало, что раннее цветение не гарантирует раннего созревания: связь между датами начала цветения и полного созревания слабая ($r = 0,23$), что свидетельствует об относительной независимости этих признаков (рис. 1) и согласуется с данными Prudencio Á.S. с соавторами [5]. Так, раннецветущие образцы Мелкоточная и Гладик почти без рис (17 февраля) созревали одними из последних (24–25 июля), тогда как поздноцветущий Красивый-2 (26 февраля) — одним из первых (16 июля). Практически это означает, что позднее цветение (уход от заморозков) и раннеспелость могут сочетаться в одном генотипе, что открывает возможность создания устойчивых к заморозкам раннеспелых сортов.

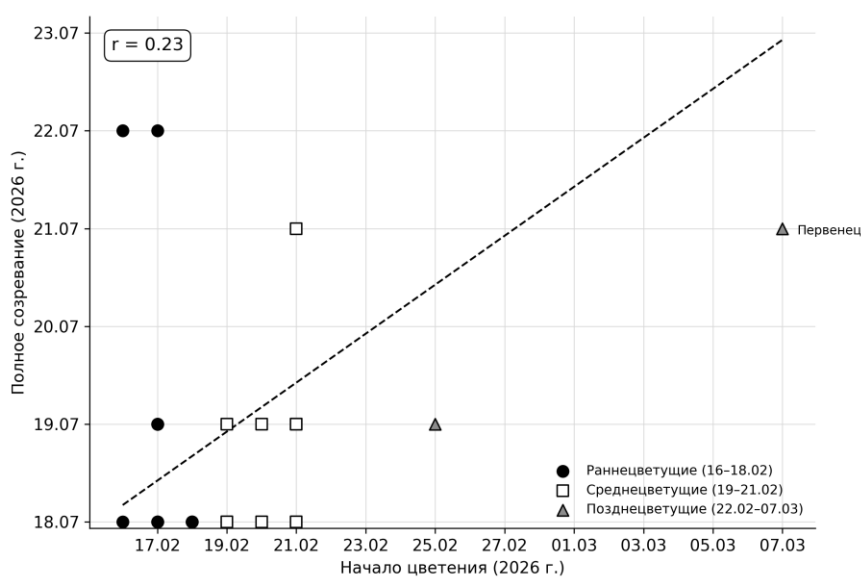

Рис. 1. Соотношение сроков начала цветения и полного созревания у образцов миндаля ($n = 55$); пунктир — линия тренда, $r = 0,23$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В условиях Сурхандарьинской области в 2026 году цветение образцов миндаля протекало 16 февраля – 7 марта, полное созревание — 14–28 июля, вегетационный период — 139–160 дней. Слабая связь между сроками цветения и созревания ($r = 0,23$) подтверждает относительную независимость этих признаков и широкую экологическую пластичность генофонда. В качестве исходного материала для селекции выделены раннеспелые (Консайский, Конзина-6, Самаркандский-1), позднеспелые (Первенец, Красивый-2, Неринария) и позднеспелые (Зарина, Нонпарель) образцы. Дальнейшие исследования целесообразно дополнить оценкой урожайности и учётом суммы эффективных температур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавилов, Н.И. Происхождение и география культурных растений / Н. И. Вавилов. — Ленинград : Наука, 1987. — 440 с.
2. Изучение и поддержание коллекций плодовых культур : методические указания / ВИР им. Н. И. Вавилова, Bioversity International. — Санкт-Петербург : ВИР.
3. Kumawat, K.L. Association of reproductive phenology with air temperature in almond (*Prunus dulcis* [Mill.] D. A. Webb) cultivars under Northwestern Himalayan conditions / K. L. Kumawat, S. K. Raina, D. Kumar [et al.] // *Applied Fruit Science*. — 2024. — Vol. 66. — DOI: 10.1007/s10341-023-00991-9.
4. Martínez-Gómez, P. The delay of flowering time in almond: a review of the combined effect of adaptation, mutation and breeding / P. Martínez-Gómez, Á. S. Prudencio, T. M. Gradziel, F. Dicenta // *Euphytica*. — 2017. — Vol. 213. — Art. 197. — DOI: 10.1007/s10681-017-1974-5.
5. Prudencio, Á.S. Analysis of the modulation of dormancy release in almond (*Prunus dulcis*) in relation to the flowering and ripening dates and production under controlled temperature conditions / Á. S. Prudencio, P. Martínez-Gómez, F. Dicenta // *Agronomy*. — 2020. — Vol. 10, № 2. — Art. 277. — DOI: 10.3390/agronomy10020277.
6. Sakar, E.H. Codification and description of almond (*Prunus dulcis*) vegetative and reproductive phenology according to the extended BBCH scale / E. H. Sakar, M. El Yamani, A. Boussakouran, Y. Rharrabti // *Scientia Horticulturae*. — 2019. — Vol. 247. — P. 224–234. — DOI: 10.1016/j.scienta.2018.11.052.
7. The Second Report on the State of the World's Plant Genetic Resources for Food and Agriculture. — Rome : FAO, 2010. — 370 p.

Материал поступил в редакцию 18.08.26

PHENOLOGICAL PHASES OF THE ALMOND (*AMYGDALUS COMMUNIS* L.) COLLECTION UNDER THE CONDITIONS OF THE SURKHANDARYA REGION: DIFFERENCES IN FLOWERING AND RIPENING TIMES

Kh.G. Mansurov¹, U.Kh. Turakulov², U.K. Djumaev³

¹ PhD in Agricultural Sciences, Deputy Director for Scientific Research and Innovation,

² PhD in Agricultural Sciences, Director, ³ Head of the Plant Gene Pool Department

¹⁻³ Surkhandarya Research and Experimental Station of the Research Institute of Plant Genetic Resources (Jarkurgan), Uzbekistan

E-mail: mansurov-husniddin@mail.ru; ORCID: 0009-0001-1852-5273

Abstract. The article presents phenological observations of the almond (*Amygdalus communis* L.) collection in the Surkhandarya region in 2026. In 56 accessions, the timing of bud swelling, flowering and fruit ripening was studied. Flowering occurred on 16 February – 7 March, full ripening on 14–28 July, and the vegetation period lasted 139–160 days. A weak correlation between flowering and ripening dates was found ($r = 0.23$), confirming the relative independence of these traits. Early-ripening, late-flowering and late-ripening accessions were identified as sources of valuable breeding traits.

Keywords: almond, *Amygdalus communis* L., collection, gene pool, phenology, flowering, ripening, vegetation period, breeding.

Economic sciences
Экономические науки

УДК 330

**ФОРМИРОВАНИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕСУРСОВ ФЕРМЕРСКИХ
ХОЗЯЙСТВ УЗБЕКИСТАНА И АНАЛИЗ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ**

Б.Ю. Рашидов, соискатель кафедры «Экономика и менеджмент»

Нукусский государственный технический университет (г. Нукус), Республика Каракалпакстан

***Аннотация.** В статье исследуются особенности формирования финансовых ресурсов фермерских хозяйств Республики Узбекистан, анализируются основные источники финансирования сельскохозяйственного производства, выявляются существующие проблемы и определяются перспективные направления совершенствования финансового обеспечения фермерских хозяйств. Особое внимание уделено вопросам повышения эффективности использования финансовых ресурсов в условиях рыночной экономики, государственной поддержки аграрного сектора и внедрения современных финансовых инструментов. Предложены рекомендации по совершенствованию механизмов финансирования фермерских хозяйств и повышению их финансовой устойчивости.*

***Ключевые слова:** фермерское хозяйство, финансовые ресурсы, эффективность, кредитование, инвестиции, государственная поддержка, сельское хозяйство, Узбекистан.*

Введение

Сельское хозяйство является одной из стратегически важных отраслей экономики Республики Узбекистан. За последние годы в стране реализован комплекс реформ, направленных на повышение эффективности аграрного производства, обеспечение продовольственной безопасности и увеличение экспортного потенциала сельскохозяйственной продукции. В этих условиях особую актуальность приобретает проблема формирования финансовых ресурсов фермерских хозяйств, поскольку именно финансовое обеспечение определяет возможности внедрения современных технологий, обновления материально-технической базы и повышения конкурентоспособности отечественной сельскохозяйственной продукции.

Финансовые ресурсы являются основой устойчивого развития фермерских хозяйств. Их рациональное формирование и эффективное использование способствуют росту производительности труда, увеличению объемов производства и повышению рентабельности сельскохозяйственного бизнеса.

Основные источники формирования финансовых ресурсов фермерских хозяйств. Финансовые ресурсы фермерских хозяйств представляют собой совокупность денежных средств, находящихся в распоряжении хозяйства и предназначенных для финансирования текущей деятельности и реализации инвестиционных проектов.

Основными источниками формирования финансовых ресурсов являются:

- собственные средства фермерского хозяйства;
- банковские кредиты;
- государственные субсидии и льготные программы;
- инвестиционные средства;
- средства международных финансовых организаций;
- доходы от реализации сельскохозяйственной продукции;
- гранты и целевые программы развития сельского хозяйства.

Наибольшую долю в структуре финансовых ресурсов занимают собственные средства и банковские кредиты. Однако ограниченность собственного капитала большинства фермерских хозяйств значительно снижает возможности их дальнейшего развития.

Анализ эффективности использования финансовых ресурсов. Эффективность использования финансовых ресурсов определяется способностью фермерского хозяйства получать максимальный экономический результат при минимальных финансовых затратах.

Основными показателями оценки эффективности являются:

- уровень рентабельности;
- прибыль;
- производительность труда;
- урожайность сельскохозяйственных культур;

- фондоотдача;
- коэффициент финансовой устойчивости;
- коэффициент ликвидности;
- оборачиваемость оборотных средств.

Практика показывает, что эффективность использования финансовых ресурсов зависит от качества финансового менеджмента, доступности кредитных ресурсов, уровня государственной поддержки и применения современных технологий.

За последние годы в Узбекистане значительно расширились возможности финансирования сельского хозяйства. Вместе с тем сохраняется ряд факторов, ограничивающих финансовое развитие фермерских хозяйств.

Основные проблемы формирования финансовых ресурсов. Несмотря на проводимые реформы, существует ряд проблем:

Во-первых, ограниченный доступ к долгосрочным кредитам вследствие высоких требований банков к обеспечению кредитов.

Во-вторых, высокая стоимость коммерческих кредитов увеличивает себестоимость сельскохозяйственной продукции.

В-третьих, недостаточная обеспеченность собственными оборотными средствами ограничивает возможность расширения производства.

В-четвертых, низкий уровень финансовой грамотности отдельных фермеров затрудняет эффективное управление денежными потоками.

В-пятых, зависимость сельского хозяйства от природно-климатических факторов повышает финансовые риски и снижает инвестиционную привлекательность отрасли.

Кроме того, недостаточно развит механизм сельскохозяйственного страхования, что увеличивает вероятность финансовых потерь при неблагоприятных погодных условиях.

Пути совершенствования формирования финансовых ресурсов. Для повышения эффективности формирования финансовых ресурсов фермерских хозяйств целесообразно реализовать следующие мероприятия:

- расширить программы льготного кредитования сельско хозяйственных производителей;
- увеличить объем государственной финансовой поддержки;
- совершенствовать систему агrostрахования;
- развивать механизмы государственно-частного партнерства;
- стимулировать привлечение иностранных инвестиций;
- внедрять цифровые финансовые технологии;
- развивать сельскохозяйственный лизинг;
- совершенствовать систему налоговых льгот;
- повышать финансовую грамотность фермеров.

Особое значение имеет внедрение современных цифровых платформ, позволяющих оперативно получать финансовые услуги, оформлять кредиты и контролировать движение денежных средств.

Повышение эффективности использования финансовых ресурсов. Повышение эффективности возможно посредством:

- внедрения ресурсосберегающих технологий;
- использования современной сельскохозяйственной техники;
- оптимизации структуры затрат;
- диверсификации производства;
- развития переработки сельскохозяйственной продукции;
- совершенствования системы финансового планирования;
- применения методов бюджетирования и управленческого учета.

Использование современных методов финансового анализа позволит своевременно выявлять проблемные направления деятельности и принимать эффективные управленческие решения.

Заключение

Формирование финансовых ресурсов является одним из ключевых факторов устойчивого развития фермерских хозяйств Республики Узбекистан. Современные экономические условия требуют совершенствования механизмов финансирования аграрного сектора, расширения доступа к кредитным ресурсам и повышения эффективности использования финансовых средств.

Реализация предлагаемых мер позволит укрепить финансовую устойчивость фермерских хозяйств, повысить конкурентоспособность отечественной сельскохозяйственной продукции, увеличить инвестиционную привлекательность отрасли и обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства страны.

Таким образом, дальнейшее совершенствование финансового обеспечения фермерских хозяйств должно основываться на комплексном подходе, объединяющем государственную поддержку, развитие

финансового рынка, внедрение инновационных технологий и повышение эффективности управления финансовыми ресурсами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Закон Республики Узбекистан «О сельском хозяйстве».
2. Закон Республики Узбекистан «О фермерском хозяйстве».
3. Конституция Республики Узбекистан.
4. Материалы Агентства статистики при Президенте Республики Узбекистан.
5. Научные статьи по вопросам финансирования аграрного сектора и развития фермерских хозяйств.
6. Публикации Министерства сельского хозяйства Республики Узбекистан.
7. Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022–2026 годы.

Материал поступил в редакцию 27.07.26

FORMATION OF FINANCIAL RESOURCES OF FARMS OF UZBEKISTAN AND ANALYSIS OF THEIR EFFICIENCY

B.Yu. Rashidov, Candidate of Economics and Management Department
Nukus State Technical University (Nukus), Republic of Karakalpakstan

Abstract. *The article examines the peculiarities of the formation of financial resources of farms in the Republic of Uzbekistan, analyzes the main sources of financing for agricultural production, identifies existing problems and identifies promising areas for improving the financial support of farms. Particular attention is paid to improving the efficiency of the use of financial resources in a market economy, state support for the agricultural sector and the introduction of modern financial instruments. Recommendations were proposed to improve the mechanisms for financing farms and increase their financial stability.*

Keywords: *farming, financial resources, efficiency, lending, investments, government support, agriculture, Uzbekistan.*

Philological sciences
Филологические науки

УДК 81.161.1

**ПРАВСТВЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ РАННЕЙ ПРОЗЫ В. БЫКОВА
(ПОВЕСТЬ «ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК»)***

О.В. Богданова¹, И.С. Богданов²

¹ доктор филологических наук, профессор, ² старший преподаватель

^{1, 2} Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (г. Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. В статье анализируется самая ранняя повесть белорусского писателя Василя Быкова (1924–2003) «Журавлиный крик» (1959) и прослеживаются ее образно-художественные особенности, которые будут развиты прозаиком в его последующих зрелых военных и партизанских повестях и романах. В ходе анализа повести выявляются главные составляющие быковской манеры письма и те новые ракурсы, которые вводил писатель-фронтовик в прозу о войне. Показано, что Быков вступал в противоречие с «панорамным» характером освещения войны и с тенденцией тотальной героизации (романы К. Симонова и А. Чаковского) и настаивал на усилении исследования психологических слагаемых человеческого поведения в экстремальной «пограничной ситуации» военного времени. Продemonстрировано, что уже в рамках своей первой военной повести Быков намеренно акцентировал проблемы амбивалентности и дихотомии человеческой природы, подчиняющейся далеко не социальным и идеологическим условиям, но самой натуре человека, когда, кажется, одни и те же черты характера демонстрируют или могут продемонстрировать решительно противоположные интенции. В обращении к раннему тексту «Журавлиного крика» установлено, что уже здесь Быковым сформирован основной массив тех типов характеров, которые в дальнейшем будут интересовать писателя и которые будут подвергаться авторской рефлексии. Показано, что основным принципом конструирования раннего текста у Быкова становится принцип «перевертыша», нарушения инерции традиционного восприятия коллизий военного времени. В качестве текста, традиции которого развивал Быков в «Журавлином крике», назван роман А. Фадеева «Разгром», в котором советского писателя-соцреалиста интересовали те же бинарные оппозиции, что и белорусского прозаика.

Ключевые слова: В. Быков, повесть «Журавлиный крик», система героев, бинарные оппозиции, парные персонажи, прием семантического перевертыша.

Повесть Василя Быкова «Журавлиный крик» относится к ранним произведениям белорусского прозаика. Написанная в 1959 году, впервые на белорусском языке она появилась в сборнике «Журавлиный крик» (Минск: Дзяржвыдат БССР, 1960), на русском — в сборнике повестей и рассказов с тем же названием «Журавлиный крик» (М.: Советский писатель, 1961). Позднее в 1975 году повесть была экранизирована, на киностудии «Беларусьфильм» по ней был снят фильм «Долгие версты войны» (реж. А. Карпов)¹.

О повести «Журавлиный крик» писала советская критика (А. Бочаров [2], И. Дедков [9], Л. Лазарев [10], Н. Пашкевич [13], А. Шагалов [18], И. Штокман [19] и др.), но в целом обращение к ней было достаточно локальным и эпизодичным. По мысли критика Л. Лазарева, «Журавлиный крик» «прошел мимо русских журналов» [10, с. 28] и причина состояла в том, что другие повести Быкова (например, «Третья ракета») появились в русских журналах прежде, чем повесть «Журавлиный крик» в московском сборнике, потому «возвращаться <...> к вещам, написанным Быковым раньше, было как-то не с руки, и потому им (особенно «Журавлиному крику») <...> было уделено меньше внимания, чем они заслуживали» [10, с. 28].

Между тем относительно подробный разбор повести «Журавлиный крик» был предложен критиками Л. Лазаревым и И. Дедковым. Основной доминантой критического анализа Лазарева была идея о том, что цель прозаика — «проникнуть в суть характера, постичь обстоятельства, его формировавшие» [10, с. 34]. По мысли критика, художник «отыскивает некую закономерность в том, что его герой — человек определенного типа — вел себя в сложившейся ситуации так, а не иначе» [10, с. 34]. Дедков обратил внимание на то, что в «Журавлином крике» писатель «дал выход новому, прежде отнесенному, как бы «неинтересному» содержанию войны, напоминал о «многовариантности» человеческих судеб, об их социальной обусловленности, о трагической сложности индивидуального выбора» [9, с. 95]. Однако в силу исторических особенностей времени акцент в критике в основном делался на том, что в центре повести «Журавлиный крик» стоит «проблема ответственности человека за свои действия» [16, с. 57], проблема совести и проблема выбора, причем преимущественно выбора героического, в итоге приведшего к победе в войне над фашистской Германией. Внимание критики в главном было обращено к персонажам героического склада, к проблеме высокой жертвенности и ответственности.

Однако с точки зрения сегодняшнего дня, когда ясна полная перспектива развития творчества Быкова, пожалуй, наибольший интерес «Журавлиный крик» представляет собой как текст, из которого вырастет все последующее художественное творчество прозаика, повесть интересна как самая ранняя, содержащая в себе в той или иной мере истоки по существу всех последующих быковских произведений.

Писатель-фронтовик, участник военных действий Быков неоднократно говорил о том, что до начала своей творческой деятельности он не был удовлетворен теми художественными произведениями, в которых изображались события Великой Отечественной войны. Он писал: «Сороковые годы дали нашей литературе ряд замечательных образов героев, мы привыкли за много лет к мужественному неувяющему Василию Теркину, к деятельным и высоконравственным героям О. Гончара, к негибаемому в своем священном стремлении стать в строй бойцов Мересьеву, к <...> мужественным разведчикам Эм. Казакевича» [3, с. 343], но при этом, по словам Быкова, «правда о войне, о подвиге народа была высказана далеко не вся, далеко не полно» [3, с. 343]. Если во время войны и сразу после войны писатели создавали свои произведения «по горячим следам», они «не имели ни времени, ни возможности для осмысления всех проявлений войны» [3, с. 343], то позднее, по мысли писателя, настало время отказаться от «благополучно-героических штампов» и «картонных молодцов» и начать писать «со знанием и пониманием психологии людей и природы войны» [3, с. 345]. Именно *психология людей* оказалась в центре произведений Быкова. Неслучайно А. Бочаров определил военную прозу Быкова как прозу «нравственного эксперимента» [2, с. 344].

События в повести «Журавлиный крик» происходят осенью 1941 года, когда советская армия уже «три месяца отступает» [4, с. 65]. Группе из шести человек во главе со старшиной Карпенко приказано в течение суток удерживать железнодорожный переезд для отступления их батальона, точнее остатков батальона — «совсем не батальонной колонны» [4, с. 28]. Приказ комбата: «Завтра, как стемнеет, отойдете в лес. А день — держаться...» [4, с. 26].

Понятно, что противником шестерых малоопытных бойцов окажутся регулярные опытные части немецкой армии, потому объективно-справедливо предположение бойца Овсеева — «...смертники мы!» [4, с. 46]. В судьбе героев Быкова, шестерых неопытных бойцов, изначально ощущается нечто жертвенное — «Кто только придумал такое пожертвование?» [4, с. 59]. Однако именно обстоятельства «пограничной ситуации» и дают возможность писателю Быкову задуматься о проблемах новых, экзистенциальных — о понимании возможностей каждого отдельного человека перед лицом смерти. Писателя-фронтовика интересует не социоцентрический взгляд, не осмысление военной мощи фашистской армии, ее подготовленность и оснащенность, но судьбы отдельных «маленьких» людей, рядовых бойцов советской армии, оказавшихся в ситуации смертного выбора. Обстоятельства войны становились для Быкова только внешним условием обнажения внутренней человеческой сущности, самой природы человека, представшей перед окончательным выбором у последней жизненной черты.

Очевидно, что в подобных ситуациях уже оказывались герои военных произведений, например, те же Теркин или Мересьев, о которых вспоминал Быков. Но, в отличие от произведений 1940-х годов, Быкова, впервые обратившегося к жанру военной повести, интересует не уже многократно опробованная литературой проблема героизма советского человека, скорее наоборот — проблема человеческой слабости, людских сомнений и колебаний, морально-этического выбора, с которым сталкивается герой (человек) перед лицом неизбежно приближающейся смерти. Неслучайно белорусский критик Н. Пашкевич писал о «нагнетании» в повести Быкова «суровых, безрадостных деталей и красок» [13, с. 3].

Сюжетно повесть Быкова выстроена линейно, фабульные события развиваются последовательно, но хронологически поступательная композиция «нарушается» шестью вставными новеллами, связанными с зонированием историей каждого из повестийных персонажей — старшины Карпенко и подчиненных ему рядовых бойцов Фишера, Пшеничного, Свиста, Овсеева, Глечика. Параболическое погружение в прошлое позволяет писателю наметить основные черты характера персонажей, которые были сформированы их прошлым и которые должны обусловить их поступки в настоящем. Быков дает предысторию героев, чтобы осознать возможности каждого из них, предположить доминанты их ситуативного поведения. Прошрое, с одной стороны, эксплицирует социальную мотивацию характера персонажей, с другой — предсказывает/предвещает ожидаемую модель их поведения.

В качестве героев «Журавлиного крика» — сообразно времени действия повести, 1941-й год — Быков избирает людей разных и, по оценке старшины Григория Карпенко, «случайных людей» [4, с. 28]. Действительно, в подчинении старшины оказываются не подготовленные профессиональные военные, но еще недавно мирные граждане страны. «Неповоротливый, мордастый» [4, с. 27] Иван Пшеничный — крестьянин из деревни Ольховка, на собственном опыте и под строгим надзором отца хорошо познавший «земледельческую науку». Высокий, сутулый боец Борис Фишер — «ученый» [4, с. 27], кандидат искусствоведения, специалист по скульптуре эпохи Возрождения. «Жуликоватый с виду» Витька Свистунов (Свист) — уроженец Саратова, попробовавший себя в разных делах, бывший заключенный. Алик Овсеев — двадцатилетний «чернявый красавец», убежденный в своей исключительности. И «молодой, с печальными глазами» [4, с. 27] рядовой Василь Глечик из Витебска. Ни опыта, ни навыков, как показывает Быков, у подчиненных Карпенко нет — все они «горе-вояки» [4, с. 27], «неумки» [4, с. 31], «вот намаешься с вами...» [4, с. 34]. Другими словами, уже на первых страницах повести Быков создает стойкое ощущение неподготовленности советской армии к

столкновению с фашистами — ни дисциплины, ни подготовки, ни героического настроя среди быковской шестерки бойцов нет. В отличие от писателей 1940-х годов Быков едва ли не намеренно акцентирует внимание на объективной неготовности советских бойцов быть Героями.

Однако подобная исходная позиция автора Быкова объяснима — прозаик, не согласный с предшественниками, сознательно переводит повествование в регистр неизбежных «перевертышей», разрушает прежние соцреалистические шаблоны и идет по пути моделирования *антисхемы*, когда обнаружение героической сущности человека выявляется не в опоре на идейную закалку прошлых советских лет, но посредством самой природы человека, его жизненной личностной натуры. Быков стремится показать, что природа личности далеко не прямолинейна и не однозначна, она сложна и многомерна и по-разному, весьма неоднозначно раскрывается в критической ситуации войны.

Можно представить себе, что Быков осознанно и намеренно использует такую стратегию — он нацелен решительно сломать прежнюю героическую схему советской литературы и «панорамного» романа. Однако в подобной целенаправленной попытке писатель неизбежно рождает новую схему или точнее — антисхему. Критик И. Дедков: «И логика антисхемы в “Журавлином крике” чувствуется» [9, с. 96]. Буквально все герои Быкова с обязательностью проходят этап «слома» — они разрушают инерцию привычного восприятия и — с задуманной автором неизбежностью — открываются перед читателем своей оборотной стороной. Более того, как было сказано, Быкова интересует не столько проблема героизма, сколько ее альтернатива — проблема человеческой слабости, проблема амбивалентности человеческой личности, ее природная способность проявить скорее слабость, чем силу.

Неслучайно первая же вставная новелла — история жизни рядового Ивана Пшеничного — оборачивается ситуацией предательства, осмысленного и давно задуманного перехода персонажа, обиженного советской властью (и, как ему кажется, отцом), на сторону немцев. Без сомнения, и другие прозаики-фронтовики создавали образы предателей, но Быков осознанно и целенаправленно выводит тему предательства на передний план, именно ею открывает перспективу критического выбора персонажей.

По природе незлобивый парень, работающий крестьянин Пшеничный в 1930-е годы был признан сыном «сельского мироеда» [4, с. 42], кулака — отсюда и начались его несчастья. «Неладно и горько сложилась его жизнь» [4, с. 39]. После ареста отца герой жил в семье дяди, где при всей заботе родственников чувствовал, что он «лишний, чужой в этой семье» [4, с. 43]. По окончании семилетки поступавший в педагогический техникум, не был принят в число студентов как «сын кулака» [4, с. 43]. Работавшему в Брянске в артели каменщиков, «лучшему каменщику» [4, с. 43] Пшеничному было предложено вступить в комсомол — и снова не сложилось, «в приеме в комсомол отказали» [4, с. 44], вновь всплыло родство с кулаком-хуторянином. Подобного рода «малых и больших обид, порожденных отцовским прошлым» [4, с. 44], как показывает Быков, было немало в судьбе Пшеничного, потому череда горьких жизненных обстоятельств неизбежно сформировала в молодом человеке «смертельную, на всю жизнь, обиду» и Иван Пшеничный «окончательно уверовал в свою отверженность» [4, с. 44]. Жизненным кредо героя становится «волчий девиз» — «Только сам себе, сам для себя, вопреки всему» [4, с. 44].

Как видно, Быков с определенной долей понимания стремится выявить и осмыслить социальные причины, сложившиеся в стране в 1930-е годы, послужившие в конечном итоге рождению в герое мыслей о предательстве, о переходе на сторону врага — «в его положении самым благоразумным будет сдаться немцам, на их милость и власть» [4, с. 83]. Как показывает писатель, герой не был рожден предателем — к предательству, к желанию наконец «оседлать свою судьбу» [4, с. 82] его подтолкнули жестокие и несправедливые обстоятельства прошедшего.

Кулацко-колхозное прошлое персонажа пробуждает в образе Пшеничного интертекстуальные аллюзии, отсылающие к «донским» рассказам М. Шолохова — вся история взросления героя демонстрирует видимые шолоховские проекции. Даже избранная автором почти «говорящая» фамилия персонажа — Пшеничный — этимологически явно указывает на южные области России или Украины, где на плодородных черноземных почвах веками жили и обихаживали земли трудовые (= зажиточные) крестьяне, едва ли не тотально подвергнутые раскулачиванию. Навык работать хорошо и качественно акцентирован Быковым в тексте тем, что даже окоп Иван выкопал быстро и ловко — «Не прошло и получаса, как Пшеничный, чуть не по самые плечи зарылся в серую кучу глины» [4, с. 30]. Пшеничный обустраивает окоп, как собственный дом, — он удобный и аккуратный, замаскированный ломким бурьяном, даже со ступенькой на дне, чтобы ловчее было «стрелять и выглядывать» [4, с. 35].

Отчаянная решимость Пшеничного совершить давно замысленный переход на сторону немцев подчеркивается автором пятикратным амплифицированным «Хватит!»: «Хватит! Да, хватит. Хватит месить грязь по этим разбитым дорогам, хватит стучать зубами от стужи, голодать, хватит дрожать от страха <...> Давно уже Пшеничный присматривался, ждал подходящего момента, взвешивал все “за” и “против”, но теперь попав в эту мышеловку, наконец-то решился. “Своя рубашка ближе к телу, — рассуждал он, — а жизнь для человека дороже всего, и сохранить ее можно, только бросив оружие и сдавшись в плен”» [4, с. 38–39].

Герой, который у Быкова не совершил никаких скверных или подлых поступков (даже намек на них в тексте нет, кроме как пародийное по сути нежелание делиться с батарейцами едой), отдается мечте: «Кончится война, он обзаведется небольшим, аккуратным, на немецкий манер, хозяйством и спокойно, по-человечески,

поживет хоть на старости лет» [4, с. 84]. После войны герой надеется пожить *по-человечески*, то есть «от противного», апогогически это означает, что жизнь в советской стране — нечеловеческая, антигуманная.

Как видно, первый же (и, вероятно, самый важный) аргумент-перевертыш прочно соотнесен Быковым с представлением о множественных перегибах советской власти, с множеством «смертельно обиженных», по природе незлых и трудолюбивых людей. Герой-предатель Пшеничный если открыто и не оправдывается Быковым, то во всяком случае объясняется — становится очевидным, что сама история страны Советов с неизбежностью порождает побудительные причины предательства «обиженных» в годы сражений с фашистской Германией. Н. Пашкевич справедливо, хотя и критически подмечал, что Быков, «встав на позицию Пшеничного», вменял его личную вину другим, доказывая, что «человека довели до измены» [13, с. 3].

Заметим при этом, что в Пшеничном Быков избирает судьбу сына кулака, а не самого раскулаченного — надо полагать, что среди последних такого рода перебежчиков было (или могло быть) еще больше. Таким образом, уже в первой «вставной» истории традиционная проблема героизма смещается у Быкова на второй, а, может быть, и на задний план, проблема героизма советского народа замещается проблемой неизбежного отказа от былых идеалов. Обращением к 1930-м годам Быков словно бы хронологически выводит из них причины и мотивы предательства, писатель заглядывает в прошлое во имя объяснения настоящего.

Следующий «вставной» эпизод связан с образом Витьки Свиста. Свистунов, по его собственному определению, — человек «бестолковый», «шалый» и «безголовый» [4, с. 53]. По молодости герой пробовал работать токарем, быстро наскучило, потом связался с ворами, за спекуляцию получил пять лет, из них два года отсидел в тюрьме. После освобождения в поисках работы уехал на Сахалин, поступил матросом на сейнер, но с началом войны, вопреки советам осторожных приятелей, отправился на фронт добровольцем: «Нет, думаю, я тоже человек, а не скотина» [4, с. 58]. Принцип «перевертыша» срабатывает в образе Свиста сразу — бывший осужденный, персонаж, кажется, не самый умный, озорной и беспринципный (готовый украсть сало из вещмешка Пшеничного или обчистить карманы убитых немцев), на самом деле оказывается «человеком действия» [4, с. 104], решительным и смелым, мужественным и героическим. Поняв, что фашистские танки для подхода к поезду должны преодолеть болотце по небольшому мостку, не думая и не рассуждая, раненый Свист с двумя противотанковыми гранатами бросается на мостик, «одну за другой швырнул на гусеницы обе гранаты» — но сам «ни укрыться, ни отскочить уже не успел...» [4, с. 105]. Кажется, пустой балагур, безголовый шутник, озорной рассказчик (как доминанта характера Быковым выведена любовь Свиста рассказывать байки и анекдоты) на деле гибнет поистине героически, выполняя по сути невыполнимый приказ. Вопреки сложившимся ожиданиям настоящим героем у Быкова становится *негерой*, бывший заключенный, вор и мошенник. Семантическая перекодировка очевидна.

Как и в случае с Пшеничным, образу Свиста сопутствует дополнительный/дополняющий супплементарный мотив — речь о «клеймах», которые общество ставит на людей, особенно на однажды провинившихся. Свист не уклоняется от ответственности за бывшее мошенничество: если «заслужил — получи по справедливости» [4, с. 56]: ему присудили пять лет, но, по его признанию, «дали б десять — ни слова б ни сказал» [4, с. 56]. Однако героя мучит и тяготит несправедливость: «Только, знаешь, не хочу, чтоб всю жизнь попрекали...» [4, с. 56]. Герой понимает, что ярлык, который на него навесило общество, долго не удастся снять — на войне он смывает его своей кровью. Если доминанту поведения предателя Пшеничного определило его социальное прошлое, активированное событиями коллективизации, то фокус поведения и восприятия происходящего Свистом сформировала, казалась бы, привычная и принятая в обществе «неброская» несправедливость — предрасположенность окружающих к выставлению оценок, к «печати» преступника. Природа человечности героя, открытость характера бойца, его нравственная суть (вопреки его тюремному прошлому) стали очевидны сослуживцам только в критической ситуации последнего выбора. Быковский «перевертыш» вновь оказался реализованным.

Как можно понять, Быков намеренно собирает и группирует разные типы персонажей (как помним, в повести их шесть) и столь же осознанно подвергает их «проверке», настойчиво развенчивая первое впечатление в поисках глубинной сути человеческих характеров, обнаруживая оборотную сторону их первоначальной видимости.

Третья вставная новелла — о курсанте артиллерийского пехотного училища Алике Овсееве, молодом двадцатилетнем юноше, воспитанном в атмосфере семейной любви и восхищения. Родители, особенно мать, находили в сыне множество способностей, «различных и необычайных» [4, с. 61]. Алик пробовал себя в музыке, в живописи, в спорте, однако в одной из книг вычитал сентенцию Гая Юлия Цезаря, которая поразила его: «Лучше быть первым в Галлии, чем вторым в Риме» [4, с. 61]. Герой отправился в Ленинград поступать в артиллерийское училище, поскольку в ту пору его влекли «романтика жизни» и «красота формы» [4, с. 62]. Однако война изменила планы героя — он был отозван из училища, оказался на фронте и скоро понял, что совершить «какой-нибудь героический поступок» ему вряд ли удастся. Всесторонне одаренный и хорошо образованный, умный интеллигент с «утонченной натурой» [4, с. 60] оказался словно бы обманут реальностью жизни и войны — его романтические идеалы рухнули. В первом же бою героя «оглушило грохотом взрывов, ослепило страхом близкой смерти, обожгло болью неудач» [4, с. 63]. Единственным желанием Алики стало «уцелеть», «отвести от себя гибель» [4, с. 63]. Герой ощущал, что «смерти отчаянно протестовало все его тело, весь его напористый дух» [4, с. 95]. Он единственный быстро и безапелляционно оценил ночное исчезновение

Пшеничного: «И правильно сделал...» [4, с. 101].

Между тем Быков не делает героя примитивным изменником, подобным Пшеничному, сбежавшему с поля боя. Быков выявляет двусоставность ума и сердца персонажа, определяет в нем противоборство между духовной слабостью и готовностью стать героем. С одной стороны, Овсеев очень скоро понял, что задание комбата обрекает их почти на верную гибель, и потому он готов «обхитрить смерть» [4, с. 94], исчезнуть под покровом ночи, вернуться в тыл, чтобы потом присоединиться к одной из советских частей. С другой стороны, успешно пережив первую танковую атаку фашистов, Овсеев счел, что «хорошо сделал, оставшись здесь, не поддавшись слабости и страху» [4, с. 95]. Неожиданно для себя он ощутил чувство гордости собой, «сладость никогда еще не испытанного им приятного чувства победителя» [4, с. 95]. Не важно, что подобные чувства — самообман, так как в действительности во время танковой атаки герой, «как мышь, затаился в траншее» [4, с. 94], но существенно, что Быков показывает колебания персонажа, возможность быть и тем, и другим. Прозаик различает в единой личности персонажа противонаправленные слагаемые, дихотомию и амбивалентность, органические и, по Быкову, неразделимые составляющие героизма и подлости.

Примечательно, что и в данном случае писатель не акцентирует внимания на героизме персонажа — в итоге в Овсееве победит слабый подонок, но, как было сказано ранее, Быков намеренно переворачивает схему, выписывая такие образы-типы, которые неизменно сосредоточивают в себе и плюсы, и минусы, предпосылки и героизма, и предательства. Возможностью экспликации этих антитетичных потенций у Быкова становятся особые условия военного времени, выбор, который определяется не столько натурой человека и его воспитанием (традиционный аспект), сколько пограничными трагичными жизненно-смертельными обстоятельствами (быковский взгляд). Война сама по себе в малой степени интересна писателю — она лишь экспериментальный фон-антураж, на котором ярче проступают переломы, которые происходят с человеком, его душой и совестью в критический момент.

Как видно, уже три образа быковских персонажей (напомним, из шести) не репрезентируют классический образец героической личности, то есть не только война, но и г(Г)ерой мало интересен Быкову — его внимание обращено к психологии потаенного, скрытого, экзистенциального.

Пожалуй, самый обычный, «рядовой» персонаж повести Быкова — образ старшины Григория Карпенко. Уроженец Орловщины, младший сын в бедной многодетной крестьянской семье («нелегкая житуха» [4, с. 71]), Карпенко прошел Финскую войну, совершил подвиг: трое суток вдвоем, «больше из их роты не осталось» [4, с. 72], отбивался от финнов, получил медаль «За боевые заслуги». Во время войны с фашистами — старшина, ему поручено возглавить группу по удержанию железнодорожного переезда во время отступления остатков батальона.

Между тем у Быкова «обыкновенных» героев нет — в попытке разобраться с человеческими слабостями писатель и самого «привычного» персонажа наделяет полярными чертами. Прозаик намеренно не настаивает на том, что его герой во всем прав — скорее наоборот, он показывает, что старшина Карпенко далеко не всегда знает, как поступить и что делать. Но еще с финской войны он усвоил принцип: «все сомнительное, неопределенное прятать в себе, а напоказ выставлять только уверенность и непреклонную твердость воли» [4, с. 45–46]. Как личность Карпенко живет не «напоказ», неслучайно его жизненная история входит в текст повести не в виде рассказа-откровения (как, например, у Свиста), а в форме «странного», почти бредового сна героя (еще одна вставная новелла). Однако командирская функция Карпенко — показная, он уверенно и спокойно исполняет роль командира, именно потому, глядя на старшину, можно было подумать, что он был «не командиром взвода, а по крайней мере командиром полка» [4, с. 28]. Видимость и сущность у Быкова, как правило, не совпадают.

Внешне спокойного и уверенного в себе командира не открыто, но все-таки мучат и томят сомнения. Идя на выполнение почти невыполнимого задания, «выставить заслон» [4, с. 46], Карпенко не верит ни в одного из своих бойцов, он не видит в них необходимых умений, опыта, самоотверженности. При том, что их теперь не двое, как в эпизоде на финской, но шестеро, Карпенко не очень полагается на бойцов — «тоже мне вояки» [4, с. 27]. Старшину не покидают «озабоченность и злое неудовлетворение теми случайными людьми, которых выделили в его подчинение» [4, с. 28]. Между тем, как и другие герои повести, образ Карпенко подвержен сквозному быковскому принципу «перевертыша» — все изначальные представления старшины о бойцах переворачиваются, кардинально меняются. Первоначально воспринятый как «неумека» [4, с. 31], «с виду безразличный ко всему» [4, с. 30], иронично поименованный «профессором», рядовой Фишер сумеет доказать старшине и товарищам свою готовность быть смелым бойцом. Тихоня Глечик, о котором старшина думал, что во время боя тот «будет дрожать, как осиновый лист» [4, с. 47], в итоге оказывается честным и стойким солдатом. Заметим, упоминание об осиновом листе, об осине, как понятно, возникает не случайно, сравнение привносит аксиологический смысл в характерологию героя, а точнее обоих героев. Уже следующая мысль старшины о Глечике — «А может, и того хуже?..» [4, с. 47], то есть Карпенко предполагает в слабом и послушном Глечике потенциального изменника, но снова ошибается. Другими словами, в связи с образом старшины Карпенко ранее эксплицированное свидетельство о неподготовленности советской армии дополняется авторским суждением о неподготовленности командного состава².

Действительно, только перед смертью Карпенко осознает, что «интеллигент-умник» [4, с. 76] Фишер выстоял на боевом посту и не струсил: «Я на него не надеялся <...> А он молодец, смотри ты...» [4, с. 93].

Фишер ценою своей жизни на некоторое время остановил приближающихся к переезду немецких мотоциклистов.

Вставная новелла, посвященная Борису Фишеру, привносит в быковский текст не характерную для прежней литературы тему искусства и войны. Герой Фишер, ленинградский ученый, разменявший четвертый десяток, кандидат искусствоведения, автор монографии о Микеланджело, исполненный «непреодолимой жаждой прекрасного» [4, с. 79], чувствует себя в армии «белой вороной» [4, с. 80]. Он не умеет ходить в строю, неуклюже отдает честь офицерам и, оказавшись на фронте, начинает сознавать, что грубая и страшная реальность войны надломил в нем «несокрушимые устои» [4, с. 78], которыми он жил прежде. Герой замечает, что при всей неумелости и неприспособленности к войне постепенно она «неумолимо стирала в его душе великую значимость искусства, которое все больше уступало пробуждавшимся инстинктам борьбы» [4, с. 80–81].

Примечательно, что Быков акцентирует в герое-интеллигенте Фишере трудно осознаваемое чувство вины за происходящее, созревание ответственности за страшное настоящее. Художник и писатель Быков приводит героя к мысли, что, «видно, борьба за право существования была прочнее искусства, и ей, вероятно, суждено пережить его» [4, с. 87]. В рамках многогеройной повести прозаик не имеет возможности детально показать, как зреет суть бойца и солдата в характере исследователя-гуманитария Фишера, но писатель демонстрирует мужество и героизм, с которыми погибает внешне совсем не воинственный герой, выполняя задание комбата и защищая позицию батарейцев. Мотив вины, пронизывающий образ Фишера, становится емким семантическим маркером, смыкающим основы жизни материальной и моральной, физической и духовной.

Что касается образа Василька Глечика, самого молодого бойца группы заслона, то он в наибольшей степени связан с лирическим названием быковской повести, с ее поэтическим орнитологическим кодом. Именно Глечик, последний из оставшихся в живых бойцов, замечает пролетающий в небе журавлиный клин и слышит жалобный зов отстающего от стаи раненого журавленка. Очевидно, что в данном эпизоде активируется литературная традиция, пробуждаются образные ассоциации, проступает поэтическая интертекстуальная, рождающаяся в том числе в связи с песней Я. Френкеля на стихи Р. Гамзатова «Журавли», получившая особую популярность в исполнении М. Бернеса (1969), где образ летящих журавлей — образ душ погибших на фронтах войны солдат³.

Образ Глечика создан Быковым действительно поэтично и по-своему литературно. С одной стороны, он привносит в заключительные сцены лирико-романтическую тональность, с другой — по мысли автора, должен взять на себя всю героичность и пронзительность последних сцен повести, масштабного осознания глубинного трагизма войны и ее бесчеловечной сущности. Однако в последующих повестях Быкова уже не будет столь высокой степени лиричности (как, заметим, не будет и природных пейзажей, открывающих повествование и его отдельные главы). Позже быковские тексты будут более сдержанными и суровыми, пока же образ Глечика, несмотря на его намеренную героизацию или именно из-за нее, получился у Быкова спорным. Трудно поверить, что «маменькин сыночек» (именно этот мотив составляет центр вставной новеллы о Глечике⁴) мог взять на себя тяжелую ответственность и принять страшное решение выстрелить в хорошо знакомого ему — *своего* — батарейца Овсеева. Вероятно, Быкову «не хватило» сюжетных коллизий или еще одного персонажа, который бы смог осуществить это деяние-расплату. Можно предположить, что по первоначальному замыслу убийство дезертира должен был совершить старшина Карпенко, этот «крикливый командир». Неслучайно во сне старшины звучит вопрос (напомним, вопрос именно Овсеева): «Ну вот, командир, теперь у тебя медальку и отберут. Почему в своих стрелял?» [4, с. 72]. Однако авторский замысел, вероятно, претерпел изменения, тогда как искушение ввести этот мотив в военную прозу было велико — неслучайно мотив расстрела *своих* будет многократно повторяться и варьироваться в последующих повестях писателя.

Между тем в ряду быковских героев-негероев образ Глечика важен и в связи с еще одним обстоятельством. Ранее уже была подчеркнута двойственность характера Овсеева — желание поддаться слабости, спасти свою жизнь и одновременно оказаться героем, пережить торжество победы. В образе двусоставного Овсеева Быков реализовал проявление слабости, предательства, дезертирства: Овсеев, «мелькая подошвами, бешено отмахиваясь левой рукой, с винтовкой в правой, изо всех сил бежал по канаве к лесу» [4, с. 107]. В образе Глечика Быков создает парный Овсееву персонаж. Как и у Овсеева, в душе Глечика борются два чувства: «Он почти физически ощутил, как болезненно столкнулись в его душе два властных противоречивых чувства — жажда спасения, пока была к этому возможность, и свежая, еще только что осознанная и гордая решимость выстоять» [4, с. 107]. Если в Овсееве Быков допустил победу страха, когда слабость взяла верх над персонажем, то в образе Василя Глечика (соотечественника-белоруса и тезки писателя) возобладаало решение выстоять, держаться до последнего. Глечик «схватил единственную гранату, прижался спиной к дрожащей стенке траншеи и стал ждать» [4, с. 110]. Весьма характерный для всего последующего творчества писателя прием парности персонажей, таким образом, находит свое воплощение в тексте уже самой первой повести Быкова, порождая новый ракурс осмысления психологии поведения человека в условиях пограничной ситуации. Быков создает пару соотносимых героев — по возрасту, по опыту жизни, по незнанию войны — и в *общем* обнаруживает и демонстрирует *разное*. Два похожих типа персонажей в итоге у писателя

неизменно выбирают разные пути. Пока еще в ранней повести Быков не находит глубинного объяснения этому неоднозначному явлению, но в дальнейшем именно этот сюжетный нерв и составит основу его лучших партизанских повестей, многократно варьирующий мотив двойственности и бинарности.

Весьма важным и интересным в отношении к повести «Журавлиный крик» оказывается вопрос традиции. Выше уже было отмечено, что при создании колхозно-советского прошлого в истории Пшеничного, без сомнения, Быков опирался на традицию рассказов о гражданской войне и коллективизации М. Шолохова. Однако взгляд на повесть в целом пробуждает представление еще об одном литературном ориентире — повести А. Фадеева «Разгром» (1926).

Среди русских писателей Быков в интервью и публицистических статьях неоднократно выделял (по-разному и с разной аксиологией) Л. Толстого и Ф. Достоевского. Как ни удивительно, на их фоне у Быкова оказывалось и имя А. Фадеева и непосредственно его роман «Разгром». Быков подчеркивал высокую трагедийность фадеевского романа, которая пересекалась с его собственным представлением о трагизме гражданской войны, и особо акцентировал, что в романе Фадеева обстоятельства военного времени обнажали в человеке «и *хорошее*, и *плохое*». По сути, уже только это замечание заставляет пристальнее взглянуть на роман «Разгром» — как оказывается, переключек в нем с «Журавлиным криком» достаточно много.

Близкими оказываются исходные сюжетные ситуации повестей, обе строятся вокруг единого каркаса: небольшой отряд (у Фадеева — партизанский, у Быкова — батальонная группа) оказывается в пограничной ситуации, в окружении врага, в положении отчаянно-безвыходном. Центральной коллизией обеих повестей становится проверка героя (= персонажей) на стойкость перед лицом неминуемо неотвратимой гибели. Как помним, в «Разгроме» отряд Левинсона отступает под ударами белогвардейцев, преодолевает внутренние конфликты, природные препятствия и мучительный голод, но в финале ценою огромных потерь с небольшой группой партизан выходит из окружения, сохраняя немногие силы для дальнейшей революционной борьбы. В «Журавлином крике» погибают все герои, но быковская история удержания железнодорожного переезда моделирует сходные психологические перипетии, близкую схему соотношения персонажей, подобную структуру персонажных характеров.

Так, командир партизанского отряда в «Разгроме» Левинсон, «маленький, невзрачный человек» [16] сознательно формирует и поддерживает среди партизан иллюзию собственной силы, непоколебимой воли и выстраивает видимость «железного» командира: скрывает мучающие его тяжелые боли и лишаящую его сил бессонницу, старается ничем не выдать подчиненным свои тактические сомнения. Напомним, та же черта подчеркивается Быковым и в образе старшины Карпенко: он «усвоил одно немудреное правило: все сомнительное, неопределенное держать в себе» [4, с. 45–46]. Такое впечатление, что «правило» унаследовано быковским героем от фадеевского Левинсона.

В подчинении принципу классовости советской литературы одной из центральных образных линий «Разгрома» Фадеевым избрана трагедия героя-интеллигента, чуждого революционной пролетарской массе и ее идеалам, — образ Мечика. Фадеевский Мечик — юный гимназист, романтик, попавший в отряд с книжными представлениями о борьбе, болезненно переживающий неустойчивость лесного быта, грубость и жестокость партизан (особенно непереносимы для него случаи с поросенком и с избиением Морозки). Между тем предательство Мечика в финале — не столько злой умысел слабого героя, сколько природная внутренняя неспособность выдержать ужасы боя, вынести гибель соратников-партизан (в т.ч. Морозки), наконец, естественное желание спастись. И хотя в духе соцреалистического канона Мечик у Фадеева — «пустоцвет», отщепенец, не понимающий и не разделяющий целей революционной борьбы пролетариата, однако в его образе прочитывается и мотив человеческой наивности, и природной юношеской слабости и неустойчивости.

Быков словно бы наследует подобный фадеевский типаж, но усиливает в нем глубинный психологический пласт, осложненный чертами индивидуализма и эгоизма, сформированными в семье рафинированного интеллигента Овсеева. При этом складывается стойкое впечатление, что фадеевский Мечик словно бы дробится и множится в системе героев Быкова — это и дезертир Овсеев, и любитель мирового искусства Фишер, и, без сомнения, романтический Василек Глечик. Звуковая переключка имен Мечик // Глечик подсказывает претекстовую связь с романом Фадеева и непосредственно с образом Мечика, неслучайно в фильме «Долгие версты войны» фамилия Глечика была заменена на фамилию Климчук, по-видимому, чтобы снять ассоциации, выводящие на этически и социально маркированного фадеевского персонажа. Дискретное разнесение черт «отрицательного» Мечика на образы не только негативные, но и позитивные (Фишер, Глечик) переводит проблему у Быкова из социальной плоскости в общечеловеческую. Моральная дилемма, проступающая в образах «двусоставных» быковских Овсеева и Глечика, усиливает ее универсальную и экзистенциальную составляющую.

Можно и далее демонстрировать переключки текстов «Разгрома» и «Журавлиного крика» (от пейзажных зарисовок, открывающих нарратив, до образа жуликоватого Витьки Свиста, явно наследующего черты фадеевского Морозки), однако в любом случае совпадений в сюжетной и образной системах повестей достаточно много, чтобы считать их случайными. В своей *первой* повести «Журавлиный крик» Быков, без сомнения, ориентировался на русскую прозу советских лет, наследовал уроки русской литературной классики — фадеевский претекст становился фундаментом для нового трагически противоречивого взгляда писателя-фронтовика на недавнюю войну.

Подводя итоги, можно заключить, что повесть «Журавлиный крик» действительно стала «пробой пера» прозаика, однако уже в ней виден будущий писатель Быков, который многие из образно-сюжетных линий этой ранней «ученической» повести будет многократно прорабатывать и развивать в своих зрелых произведениях [см. об этом: 5–8; 11; 12; 14; 15; 17]. По существу, практически все находки «Журавлиного крика» впоследствии выросли, сформировались в зрелый быковский метод, в узнаваемую манеру быковского письма.

Одним из первых признаков будущих текстов «лейтенантской прозы» Быкова станет локальный хронотоп, сжатый «камерный» сюжет, прочное намерение писателя отказаться от панорамы военных событий в духе К. Симонова или А. Чаковского, но сосредоточиться на «окопной» правде ограниченного военного пятачка, подобно Ю. Бондареву и Г. Бакланову. Быков будет показывать виденную им войну не с позиции высоких начальников и армейских штабов, но из земляного саморытого окопа, с точки зрения рядового бойца (и партизана).

Продемонстрированная Быковым в повести «Журавлиный крик» образно-персонажная типология окажется базовой для писателя в дальнейшем — фактически во всех последующих произведениях писатель будет намеренно и устойчиво анализировать человеческую психологию, возможности гуманистической природы, исследовать ее биполярные, дихотомические потенции [см.: 1, с. 17–22]. В отличие от традиционных героев (Героев) военной прозы типично-быковскими персонажами станут предатели, дезертиры, люди слабые, обиженные (страной, обществом, родителями, друзьями), психологически растерянные и неустойчивые. Советская действительность и соцреалистические каноны, политическая и идеологическая цензура будут требовать от Быкова введения в тексты повестей и романов образы героев-Героев, но, без сомнения, глубокий уровень быковских размышлений будет неизменно связан с художественным осмыслением человеческой слабости и бессилия, невозможности сопротивляться смертным/смертельным обстоятельствам⁵. Система бинарных оппозиций будет доминировать в повестях Быкова. В последующем в каждом, даже самом позитивном быковском герое со всей неизбежностью и прочной константностью будут проступать качества двусоставности, природной неустойчивости и нестабильности, болезненной противоречивости, морально-этических колебаний и, как следствие, нравственно-психологического выбора персонажа. Как покажут быковские тексты, жизненный выбор его героев далеко не всегда будет однозначным и верным, морально осмысленным и ценным, этически выверенным и твердым, однако именно таковой подход к сложной внутренней природе homo sapiens и определит своеобразие, составит особость художественных произведений талантливого белорусского прозаика. Дар писателя позволит Быкову даже в условиях цензурных запретов и идеологического контроля напряженно думать и правдиво писать о проблемах исключительно сложных и неоднозначных, осмысляемых прозаиком на материале войны, но по сути выходящих далеко за ее пределы, достигая философских и психологических границ подлинной экзистенциальности.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00073, <https://rscf.ru/project/26-18-00073/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 26-18-00073, <https://rscf.ru/en/project/26-18-00073/>); Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky.*

Примечания

1. Сценарий фильма «Долгие версты войны» был написан В. Быковым, при этом в экранизации имеются отступления от текста повести. Тема предательства сведена до единичного случая, связанного с Иваном Пшеничным. Овсеев предателем не становится, наоборот, в финале фильма персонаж героически погибает, подбив немецкий танк. NB: имена Глечик и Фишер в фильме соответственно заменены на Климчук и Фалин.

2. Весьма странно в речи старшины Карпенко, только четвертый месяц сражающегося с фашистами, возникает мысль: «Есть и среди немцев люди» [4, с. 65]. Созревшая в сознании Быкова к концу войны или к моменту написания повести «Журавлиный крик», едва ли подобная мысль могла родиться в сознании старшины в дни тяжелейшей осени 1941 года.

3. Заметим, песня получила популярность уже после появления повести Быкова.

4. «Мама, дорогая моя мамуля, — беззвучно шептал во тьме Глечик, — простишь ли ты когда-нибудь мое непослушание, мои глупые выходки?» [4, с. 70]. Во время войны в герое просыпается тяжелое осознание «поздно понятой несправедливости к матери» [4, с. 70]. Пара «мать — дитя» еще больше лиризует текст.

5. Полное собрание сочинений В. Быкова, подготовленное в Беларуси, где во возможности без купюр восстановлены полные тексты писателя, свидетельствует именно об этом [20].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова, О.В., Богданов, С.И. Принцип парность как индикатор объективности (повесть В. Быкова «Круглянский мост») // Путь науки. – 2026. – № 7 (149). – С. 17–22.
2. Бочаров, А. Человек и война: Идеи социалистического гуманизма в послевоенной прозе о войне. – М.: Советский писатель, 1973. – 456 с.
3. Быков, В. Живые — памяти павших // Живая память поколений. Великая Отечеств. война в советской литературе: сб. статей / сост. и авт. предисл. А. Коган. – М.: Художественная литература, 1965. – С. 343–355.
4. Быков, В. Журавлиный крик // Быков В. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Молодая гвардия, 1985. – Т. 1. Повести. – С. 25–110.

5. Гимпелевич, З. Василь Быков. Книги и судьба. – М.: НЛЮ, 2011. – 396 с.
6. Голанд, В. Василь Быков. Привет из России // Литературная Россия. – 2002. – № 1–2. – С. 7–8.
7. Гринфельд, В.А. Малые дела в пограничной ситуации в военной прозе В. Быкова // Art Logos. – 2025. – № 4 (33). – С. 72–85.
8. Гуань, Л. Трагическое в русской литературе XX века (на материале повестей Б. Лавренева, В. Быкова, В. Распутина): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2014. – 134 с.
9. Дедков, И. Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял. – М.: Советский писатель, 1990. – 310 с.
10. Лазарев, Л. Василь Быков. Очерк творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 208 с.
11. Максимов, В.В. Военная повесть В. Быкова (опыт нарратологической типологии) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 1–2 (31). – С. 128–130.
12. Никольский, С.А. Крестьянин на войне и в советском концлагере (в размышлениях В. Быкова, А. Солженицына, В. Шаламова) // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 5 (116). – С. 202–207.
13. Пашкевич, Н. Герои ли жертвы судьбы? // Литература і мастацтва. – 1961. – 27 июня. – С. 3.
14. Синяк, Е.П. Специфика воплощения образа солдата Второй мировой войны в произведениях В. Быкова, И. Шамякина, Г. Бёлля, Ф. Фюмана: дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 2022. – 147 с.
15. Смолик, А.И. Творчество Василия Быкова – долгая дорога к свободе // Кострома. Genus Locī. Альманах по материалам IX Всероссийской научной конференции с международным участием / отв. ред. Т.А. Алешина, А.В. Зайцев. – Кострома, 2019. – С. 102–108.
16. Фадеев, А. Разгром // Фадеев, А. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Художественная литература, 1981. – Т. 1. Разгром. Рассказы. – С. 41–187.
17. Чернов, Л.С., Погорельская, Е.Ю. Религиозно-мифологические аспекты памяти Великой Отечественной войне в творчестве Василия Быкова // Социум и власть. – 2024. – № 2 (100). – С. 7–20.
18. Шагалаев, А. Василь Быков. Повести о войне. – М.: Художественная литература, 1989. – 302 с.
19. Штокман, И.Г. Рост кристалла. (Василь Быков — характеры и обстоятельства) // Жизнь на миру: Время и проза: шестидесятые — девяностые. – М.: Ключ, 1996. – С. 23–43.
20. Букаў, В. Поўны збор твораў у 14 тамах. – М., Минск: Врмя, Кнігазбор, 2005– по наст. вр.

Материал поступил в редакцию 26.07.26

MORAL EXPERIMENTS OF V. BYKOV'S EARLY PROSE (THE STORY "CRANE'S CRY")

O.V. Bogdanova¹, I.S. Bogdanov²

¹ Doctor of Philology, Professor, ² Senior lecturer

^{1,2} Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg), Russia

Abstract. The article analyzes the earliest novel by the Belarusian writer Vasil Bykov (1924–2003) “Crane’s Cry” (1959) and traces its figurative and artistic features, which will be developed by the prose writer in his subsequent mature military and guerrilla novels and novels. The analysis of the story reveals the main components of Bykov’s style of writing and the new perspectives that the veteran writer introduced into the prose about the war. It is shown that Bykov came into conflict with the “panoramic” nature of the coverage of the war and with the tendency of total heroization (novels by K. Simonov and A. Chakovsky) and insisted on strengthening the study of the psychological components of human behavior in an extreme “borderline situation” of wartime. It has been demonstrated that already in the framework of his first military novel, Bykov deliberately emphasized the problems of ambivalence and the dichotomy of human nature, which is far from obeying social and ideological conditions, but human nature itself, when it seems that the same character traits demonstrate or can demonstrate decidedly opposite intentions. In referring to the early text of “Crane’s Cry”, it was established that Bykov had already formed the main array of those types of characters that would later interest the writer and which would be subject to the author’s reflection. It is shown that the main principle of Bykov’s early text construction is the principle of “shifter”, a violation of the inertia of the traditional perception of wartime collisions. As a text, the traditions of which were developed by Bykov in “Crane’s Cry”, the novel is named Fadeev’s “Debacle”, in which the Soviet socialist realist writer was interested in the same binary oppositions as the Belarusian prose writer.

Keywords: V. Bykov, the story “Crane’s Cry”, hero system, binary oppositions, paired characters, semantic shifter technique.

УДК 81.161.1

ПОДТЕКСТОВЫЕ ПЛАСТЫ ПОВЕСТИ В. БЫКОВА «ПОЙТИ И НЕ ВЕРНУТЬСЯ»*

О.В. Богданова¹, И.С. Богданов²¹ доктор филологических наук, профессор, ² старший преподаватель^{1, 2} Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (г. Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. В статье предлагается анализ повести белорусского писателя Василя Быкова «Пойти и не вернуться» (1978). Несмотря на множество критических откликов, которые получила повесть с момента выхода к читателю, тем не менее в процессе детального анализа показано, что основные идеи автора оказались не понятыми и не выявленными критикой. Традиционно повесть рассматривается в системе противопоставленности образов центральных героев — партизан Зоси Нарейко, молодой девушки, преданной идеалам народа и советской страны, и Антона Голубина, предателя, оборотня, малодушного человека, готового ценой жизни возлюбленной спасти собственную жизнь. Между тем внимательное обращение к тексту эксплицирует кардинально иные акценты: герои действительно на каком-то этапе расходятся в своих представлениях, Антон действительно готов перейти на сторону полицая с целью обрести спокойную жизнь «как у людей» вместе с молодой Зосей, однако девушка не разделяет устремлений Антона и вступает с ним в конфликт. Героиня предпринимает попытку убить предателя, тот же в свою очередь при удобном случае тоже покушается на ее жизнь: стреляет, собираясь убить, но только ранит Зосю. Обыкновенно критика именно этот момент считает кульминацией повести и не видит продолжения сюжета, утверждая мысль об «открытом финале». Однако, как ни странно, последующие главы повести приводят к совершенно другому итогу: Голубин не только не бросает любимую им Зосю, но и привозит ей доктора, заботится о ней. Показано, что, мистифицируя советскую цензуру, писатель погружает героиню в болезненный сон, сквозь который проступают реальные события — герои снова оказываются вместе. Одной из самых выразительных и семантически нагруженных деталей, свидетельствующих в пользу подобного развития событий, наряду с другими, становится «теплый кожаный» Антона, который покрывает Зосю во время ее выздоровления. Иными словами, повесть Быкова прочитывается не как повесть о предательстве, а как произведение о невероятных возможностях человеческого сердца, его способности к милосердию и всепрощению.

Ключевые слова: В. Быков, повесть «Пойти и не вернуться», критические оценки, оппозиции персонажей, цензурная мистификация, экзистенциальная ситуация, открытый финал.

Творчество белорусского писателя Василя Быкова (1924–2003) было весьма популярно в 1970–1980-е годы, в период расцвета так называемой «лейтенантской прозы», его военные повести с интересом читали и обсуждали, по его партизанским повестям ставили фильмы. Среди писателей «окопной литературы» Быков отличался необычайно высокой мерой психологизма, глубиной проникновения в человеческий характер.

В целом критика была весьма расположена к творчеству Быкова, о его повестях много и с интересом в советское время писали А. Адамович [1], В. Буран [6], И. Дедков [14], З. Гимпелевич [9], Н. Губко [13], И. Золотусский [15], Л. Лазарев [18], В. Оскоцкий [23], А. Шагалов [25], А. Эльяшевич [26] и мн. др. Позже к ним присоединились и более молодые исследователи — В. Голанд [10], В. Гринфельд [11], Л. Гуань [12], М. Зуй [16], С. Лапунов [19], В. Максимов [22], Е. Синяк [24] и др. Между тем на фоне общих высоких оценок творчества писателя звучали и негативно-критические суждения, когда Быкова упрекали в повторяемости сюжетов и коллизий, указывали на дублирование системы образов центральных персонажей, подчеркивали приверженность одним и тем же темам и проблемам. Так, Г. Бровман утверждал, что Быков «топчется на месте» [6, с. 222], Л. Лазарев соглашался с тем, что прозаик «перепевает себя» [18, с. 58], В. Левченко признавал «освоение освоенного, повторение пройденного» [20, с. 6]. Критик И. Золотусский достаточно безапелляционно и решительно писал: «Кажется, все возможности <...> пространства измерены, нравственные исходы определены, но Быков в каждой очередной повести возвращается к нему, не смущаясь, что он там уже был, что не кем иным, как им же, там все исхожено и истоптано. Это кружение Быкова вокруг одной и той же ситуации и внутри нее напоминает блуждание его героев в лесах, ибо куда они не уходят, их маршрут невелик: кружения и скитания происходят вокруг одного селения, вблизи одной и той же точки на местности и вокруг себя, что гораздо важнее для Быкова, чем расстояния, ими пройденные» [15, с. 274].

Подобного рода критическая реакция вынуждала писателя Быкова реагировать на обвинения и упреки, заставляла пересматривать писательские подходы, корректировать собственный идиостиль и авторскую манеру. Быков предпринимал попытки писать «новые» повести, иначе расставлять персонажи, в непривычной динамике структурировать фабульную канву (повести «Обелиск», «Волчья стая» и др. [см. об этом: 4; 5]). Однако эти другие попытки, в основном достаточно успешные (вспомним хотя бы «Обелиск»), тем не менее, по всей видимости, не удовлетворяли писателя, скорее всего вызвали его внутреннее сопротивление. Неслучайно, попробовав силы в одногеройной композиции, акцентировав героические мотивы в характере и

поведении ведущих повестийных персонажей, Быков снова возвращался к себе прежнему, к той уже привычной стилистике письма, которую критика именovala *быковской*.

Повесть «Пойти и не вернуться», появившаяся в журнале «Нева» (1978, № 5), была явно из этого ряда. Критики очень скоро отметили, что повесть «Пойти и не вернуться» со всей очевидностью близка «Сотникову» — как в структурном исполнении, так и тематически. Вновь в центре повествования стояли два персонажа, основной тематический ракурс повествования по-прежнему составляла тема предательства. Возникает вопрос: зачем и почему Быков так настойчиво обращался к уже испробованным им сюжетным ходам, что еще оставалось недоговоренным в избранной им тематике, что не давало покоя его творческой душе и какие возможности таил в себе его (не)новый текст?

Прежде всего, на наш взгляд, существенной была сама тема предательства. Этот ракурс военной литературы долгое время почти не затрагивался в художественном творчестве, в послевоенной советской прозе тема считалась, по существу, запретной или трактовалась в строго заданном социально-идеологическом ключе — литературный образ предателя был неизменно примитивен и односторонен. Однако уже быковский «Сотников» показал, что с темой предательства все обстоит далеко не так: его Рыбак не был природным подлецом или аморальным подонком, но, как демонстрировал Быков, трагические обстоятельства войны, вопрос выбора перед лицом неизбежной смерти вынуждали неглупого и нетрусливого человека совершить трагическую ошибку, исправить которую в дальнейшем у него возможности уже не было¹ см. об этом: 3¹.

Между тем современная Быкову критика трактовала образ Рыбака в совершенно ином направлении, прямолинейно и безапелляционно квалифицируя его как подлого и гнилого подонка. Именно в таком ключе и был создан фильм Л. Шепитько «Восхождение», который на самом деле к повести Быкова имел весьма касательное отношение — кинорежиссер моделировала собственную версию понимания героизма, делала акцент на образе Сотникова, тогда как прозаик прежде всего интересовал Рыбак, требовал осознания механизма предательства, осмысления его глубинных истоков и актуальных причин. *Анатомия предательства*, которая в наибольшей степени интересовала писателя, при интерпретации повести «Сотников» критиками и исследователями ни в малой степени не затрагивалась.

В период работы над партизанскими повестями огромное влияние на писателя Быкова оказывали социально-политические, идейные установки времени. Прозаик создавал произведения в условиях требовательной советской цензуры и жестких принципов соцреалистической литературы, когда для обеспечения выхода произведения из печати Быков вынужден был идти на идеологические уступки и творческие до- и переработки, со всей очевидностью не по собственной воле привнося в тексты стандартизированные советские штампы и идеологически выверенные сентенции. Неслучайно внимательные и требовательные критики той поры не раз отмечали в прозе Быкова неожиданно неорганичные его стилиевой манере декламационно патетичные речи героев, несправедливо приписывали писателю приверженность трафаретной, банально-прописной поэтике (И. Дедков [14]). Но Быков принужден был маскировать свои потаенные мысли и идеи, выносить их на суд читателя в адаптированно искаженном виде, рассчитывая на вдумчивую заинтересованность объективной и понимающей критики и читателя.

Можно предположить, что именно эти обстоятельства заставляли Быкова многократно обращаться к одной и той же теме, с целью в новых вариантах и вариациях приоткрывать читателю новые грани его собственного интенционального понимания проблемы, с разных сторон высветить его личностную рефлексии в отношении к болевым точкам его прозы. Потому появление повести «Пойти и не вернуться», кажутся, дублирующей основные идейные и структурные ходы «Сотникова», могло не быть случайным и неосознанным повтором, но скорее всего — намеренным желанием автора еще раз отчетливо высказать *свое слово*, которое должно быть услышано и понято читателями и исследователями.

Если взглянуть на критику, современную Быкову, отреагировавшую на появление повести «Пойти и не вернуться», то становится очевидным, что она была весьма ограниченной и вполне органичной времени. С одной стороны, ряд критиков упрекал Быкова в прямом и нетворческом сопоставлении с «Сотниковым», например, В. Левченко: «В новой повести <...> по сравнению с “Сотниковым” налицо движение скорее виришь, чем вглубь» [20, с. 6]. С другой стороны, аксиология образов центральных героев была ожидаемо прямолинейной.

Так, критик А. Шагалов уверенно полагал: «Давая в повести “Пойти и не вернуться” героиню, которая не выбирает в главном, основном, ибо давно уже внутренне поняла необходимость борьбы с врагом, писатель вместе с тем не отказывается от изображения самого процесса выбора. В сюжете этот процесс спроецирован в основном на Голубина, которого <...> толкало к духовному крушению не стремление сохранить жизнь, а желание сладко, спокойно или, как еще говорит он сам, “по-людски”, пожить в местечке, затаиться, переждать там военную пору» [25, с. 117].

Критик Арк. Эльяшевич уводил мысль далее: «Не будь войны, ему <Голубину> не было бы необходимости предавать партизан, но он обязательно бы все равно кого-нибудь и что-нибудь предал» [26, с. 192].

Предательство Голубина недвусмысленно обличается и сопровождается тотальными обвинительными эскападами критиков. Даже зарубежные исследователи в этом солидарны: «...сюжет книги вызывает особый

интерес благодаря авторскому проникновению в менталитет дезертира, показывающему течение мыслей человека, успешно убеждающего самого себя в правомочности своих преступных действий» [28, с. 218].

«Духовное крушение», «человеческая низость», «вероломство», «двурушничество», «крайний индивидуализм», «скользя дорожка», «путь паразитический», «социальное и духовное вырождение» и проч. — далеко не все характеристики, которые заслужил в советской критике согласно и однозначно трактуемый образ предателя и подлеца Голубина.

Финал повести Быкова был интерпретирован критикой категорично и безвариантно: «Сохраняя на всем протяжении повествования нравственную противоположность образов Зоськи и Голубина, писатель вскрывает истоки подвига и предательства, любви и ненависти, духовного и бездуховного. <...> Голубин прямо идет к осуществлению своей подлой цели. Его не давят никакие угрызения совести, его не связывают никакие моральные соображения. Корни его предательства тянутся к тому моменту, когда он решил, что моральные истины, контролируемые чувством ответственности, устарели и должны быть отброшены» [25, с. 117–118].

Между тем по прочтении повести Быкова «Пойти и не вернуться» возникает сомнение: верно ли критики прочли повесть, точно ли уловили интенции автора, о том ли писал прозаик? Как показывает анализ, по-видимому, не всегда верно и не во всем точно.

Повесть «Пойти и не вернуться» — партизанская, ее хронотоп охватывает события зимы 1943 года и разворачивается на территории оккупированной фашистами Белоруссии в партизанском отряде «в южной половине Сухого бора» [8, с. 214]. События синхронной по времени Сталинградской битвы оказывают значимое влияние на развитие фабульных коллизий повести.

В центр повествования «Пойти и не вернуться» Быковым выведены два героя — Зося Нарейко и Антон Голубин, по общему утверждению критики, герои-антагонисты [см.: 9; 25]. Ведущее место в паре антитетичных персонажей критикой бесспорно отдается Зосе Нарейко. В 1979 году В. Астафьев писал: «...на этот раз главным героем его произведения является женщина, и не в дежурном, затасканном смысле слова “герой”, а, как окажется, в самом что ни на есть прямом смысле» [2, с. 485–488], — то есть мотивы категории *советского героического* прямо и исключительно связываются с женским персонажем.

Подобно тому, как было в «Сотникове», повествование в «Пойти и не вернуться» подчинено стратегии несобственно-личностного изложения (= несобственно-прямая речь): автор не берет на себя роль объективного повествователя, но от главы к главе нарративную функцию передает поочередно то одному, то другому персонажу, субъективируя повествование, придавая ему черты погруженности в индивидуальное сознание действующих лиц — эмоциональная насыщенность текста аккумулируется.

Повествование начинается со знакомства с центральной героиней Зосей Нарейко. Зося — молодая белорусская девушка, ей «пошел девятнадцатый год» [8, с. 272], до войны она жила с матерью в Скиделе, в двадцати восьми километрах от Гродно, училась в педтехникуме, а с началом войны уже почти полтора года связана с партизанами. Поначалу она была при санчасти, потом «стала помогать тетке Степаниде на кухне» [8, с. 214], на момент действия в повести — передана в разведку, ей поручается задание по выяснению причин «бесследно пропавшей группы Кубелкина» [8, с. 227]. Уже при первом знакомстве с героиней автор почти иронично, но тепло эксплицирует признаки ее молодости и наивности — она восхищена именем на ее поддельном аусвайсе Аделаида Августович и ей не нравится ее простоватое Зося Нарейко. «Хотя, что ж, каждому — свое» [8, с. 209] — заключает юная героиня.

Еще не далеко отойдя от места дислокации партизанского отряда, малоопытная Зося заблудилась в снежном вихре, пропустила поворот лесной тропинки и едва не утонула в стремнине быстрой речки. Только «участливая помощь» [8, с. 215] партизана Антона Голубина, оказавшегося в самоволке, помогла ей спастись и вернуться к исполнению задания.

Введение в текст образа Голубина, «партизана из третьего взвода» [8, с. 213], происходит через восприятие Зоськи — последовавший за ней Антон уже некоторое время был симпатичен героине: Голубин «частенько задерживался возле нее после ужина» [8, с. 214] и «заронил в ее сердце маленькую искорку интереса к себе» [8, с. 227]. Писателем намеренно задается ситуация, когда, с одной стороны, герои-актанты симпатичны друг другу и «зеленая еще разведчица» [8, с. 236] Зося может доверять Антону, с другой — в текст о военном времени внедряется мирный любовный мотив, явно чуждый обстоятельствам военных событий, но тем самым смыкающий разные времена, войну и мирную жизнь. Семантико-смысловое пространство повести расширяется.

Антон старше Зоси, ему «уже под тридцать, почти что старик против нее» [8, с. 229], он разумнее и опытнее героини, в партизанском отряде «с самой весны» [8, с. 233]. Обратим внимание: речь мужского персонажа обильно усыпана, обогащена образцами фразеологизмов, пословиц и поговорок, примет («Кто первым снегом умоется, всю зиму простужаться не будет» [8, с. 230]). Как известно, устойчивые фольклорные паремические обороты суть фиксация народной мудрости, ориентир в морально-нравственной позиции едва ли не каждого. Не выпукло и не броско, но тем самым Быков подчеркивает элемент народной мудрости, народную составляющую, закреплённую в сознании героя Антона.

В отличие от наивных сетований юной героини, в том числе по поводу ее некрасивого имени, Антона занимают мысли более серьезные, о жизни и ее сроке: «Кто знает, может и нас скоро не будет» [8, с. 218]. И на легковесное замечание Зоси о том, что «не хочется об этом думать», добавляет: «...о чем ты ни говори, как ни

отвлекайся, а это в тебе сидит, как присохло. Как хвороба какая» [8, с. 219]. Избранные автором формы глаголов (*обобщенно-личные*) вновь позволяют говорить о коллективной слагаемой в сознании героя, о том, что у него действительно есть «голова на плечах» [8, с. 231]. Причем использует фразеологемы в речи персонаж «деловито и просто» [8, с. 231], без доли самолюбования или назойливого поучения-наставления.

Голубин практичнее и деловитее героини. Раньше Зоськи он осознает, что для успешного выполнения приказа, она должна быть в первую очередь жива и здорова — потому после неудачного погружения в холодную зимнюю реку не отпускает ее в путь, но скоро находит для них стожок, «сенную нору» [8, с. 217], где они могут спрятаться от холода и снега и за ночь немного обсушиться.

Забота Антона о Зосе искренна — в момент его признания о самоволке диалог персонажей звучит живо и убедительно, сбивчивая речь героя передает тревогу о Зосе. Его вопросы эмоциональны, взволнованы: «Что ты умеешь? Перелезть через речку ты умеешь? Обмануть полиция сможешь? На документ свой надеешься? Так первый же бобик все сразу поймет. <...> Пропадешь ни за понюшку» [8, с. 238] — и герой с легкостью и опытностью демонстрирует огрехи фальшивого документа, который может погубить «зеленую» неопытную разведчицу.

Антон добр к Зосе. Обратим внимание на лексику: Зося слушает его «*подобревший* голос» [8, с. 217], голос «с нотками *доброты* и сочувствия» [8, с. 218], она видит его «*подобревший* взгляд» [8, с. 237]. Уже только на первых страницах повести как минимум *трижды* автором дефинирована доброта персонажа, далее подобная статистика будет множиться.

Герой располагает Зосю к себе. Он заботливо спрашивает: «Замерзла, малышка?» [8, с. 257]. Словно бы в поддержку — его «большое и сильное тело» источало «приятное для нее тепло» [8, с. 220].

В продолжение всего их совместного пути Антон неизменно поддерживает Зосю, помогает ей словом и действием: «И не бойся, не бойся, я поддержу!», «И поддержу тебя. Ну!» [8, с. 235], «Со мной не пропадешь, малышка» [8, с. 268–269] — как лейтмотив звучат антоновы слова, обращенные к молодой девчатке. Или: «Он не хотел мучить Зоську» [8, с. 241] — и сдерживал свой быстрый шаг при ходьбе. Причем Антон не отделяет Зосю от себя — он очень скоро начинает говорить не *я* и *ты*, а *мы* («Уж мы как-нибудь...» [8, с. 221]). Неслучайно Зося доверяет(ся) спутнику, понимая, что он «лучше и сноровистее» нее: «...полагалась только на Антона» [8, с. 250].

Выбор в качестве центральной героини юной неопытной девушки позволяет Быкову лиризовать и поэтически расширить повествование, в частности дополнить историю Зоси «сонными» фрагментами. Живущая не головой, а сердцем быковская героиня видит сон (позже сны), в котором ее спасает возлюбленный, как и у онегинской Татьяны, несущий на себе черты лесного медведя — у него «рука-лапа с медвежьими когтями» [8, с. 230]. По-видимому, рассчитывая на эрудированного читателя и одновременно избирая способ характерологии героини-студентки, любившей читать книги, Быков словно воспроизводит пушкинский сон-предупреждение из «Евгения Онегина», тем самым порождая параллель к сновидческому предчувствию обеих героинь, чья любовь таит для них опасность. Правда, видение героини Быкова «неуловимо в своей сущности», она не понимает, кто это — Антон или кто-то другой, но принципиально важна характеристика, которая проецируется на возлюбленного героини: *он* «будто ангел и дьявол одновременно в одном лице» [8, с. 229]. Внутренняя двойственность, которая присуща персонажу-мужчине, словно бы закрепляется за Голубиным.

Привлекает внимание то обстоятельство, что, портретируя Зоську, Быков настойчиво подчеркивает ее книжность, любовь и внимание к книге, как здесь во сне, так и позже в ситуации с мальчиком из польской семьи, в разговоре о стивенсовом «Таинственном острове» [8, с. 289], или в воспоминаниях о том, как она читала «интересные книжки довоенным ребятам в Скиделе» [8, с. 290]. Особенно примечательно, как Быков говорит о формировании идей и идеалов Зоськи: «...она верила в лучшее будущее, а главное — в усвоенные ею из книг идеал добра и справедливости» [8, с. 233]. Заметим, что, во-первых, Быков внутренние мысли героини выстраивает в форме советских призывов и лозунгов (*вера в лучшее будущее, идеалы добра и справедливости*), а во-вторых, ее идеалы, как уточнено автором, усвоены *из книг*. Построение фразы и ее смысл вполне допускают, чтобы прозаик опустил это словосочетание *из книг*, но Быков сохраняет его и тем самым сущностно характеризует Зоську, советскую студентку Новогрудского педагогического техникума.

В подобных эпизодах «Пойти и не вернуться», как и в быковской повести «Фронтовая страница» (1960), невольно пробуждается сопоставление с «Русским лесом» Л. Леонова и образом его молодой героини Поли Вихровой [21]. Зоська и Поля — как литературные близнецы-сестры, героические советские девушки, воспитанные на школьно-книжных идеалах, готовые к самопожертвованию и отстаиванию внедренных в их сознание высоких светлых идей. Обе героини могли поклясться: «И она сказала себе, что жить на одном свете с этим зверьем невозможно, что она будет вредить им, как только сумеет... <...> она отчетливо чувствовала, что в этой войне, кроме как выстоять и победить, другого выхода нет» [8, с. 233]. Сама ритмика и строй внутренней речи героини отвечают поэтике героических страниц советской литературы. Можно предположить, что и эту литературную параллель Быков намечает осознанно, даже преднамеренно. NB: особенно, если учесть, что во всех публицистических статьях, интервью и выступлениях Быков неоднократно повторял, что он никогда не находил истин в книгах, что верить литературе нельзя («в книжках все не о том и не так» [8, с. 309]).

Но, как бы то ни было, отметим, что в продолжение всего повествования Зося у Быкова будет воплощением молодости, наивности, непосредственности, то есть личностной *незрелости*, но *цельности*, пусть

и книжной, тогда как Антон будет константно вбирать в себя разнополюсные минусы и плюсы, черты *противоречивые* и *дихотомичные*. Именно эту важнейшую компоненту — амбивалентность — будет настойчиво проводить и поддерживать автор в образе и характере Голубина.

Так, в предыстории Антона автор Быков выделяет и означает два момента. Первый — то, что в довоенное время Голубин служил «налоговым инспектором в райфо» [8, с. 225], второе — понижение его в звании до рядового из-за того, что по возвращении с задания группа партизан попала в засаду и командир Кузнецов, которого Голубину было «жалко до слез» [8, с. 224], погиб. Казалось бы, обычные биографические моменты, но в тексте Быкова они воспринимаются неоднозначными. Как понятно, налоговый служащий, взимающий «с разгильдяев в пользу государства» деньги, «взыскивающий с крестьян налоги» [8, с. 247], едва ли мог вызывать симпатии окружающих (его «побаивались», «недолюбливали и сторонились» [8, с. 246]), а понижение с должности командира взвода и позже командира подрывников до рядового, кажется, должно было породить обиду у героя¹. Двойственность персонажа как будто бы явно означает.

Однако, по словам автора, Голубин «по натуре был не из слаонервных, выдержки у него хватало» [8, с. 224]. Обид Голубин ни на кого не держал, его *не беспокоили* «командирские амбиции» [8, с. 225] — автор подчеркивает это и оговаривает. Главным для Голубина было другое — «сберечь шкуру» [8, с. 225]. Вновь кажется, что автор сознательно идет на снижение образа, насыщая биографию героя элементами потаенной обиды и скрытой зависти или шкурничества, но и это не так. Даже приводя фразеологически устойчивый и явно маркированный речевой оборот «сберечь шкуру», автор дает уточнение: «...как любил говорить Кузнецов» [8, с. 225], «смелый и толковый командир» [8, с. 224]. Иными словами, характерологические моменты, которые указывают на амбивалентность образа Антона, которые могли бы служить снижению образа персонажа, у Быкова явно намечаются, но тут же нейтрализуются. Тенденция к двусоставности образа в тексте есть, но ожидаемого негатива в характере Антона нет, а желание спасти жизнь, по Быкову, — это главное и нескрываемое желание всех, кто оказался на войне, тем более что этот мотив множественно представлен и варьирован в других повестях Быкова. Снижающей характеристики в нем у Быкова нет.

В этой связи обращает на себя внимание сцена встречи Антона в лесу с семьей местных селян, которые заготавливают дрова и у которых герой пытается разузнать дорогу. Неробкий бородатый мужичек из местных обращается к Антону: «Вы, это, извините, однако интересно: партизан вы или, может, из полиции будете?» [8, с. 245]. Ответ Антона прост, но в контексте творчества Быкова необычайно показателен и принципиален. Герой отвечает: «А я — человек. Человек просто. Это что — плохо?» [8, с. 245]. Для знакомых с прозой Быкова очевидно, что Голубин предлагает самый важный для Быкова ответ: он — человек. О важности этой категории — человек — говорят все положительные герои Быкова, именно к этому призывают его самые мудрые персонажи (вспомним повести «Обелиск», «Волчья стая» и др.) [4; 5]. Для Быкова концептуально важно, чтобы его герой был прежде всего *человеком*. Уже на этой стадии возникает вопрос: стал ли бы Быков доверять столь важные и категориальные для него слова малопривлекательному герою? Скорее всего, нет. Вероятно, образ Голубина не столь примитивен и однозначен, как предположила советская критика.

Напомним, что мечты героя Голубина — не о чинах и должностях, не о наградах и богатстве (в чем, заметим, уличила его неглубокая критика), но об обычной нормальной жизни без войны: «...в нем все росла подступающая к самому сердцу тоска по самой обычной, серенькой, как у всех или у большинства, мирной, обывательской жизни под крышей, своей семьей, с такой вот шустрой молодой <как Зося> рядом, чтоб без страха, войны, крови, — в добре и мире» [8, с. 247]. Обратим внимание, снова *добро* и что важно — *мир*. Советская литература традиционно взывала к гордому и героическому существованию советского гражданина, но писатель-фронтовик и его герой мечтают о добре и мире, об обыкновенной жизни и простом обывательском счастье. Об этом в советских книгах, на которых воспитывались Зося Нарейко и Поля Вихрова, как правило, не писали, а собственного жизненного опыта героиням-героям пока еще не хватало. В отличие от Зоси, Антон понимал, что «это было далеко и несбыточно» [8, с. 247].

Складывается предварительное ощущение, что по существу в повести Быкова сталкиваются не героини-антагонисты, а две жизненные позиции: книжная пропагандистская Зосина и народно-жизненная Голубина, который, в отличие от молодой девочки, не книг советских читался, а «старался жить по своему разумению» и «не хуже других понимал, что хорошо, а что плохо» [8, с. 246].

Между тем несмотря на различия, на молодость и наивность юной героини, как демонстрирует Быков, Голубин искренне полюбил Зосятку: «Что я могу поделать. <...> Полюбил я тебя» [8, с. 271]. Некоторые критики, например, та же З. Гимпелевич, высказывали сомнение в искренности чувств героя, полагая, что он обманывает наивную Зоську: «Антон соблазняет Зосю, сочинив трогательную историю: он, дескать, давно и безумно любит ее, а партизанский лагерь оставил только потому, что самовольно пошел ее охранять, желая уберечь от опасности» [9, с. 168]. Между тем быковский текст не содержит пошлых страниц соблазнения или клятв в безумной страсти, скорее демонстрирует обратное. Голубин действительно влюблен, он видит Зосю хозяйкой в собственном доме, и доказательство его искренности — тактично выписанная прозаиком близость героев и готовность Антона до конца раскрыться перед «малышкой», доверить ей свои будущие планы о «самом главном» [8, с. 259].

Напомним и об ответном чувстве Зоси, которая с Антоном «готова была хоть на край света, особенно теперь, после этой дороги и этого ночлега в оборе» [8, с. 273]. Как показывает Быков, герои достигли высшей

точки духовного и физического слияния, они вместе, они «суженые» [8, с. 273]. Любовная линия повести достигает апогея — и на этом этапе могла бы закончиться мирная история влюбленности Антона и Зоси (как в целом в «Альпийской балладе»), но Быков не упускает из виду, что вокруг его героев военное время, судьбоносная и решающая битва за Сталинград.

Сюжетное развитие повести обостряется, «маленький» любовный конфликт дополняется «большим» социально-идеологическим, подводя к кульминационной точке в развитии фабульных событий повествования. На этом этапе Быков вводит в нарратив «ослышки» и «догадки» Антона о падении Сталинграда и, вероятно, о скором завершении войны и сдаче Германии. Как следствие, в тексте повести появляется мотив заботы героя о себе.

Можно было бы возразить, что мотив *спасения себя* возникает в повести раньше, что, мол, самоволка Голубина мотивирована именно этим домыслом о Сталинграде. Нельзя не согласиться, действительно, мысли о возможном падении Сталинграда вводятся в текст повести условно еще до ухода героев из партизанского отряда. Однако, на наш взгляд, «преждевременность» этой мотивации продиктована Быкову цензурными соображениями — писатель из опыта цензурирования собственных произведений понимал, что он *заранее* должен был подготовить предательские слагаемые характера Антона, тогда как сюжетно в этой «спешке» необходимости не было. С нашей точки зрения, по исходному замыслу прозаика, Сталинград должен был войти в повесть именно в эпизоде «ослышки» Антона ранним утром на пороге пустого заброшенного коровника. Неслучайно Зоська именно тогда замечает перемены в Антоне: «Что с ним случилось за это утро, почему он так вдруг переменялся, обвьял и стал так мало похож на себя прежнего?» [8, с. 275]. Слова героини — сигнал изменений. При этом вынужденная *преждевременность* введения мыслей Антона о падении Сталинграда еще в тот период, когда герои находились в лагере, в целом не меняет направления движения повести, хотя и ослабляет ее образно-художественный потенциал.

Мотив заботы героя о себе вводится в текст повести достаточно прямолинейно, Быков теперь формулирует мысли героя грубее. Так, если еще недавно упоминалось о том, что смерть командира Кузнецова вызвала в герою слезы («Кузнецова Голубину было жалко до слез» [8, с. 224]), то теперь при виде тел погибших партизан группы Кубелкина, брошенных «за грудой камней старого хлева» [8, с. 278], Антон признается себе, что он «уже разучился сильно переживать за других, настало время позаботиться о себе» [8, с. 279]. Трансформация Голубина происходит неоправданно быстро, она формализована автором, аргументом служит только брошенное героем слово.

Быкову особенно тяжело воссоздать убедительность признательного диалога между Антоном и Зосей, представить разговор об их совместной будущей судьбе, потому что читатель знает итог Сталинградской битвы, тогда как герой заблуждается. И Быков намеренно передает ведущее слово Зоське.

Героиня в духе советской идейности противостоит идеалам «обывательской жизни», предлагаемой Антоном: «Ну что же ты предлагаешь? Идти к фашистам? Что же это такое? Это же хуже смерти. Тут надо потерять всякую совесть. Они же чума двадцатого века. Против них поднялся весь мир. С ними жить невозможно, они же звери <...> Люди для них — скот на убой, а не люди. <...> Мы — люди. И мы никогда их не примем, даже если они и победят. Ты говоришь: нет выбора. Выбор есть: или мы, или они. Вот в чем наш выбор» [8, с. 282].

Быков необычайно корректно и психологически достоверно передает спор героев: Антон, высказавшись однажды («Я хочу сохранить тебя, и твою мать, и себя, конечно» [8, с. 281]), далее в продолжение всего разговора преимущественно молчит, тогда как весь пыл и систему доказательств автор передоверяет Зосе. Распропагандированная юная Зоська («Здорово, однако, тебя напропагандировали» [8, с. 282]) с жаром и напором отстаивает свои убеждения, но, как заметно, ее речь снова полна советских штампов и трафаретных формул (*чума двадцатого века, они звери, они не люди* и проч.).

Заметим, писателю Быкову позиция отношения к врагу, как к изуверам, чужда — буквально в каждом его произведении, начиная с раннего рассказа «Одна ночь» (1963), константно присутствуют эпизоды проявления человечности немцев, их гуманности. Таков, например, в написанной перед «Пойти и не вернуться» повесть «Волчья стая» (1974) эпизод спасения немцем парнишки, спрятавшегося под печкой. Ездовой Грибоед рассказывает, как в Зарудичах «один немец угледел под печью подлетка, ды прикладом яго, прикладом запихал в самый кут — сяди. И гэнный уцелел. Всех побили, попалили, а гэнный уцелел. Немец уратовал» [8, с. 72].

Как бы то ни было, в «Пойти и не вернуться» Быков показывает, что отношения между героями Зоськой и Антоном постепенно «обретали новый характер» [8, с. 283], переманить «упрямую строптивницу» на свою сторону Антон не смог.

В обстоятельствах размежевания героев («они размежевались» [8, с. 293]) Быков усиливает и радикализует мотив спасения, который отстаивает Голубин. При этом Зоська тоже «очень хотела выжить, но тот способ спасения, который усиленно навязывал ей Антон, она принять не могла» [8, с. 284]. Появляется важный для Быкова *вариант* мотива — выжить за чужой счет. На его фоне звучат глубинные сомнения героини относительно Антона: «...какой же он в самом деле? Такой, каким ей показался вначале — сильный, участливый, все умеющий партизанский парень или напуганный за свою жизнь шкурник, который вознамерился и ее склонить к шкурничеству?» [8, с. 284]. Риторика обостряется, писатель подходит к главному для него вопросу: *каков герой?*

Быкова практически во всех повестях мучил вопрос, как хороший и порядочный, сильный человек *вдруг* проявлял слабость и становился предателем, что служило причиной и условием его стремительного преобразования. В «Пойти и не вернуться» Быков моделирует иную ситуацию, точнее разворачивает *цепочку* ситуаций: его герой Голубин не вдруг совершает предательство, но поставлен автором перед последовательностью тех обстоятельств, которые знаменуют поступательные шаги его отступничества.

Первым шагом на этом пути становится ситуация в доме шляхтецкой семьи, где происходит реальное физическое столкновение между Антоном и Зосей. Для обострения ситуации Быков намеренно не раскрывает убеждений хозяев: то ли они с полициями, то ли за партизан («А может ни за тех и ни за других...» [8, с. 292]). На вопросы, которые позволили бы Антону сориентироваться, осторожный мужик отвечает уклончиво: «— Не беспокоят под лесом? — Так. Коли не беспокоят. А коли и беспокоят. — А кто беспокоит? Немцы? Партизаны? — Як пану сказать? Коли так, а коли этак» [8, с. 292]. Позиция «тактичного» мужика не ясна герою.

Недоговоренность придает событиям в местечковой хате напряжение и подталкивает героя Голубина к действию. Вперед выдвигается еще одна народная мудрость: «Все-таки своя рубашка каждому ближе к телу» [8, с. 295]. И хотя в душе Антона «шевелинулась жалость» [8, с. 295] к Зоське, теперь она расценивается им уже как «заложница», как «гарантия для немцев и того же Копыцкого» [8, с. 295], местного полицая. Антон догадывался, что «к человеку с заложниками — семьей, матерью, детьми — немцы относились с гораздо большим доверием, чем к одиночке» [8, с. 295]. Потому нежелание девушки последовать за ним добровольно подводит его к принуждению — Антон намерен связать Зоську и силой повезти в Скидель.

В вопросах осмысления предательства у Быкова однозначности не бывает — так и в случае с Голубиным. Важно обратить внимание, что если Зоська видит в этой ситуации себя жертвой («Он купит себе жизнь ценой ее гибели: как глупую телку, повезет и сдаст ее на расправу полиции» [с. 299]; «теперь она знала, что пощады от него не будет» [8, с. 301]), то Голубин, как обнаруживает текст, не отказывается от Зоськи, она по-прежнему нужна ему «как жена, как хозяйка будущего дома» [8, с. 295]. Другое дело, что он осознает, что «как все деловые люди, немцы обожали гарантии» [8, с. 296]. И для него этой гарантией могла оказаться *жена* Зоська. Не проговаривая заблуждений героини, не выводя ее из них, Быков продолжает вести повествование, только теперь двумя путями — Зосиным и Антоновым, согласно их различному видению. И, надо признать, невнимательная критика следует исключительно за Зоськой.

Ситуация в тристане поляков обостренно доводится Быковым до того, что, освобождаясь от веревочных пут, Зоська находит хозяйский топор и поднимает его на Антона: «...со всей силы взмахнула из-за плеча топором» [8, с. 303]. Однако попытка Зоси убить Голубина неудачна: «Антон круто, по-волчьи, вывернулся и сильно ударил сам» [8, с. 303]. Накаля ситуацию, Быков в несобственно-прямой речи героини использует эмоциональные эпитеты — *по-волчьи*, формируя задаваемое читательское восприятие, порождая возрастающее неприятие к герою.

Кажется, автор всецело поддерживает Зоську, бросившуюся с топором на Антона и жаждавшую убить «подлеца» [8, с. 301]. Между тем совсем неброско, почти незаметно автор отмечает поведение Голубина: «Правда, он <Антон> за наган еще не хватался...» [8, с. 303].

Разные позиции героев по-разному репрезентируют ситуацию. Причем при всем драматизме или даже трагизме ситуации — Зося решительно намерена *убить* Антона, в связи с этим возникает еще один ироничный момент. Героиня представляет себе, как отомстить «гаду» Антону, и воображает: «Оставалось одно — выхватить у Антона наган и застрелить его и себя. Это было бы куда как удачно... Но если убить его, то зачем убивать себя? Ведь тогда точно можно будет спастись. Значит так: убить его и спастись. Одна попытка не удалась, авось удастся другая» [8, с. 304]. Ход размышлений героини явно иронизирован и содержательно оглушен, от него снова веет книжной романтикой и пустой бравадой. Симпатии к юной «зеленой» героине этот эпизод не убавляет, но еще одна черта ее портрета выведена автором и, как видно, осмысленно — дальнейшие ее обвинения Антону выглядят на этом фоне уже более слабыми.

Последующее объяснение с Антоном снова возвращает героев к любовным отношениям, по крайней мере со стороны Антона: «Я уже не говорю, что ты пыталась меня убить. А я ведь чего хотел? Я хотел с тобой жить. Как полагается, по-людски. А ты предателя из меня делаешь» [8, с. 308]. И далее: «Я не предатель. Я еще никого не предал. Разве что начну с тебя первой. Раз ты меня на это толкаешь...» [8, с. 308]. Обратим внимание: Зоська пыталась убить Антона, но в его словах обиды или злости нет, герой спокойно и с сожалением пытается по-прежнему напомнить «малышке» о его любви («любил тебя» [8, с. 308]). Ее же начитанная головка («образованная, читалась книжек» [8, с. 309]) снова обращается к образной параллели: «Ты не первый. И помни, самый первый давно подавился тридцатью сребрениками» [8, с. 308]. Хотя о награде-сребрениках Антон никогда не думал, его влекли, как помним, доброта, семья, мир.

Задача развенчать героя Голубина в привычных стратегиях идейной советской литературы приводит Быкова к тому, что он должен показать гиблый внутренний мир героя и непременно обнажить в нем гнилость. Так и происходит в повести — в ожидании лошади для поездки в Скидель Голубин погружается в самоанализ. Однако напомним: Быков в «Пойти и не вернуться» не констатирует, а пытается осознать процесс превращения в предателя, постичь анатомию отступничества, потому обязательные внутренние терзания Голубина-предателя представлены Быковым в тексте, но представлены «дежурно», весьма сжато и, отметим, занимают самую краткую по объему главу — всего две странички. Другого доказательства, что главка «обязательная», кажется,

уже не требуется. К тому же внутренние терзания, представленные автором в кратенькой главке, не столько разоблачают героя-предателя, сколько эксплицируют обиды Антона на Зоську — «даже вроде с обидой заговорил он» [8, с. 307], выдают в нем обычную человеческую ранимость, ему явно «не по себе» [8, с. 310]. Даже в «обличительной» главе герой не обличен.

В ходе развития сюжета, казалось бы, окажись у мужичка-поляка лошадь, Антон и Зоська вскоре прибыли бы в Скидель и ситуация разрешилась бы так или иначе, приблизилась бы развязка. Но, как уже было сказано выше, Быков выстраивает *цепочку* событий, чтобы яснее разобраться с природой предательства. И в быковском тексте возникает неожиданный, явно искусственный сюжетный поворот: в шляхецком тристене неожиданно появляются партизаны, приведенные хозяином-поляком. Искусственность эпизода проступает в том, что партизаны изображены здесь Быковым в некоем шутовском виде, особенно главный среди них — «маленький с красным лицом», который в каждой фразе, к месту и не к месту, повторял эвфемизм «японский городской» [8, с. 313]. В местечке, где постоянно шныряют полицаи, эти партизаны ведут себя дерзко, нахально, грубо и очень шумно, ни в чем не разобравшись, они готовы «устроить скорый суд или расправу» [8, с. 316] — «Вот возьмем и шлепнем обоих к чертовой матери» [8, с. 317]. В первый момент эпизод почти не воспринимается всерьез.

Очевидно, что появление посторонних партизан (могли быть и полицаи) нужно Быкову для того, чтобы еще более усложнить ситуацию взаимоотношений центральных героев. Перед лицом пришедших незнакомцев Антон и Зоська вначале поочередно обвиняют друг друга в предательстве («она решила переметнуться» — «это он решил переметнуться к немцам» [8, с. 314]), а потом так же поочередно и так же убедительно защищают друг друга, сославшись на их «полюбовные счета» [8, с. 315]. Быков словно бы сознательно вводит в повествование «третье лицо» (совокупного персонажа, трех партизан), под грубым напором и перед нелепыми обвинениями которых (героев походя обвинили даже в «мародерстве» [8, с. 317]) Антон и Зося снова оказываются на одной стороне — их недавнее противостояние нивелируется, недопонимание отходит на задний план. Герои снова поддерживают друг друга. Неслучайно (хотя и чрезмерно поэтично) если в недавнем сне Зося она сама себе казалась птицей [8, с. 312], то сейчас, глядя, как метались пустые рукава кожуха Антона, она сравнивала их с крыльями птицы [8, с. 316]. Сопоставление избыточно, но и оно подчеркивает близость и связь героев-актантов, оказавшихся во власти сторонних партизан.

Появление партизан позволяет Быкову внести ясность и коррективы в фоновые события — выясняется, что Сталинград не сдан, что советская армия побеждает. Для героев Антона и Зоси наступает новый этап переосмыслений. Так, Антон теперь размышляет о том, что, «может, теперь он должен благодарить Зоську за ее спасительное для обоих упрямство, простить ее выходку с топором, вообще примириться с ней» [8, с. 320].

NB. Знакомый поворот у Быкова: его герои часто оказываются в ситуации, когда вначале осуждают кого-то за оплошность, а позже именно эту ошибку признают спасением (вспомним, например, «Дожить до рассвета» (1972), случайный выстрел Судника и неумение справиться с лыжами Шелудяка).

Герои «Пойти и не вернуться» словно бы снова возвращаются на круги своя: Антон помнит об обещании Зоськи подтвердить любовные мотивы его самоволки, он же готов теперь вернуться в свой партизанский отряд. «Антон пришел к выводу, что в его положении, как ни странно, выручить его сможет именно Зоська» [8, с. 321].

В ситуации враждебности незнакомых партизан Быков не торопится снова развести героев — как Антон с теплотой думает о Зосе («тоска по утраченному или, может, надежда» [8, с. 322]), так и она не оставляет Антона без заботы. У поскользнувшегося на обледенелом склоне Антона разбита губа, течет кровь — «к нему неожиданно шагнула Зоська. Протянув руку, она рукавом сачка коротко отерла его подбородок...» [8, с. 322]. А спустя короткое время ей придется подтвердить перед озлобленными незнакомыми партизанами, что он свой и что его руки можно развязать [8, с. 326]. Или: по пути в чужой партизанский отряд Антон у железнодорожной насыпи вперед пропускает Зося, чтобы при случае помочь ей, чтобы она не отстала [8, с. 332]. Раненую в голову Зося перевязывает тоже он [8, с. 334]. В мыслях герои продолжают обмениваться обидами и обвинениями (Зося: «Она уже раскаивалась, что заступилась за Антона <...> наверно, он заслужил того, чтобы его расстреляли» [8, с. 327]), но, судя по их поступкам, Быков психологически тонко подводит к пониманию того, что чувства между ними сохраняются. Их надежда на спасение только в друг друге.

Быков намеренно не торопится свернуть сюжет и подвести его к финалу — автор допускает, чтобы его герои, прошедшие уже несколько кругов испытаний, снова остались наедине, словно бы они должны сделать еще один, последний выбор. На фабульном уровне внешне наступает момент самого сильного смыслового напряжения, с которого, как полагает критика, начинается развязка.

На данном этапе Зося ранена, она едва может идти, но поддержанная и получившая помощь от Антона (он перевязал ее подолом своей нательной сорочки), она все-таки не доверяет ему и опасается, чтобы он не узнал, в каком доме в деревне она останется, чтобы получить помощь и переждать. «Не доверяешь, значит? — Не доверяю» [8, с. 341].

Герои расстаются теперь, кажется, окончательно и навсегда. Он уходит за Неман, она остается в Княжеводцах. Повествование в эпизоде ведет Антон: он «с ненавистью смотрел на нее сзади, она была ему омерзительна, и он в мыслях сказал себе, что не окликнет ее никогда. Пусть, как знает, спасает себя сама, а

хочет, пусть гибнет, его дело малое. Скорее всего и погибнет. За первым же углом в деревне напорется на полиция и завтра со связанными руками окажется в Скидале» [8, с. 343].

Внутренний монолог Антона выразительно эмоционален и взволнован, герой слишком дерзок и зол, его слова полны обвинений и упреков, чтобы быть правдой. Вероятно, совсем неслучайно неподалеку в тексте Быков располагает фразу-подсказку: «Говорил, да. Но мало ли что может наговорить человек, когда жареный петух его в зад клюнет!» [8, с. 342]. Как уже было сказано ранее, герои в мыслях продолжают обвинять друг друга, но в поступках неизменно оказывают поддержку, заботятся один о другом. До конца верить такому презрительному монологу Антона едва ли можно. Но критика верит, тем более что вскоре, опасаясь, что Зося все-таки сможет выжить и донести на него, герой возвращается к месту их расставания и — стреляет ей в спину. «Боясь упустить ее в сумерках, он торопливо прицелился в черную спину и плавно нажал на спуск» [8, с. 344].

Критика делает выводы — подлец и предатель Голубин стреляет в Зосю, намереваясь ее убить только ради того, чтобы спасти себя. Спаси за чужой счет, ценой жизни другого, да еще и за счет в прошлом любимой им Зосетки. Более того, были критики, которые упрекали Быкова в том, что на этом этапе проявилось «уязвимое место повести», «неточно найденная финальная точка» [18, с. 253]. Л. Лазарев писал: «В сущности повесть кончается выстрелом Антона в Зоську, все последующее немного добавляет героям, возникший новый сюжетный поворот ведет нас не вперед, а по кругу...» [18, с. 253]. А. Шагалов соглашается: «...сюжетное действие в его внешнем проявлении действительно закончилось, завершилось предательским выстрелом Губина в Зосю» [25, с. 124]. И хотя критики, как и сам писатель, помнят и говорят об «открытом финале» повести, тем не менее оценки быковским героям уже вынесены, аксиология персонажей-актантов приведена к общему критическому знаменателю.

Между тем, на наш взгляд, говоря об «открытом конце» (В. Быков), критики и автор имеют в виду разные концы-финалы и различную форму открытости — отсюда непонимание того, почему повесть Быкова не завершилась на выстреле. Возникает ощущение, что критика а priori признала виновность Голубина и не сочла необходимым дочитать повесть до конца, будто ее финал уже достигнут. Однако посмотрим внимательнее на заключительные события и обстоятельства завершения повести.

Итак, Зося выстрелом Антона ранена в бок («очень болело в боку» [8, с. 344]), но ей удастся ползком добраться до крайней деревенской ограды и обломком жерди постучать по ней, вызвав громкий лай собак, то есть она будет обнаружена селянами. В зосином туманном мозгу вновь всплывают вопросы, которые уже ранее тревожили ее и автора: «Но почему он такой? Или он таким родился, унаследовав характер от предков? Или таким его сделала жизнь?» [8, с. 346]. Героиня, а с нею и автор пытаются доискаться, в чем же все-таки истоки предательства, что заставляет людей презреть чужую жизнь ради спасения собственной. Все мысли периодически теряющей сознание раненой Зоси — о Голубине, ее пронзает желание поправиться, добраться до отряда и раскрыть всю правду о нем, предателе и оборотне. Справедливая ярость героини должна быть удовлетворена.

Что же касается последних аффилированных мыслей Антона, когда читатель знает, что это действительно внутренняя речь Голубина — это то ли попытка убедить себя в чем-то, то ли сомнения и опасения. После смерти Зоси (как полагает герой) он снова «чист, честен, безгрешен в отношении к Родине, людям и своим товарищам» [8, с. 348]. Он придумал убедительную причину для командира партизанского отряда, где он пробыл три дня — «пытался разжиться обувкой» [8, с. 350]. Он спокоен, потому что Зося, в его представлении, «сама виновата», «погибла через свой дурацкий характер» [8, с. 348]. Кажется, все в порядке, кажется, герою не о чем волноваться, но он тревожен — сигнал-признак этого, что он, опытный и наблюдательный, сбился с пути, заблудился, оказался снова в тех местах, где еще недавно днем они проходили вместе с Зосей и — где он стрелял в нее. Через внешнее поведение героя (заблудился) достигается визуализация его тревожного внутреннего состояния, его опасений и сомнений.

Автор сообщает, что теперь, как ни странно, Антон престал думать о том, как ему пересечь Неман, где перебраться на другой берег, теперь его мысли занимало другое — «перед глазами возникло памятное поле с грушей, где полузаметенное снегом лежит теперь остывшее тело Зоськи» [8, с. 351]. Когда же герой оказывается на месте и понимает, что он не убил ее, а только ранил, «это открытие ошеломило его», его пронзило «смешанное чувство испуга, облегчения и страха» [8, с. 352]. В этой связи автор выписывает пространственный фрагмент, в котором герой снова проклинает Зоську, снова «ненавидит ее» [8, с. 353]. И, может быть, автор делает это в значительной мере для того, чтобы завуалировать важное для понимания состояния героя слово — «облегчение». Несмотря на свой страх и снова вспыхнувшую ненависть к Зосе, автор произносит — герой чувствовал облегчение, что не убил подругу. Он рад такому обстоятельству.

Растерянного героя, не знающего что теперь делать, автор возвращает в брошенную пустую обору, где они с Зоськой провели прошлую ночь. И снова случай — наутро Антон слышит понукания некоего мужика, который на санях направляется в Скидель за доктором. И, как понимает Антон из нескольких сбивчивых фраз мужика, тот едет за доктором для некой раненой «девки» — Голубину ясно, что доктор нужен Зосе. В повести разворачивается пространство действительно «открытого конца».

Голубин вместе с мужиком спешит в Скидель, автор замечает: «Главное для него было — успеть» [8, с. 358]. Однако в тексте остается неясным, куда нужно успеть, что намерен сделать герой. Критика

однозначно полагает — довести черное дело до конца, погубить Зоську, передать ее в скидельскую полицию. Но так ли это? Быков создает туманно-непроецируемый и почти таинственно-завуалированный финал.

Последнюю главу повести занимает полубред раненой Зоськи, которая то приближается к яви, то погружается в болезненный тревожный сон. По словам автора, она «отлично все слышала, а сказать ничего не могла», «как во сне» [8, с. 359]. В полусознательном состоянии героиня различает над собой «немолодое, озабоченное» лицо, чувствует прикосновение к ее телу холодных рук — она понимает: «перевязывают» [8, с. 359]. До ее сознания «доходит обеспокоенное слово *доктор*» [8, с. 360–361]. Отметим, слово «доктор» выделено в тексте автором, Быков подчеркивает это, заставляет обратить на него внимание: то есть доктор из Скиделя все-таки доставлен к раненой Зоське. И это означает, что Антон старался «успеть» за доктором, спешил помочь Зоське — и успел, раненая дождалась помощи.

Критика не обратила внимания на этот ход писателя — слишком расплывчато написана последняя «бредовая» глава. Однако Быков, без сомнения, нацелен на то, чтобы внимательный читатель разгадал его «загадку», и прозаик предпринимает дополнительные усилия. Сквозь бессознание и бред его Зоська улавливает мужской голос, в котором ей «слышатся знакомые ноты» [8, с. 361]. Быков намеренно запутывает повествование и отвлекает невнимательного реципиента: Зоська словно бы сама убеждает себя, что «нет, это не отец» [8, с. 361] из ее болезненного сна. Но тогда кто это, чей этот *знакомый* голос? Среди незнакомых героине людей остается признать, что голос принадлежит Антону, который, несмотря на «злость» и «ненависть» к героине (что звучало в его внутренней речи ранее), доставил к ней доктора и находится рядом с ее постелью. Обратим внимание: эпитет *знакомый* применительно к голосу Антона автор уже использовал ранее в тексте, когда герои остановились в хате польской семьи — «со двора донесся знакомый голос Антона» [8, с. 301]. Героиня *узнаёт* голос Антона — смысловая матрица финальных событий расширяется.

Между тем есть еще одна деталь (по сути, семантический маркер), предложенная Быковым: раненая Зоська на мгновение выбирается из своего болезненного сна и — различает «косматый край укывшего ее кожушка» [8, с. 361]. Без сомнения, речь идет о кожушке Антона — и это авторская подсказка. Кожух героя не раз (и явно сознательно) выводился прозаиком на передний план наррации, в том числе тогда, когда Зоська пыталась убить героя и топором повредила его кожих, позже заштопанный польской паночкой, или тогда, когда Зоська видит в болтающихся рукавах Антонова кожуха крылья птицы. Быков малоприметно предоставляет признаки того, что Голубин, без сомнения, находится рядом с Зосей в избе белорусских крестьян. И позже, когда Зосю перевозят в другое место («перепрячем тебя в хорошее место» [8, с. 362]), автор безакцентно подчеркивает, что на санях она прикрыта все тем же «теплым кожушком» [8, с. 362]. Такое пристальное внимание, кажется, к «несущественной» детали едва ли может быть случайным — очевидно, что намеренно амплифицированная деталь-кожих значима, семантически нагружена и, без сомнения, важна автору в плане экспликации его смыслового потаенного контента.

Становится понятным, что Быков не намерен свести образ Голубина к примитивному образу предателя. Писателя не пугают те обстоятельства, что раньше парные, кажется, антитетичные герои не только яростно ругали и обвиняли друг друга, но и покушались на жизнь друг друга — Зося намеревалась убить Антона топором и готова была повторить свою попытку, Антон стрелял в Зосю, но к собственной радости и облегчению, не убил, а только ранил ее. Можно предположить, что в данном случае Быков затекстово имел в виду ту литературную ситуацию, которая разыгрывалась в повести Б. Лавренева «Сорок первый» (1924), когда красноармеец Марютка, полюбившая белого офицера Говоруху-Отрока, с которым случайно оказалась на острове, убивает, стреляет из ружья, при виде приближающегося к ним вражеского катера [17]. Лавреневская проекция словно пробуждается в быковском тексте, допуская жизненную вероятность того, что и любящие друг друга люди могут решиться на страшный поступок, но одновременно (дополняет Быков) — быть готовыми и к тому, чтобы простить один другого, что и случалось по ходу развития фабулы повести «Пойти и не вернуться» не однажды. Образно-смысловые ассоциации повести Лавренева поддерживают быковский текст и в то же время позволяют понять отступление Быкова от него.

Таким образом, завершая подробный разбор повести Быкова «Пойти и не вернуться», следует признать, что текст повести была категорически неверно трактован советской критикой, исследователи восприняли его в инерционной традиции советской литературы геройства и предательства, отчасти и в традиции самого Быкова, когда из двух парных героев-антиподов один должен был к финалу оказаться отчетливо положительным, другой — неизменно отрицательным. Именно так интерпретировался «Сотников» Быкова, хотя и в той повести явного противостояния между героями автором не закладывалось, писателя больше интересовал механизм предательства, процесс, этапность. В повести «Пойти и не вернуться» Быков пошел дальше: он не только в итоге не противопоставил героев, но потаенно и осторожно указал в тексте на то, что его финал действительно *открыт* — его герои Антон и Зося смогут снова примириться, их отношения, вероятно, смогут развиваться далее. Вырвавшаяся из болезненного бреда Зося не сможет не узнать теплого антонова кожушка, который останется с нею до ее выздоровления.

Если в других повестях Быкова преимущественно интересовал феномен предательства, то в повести «Пойти и не вернуться» Быков переигрывал цензуру, в итоге — и читателя и критику, и (про)вел свое художественное исследование совершенно в ином направлении. Его герой Голубин действительно проявил слабость, поверил в собственный домисел о падении Сталинграда, испугался — но Зоська невольно и даже не

вполне осознанно удержала его от предательства, он не совершил его. Другое дело, что в герое Быкова сильнее, чем приверженность идеалам Родины, господствовало желание «обывательской» жизни, простой, доброй, мирной. Герой поспешил с намерением обрести *обыкновенную* жизнь с Зоськой во время войны, но на важном для него этапе спасения любимой герой осознал свою ошибку. Нет сомнения, что Антон будет прощен Зоськой, как он, с очевидностью, прощен и автором повести.

Стремление писателя Василя Быкова к глубинному психологическому анализу героя, его внутреннего мира, составило наивысшее достижение художника, стремившегося к погружению в самые темные и сокрытые от посторонних глаз уголки человеческой натуры, к постижению дихотомии непознанного людского характера, к детальному познанию амбивалентных начал человеческой личности. Именно таковые ракурсы быковской партизанской прозы противостояли генеральному руслу советской «панорамной» военной литературы, обнаруживали самобытность и неповторимость его писательской манеры и особого творческого взгляда [см.: 27].

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00073, <https://rscf.ru/project/26-18-00073/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 26-18-00073, <https://rscf.ru/en/project/26-18-00073/>); Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky.*

Примечание

1. Именно так сочла критик З. Гимпелевич: «Единственное, что его задело — это понижение в ранге вследствие смерти Кузнецова. Это он посчитал несправедливым» [9, с. 170]. Однако это совершенно неверно, текст повести это суждение не подтверждает, наоборот — всецело опровергает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамович, А. Горизонты белорусской прозы. Литературно-критические очерки. — М.: Советский писатель, 1974. — 318 с.
2. Астафьев, В.П. Боль: о повести Василя Быкова «Пойти и не вернуться» // Астафьев В. П. Полное собрание сочинений: в 15 т. — Красноярск: Офсет, 1998. — Т. 12. — С. 485–488.
3. Богданова, О.В. Пратекст повести Василя Быкова «Сотников»: гипотеза и размышления // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2026. — № 5.
4. Богданова, О.В. Роль повести «Обелиск» в творческой эволюции Василя Быкова // Наука и мир. — 2026. — № 9.
5. Богданова, О.В. Структурно-тематические пласты повести В. Быкова «Волчья стая» // Наука и мир. — 2026. — № 9.
6. Бровман Г. Открытие нового или повторение пройденного // Знамя. 1969. № 3. С. 218–228.
7. Буран, В.А. Василь Быков. — Минск: Мастацкая літаратура, 1976. — 221 с.
8. Быков В. Собрание сочинений: в 4 т. — М.: Молодая гвардия, 1985. — Т. 3. Повести. — 431 с.
9. Гимпелевич, З. Василь Быков. Книги и судьба. — М.: НЛО, 2011. — 396 с.
10. Голанд, В. Василь Быков. Привет из России // Литературная Россия. — 2002. — № 1–2. — С. 7–8.
11. Гринфельд, В.А. Малые дела в пограничной ситуации в военной прозе В. Быкова // Art Logos. — 2025. — № 4 (33). — С. 72–85.
12. Гуань, Л. Трагическое в русской литературе XX века (на материале повестей Б. Лавренева, В. Быкова, В. Распутина): дис. ... канд. филол. наук. — М., 2014. — 134 с.
13. Губко, Н.Г. Творческая сила памяти // Звезда. — 1975. — № 6. — С. 190–201.
14. Дедков, И. Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял. — М.: Советский писатель, 1989. — 310 с.
15. Золотусский, И. Прощай, XX век! Русские писатели. Сокровенные встречи. — М.: Алгоритм, 2008. — 286 с.
16. Зуй, М.И. Повесть В. Быкова «Сотников» и проблема бытия // Великая Победа — неиссякаемый источник воспитания патриотизма: материалы всероссийской научно-практической конференции, 16–21 ноября 2015 г. — СПб.: СПбГАСУ, 2016. — С. 692–698.
17. Лавренев, Б. Сорок первый. — М.: Художественная литература, 1986. — 320 с.
18. Лазарев, Л. Василь Быков. Очерк творчества. — М.: Художественная литература, 1979. — 208 с.
19. Лапунов, С.В. Человек и война в ранних рассказах Василя Быкова: опыт толстовской традиции // Вестник Полоцкого гос. ун-та. — Серия А. Гуманитарные науки. Литературоведение. — 2014. — № 10. — С. 59–64.
20. Левченко, В. Повторение пройденного? // Литературная газета. — 1978. — 2 августа. — С. 6.
21. Леонов, Л. Собрание сочинений: в 10 т. — Т. 9. Русский лес. Роман. — М.: Художественная литература, 1972. — 735 с.
22. Максимов, В.В. «Обелиск» В. Быкова в аспектах исторической поэтики // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 1. — С. 87–94.
23. Оскоцкий, В. ...Нет, восхождение! // Литературная газета. — 1978. — 2 августа. — С. 6.
24. Сияк, Е.П. Специфика воплощения образа солдата Второй мировой войны в произведениях В. Быкова, И. Шамякина, Г. Бёляя, Ф. Фюмана: дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 2022. — 147 с.
25. Шагалав, А. Василь Быков. Повести о войне. — М.: Художественная литература, 1989. — 302 с.
26. Эльяшевич, Арк. Огненные дали. Книжки 70-х о Великой Отечественной войне // Звезда. — 1980. — № 7. — С. 190–192.
27. Букаў В. Поўны збор твораў у 14 тамах. — М., Минск: Время, Кнігазбор, 2005–2006.
28. Макмілін А. Пісьменства ў халодным клімаце: беларуская літаратура ад 70-х гг. XX ст. да нашых дзён. — Białystok: Orthdruk, 2011. — 910 с.

Материал поступил в редакцию 24.08.26

THE SUBTEXTUAL LAYERS OF V. BYKOV'S STORY "TO GO AND NOT TO RETURN"

O.V. Bogdanova¹, I.S. Bogdanov²

¹ Doctor of Philology, Professor, ² Senior lecturer

^{1,2} Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg), Russia

Abstract. The article offers an analysis of the novel by the Belarusian writer Vasil Bykov "To Go and not to Return" (1978). Despite the many critical responses that the novel has received since it was released to the reader, nevertheless, in the process of detailed analysis, it is shown that the author's main ideas were not understood and not revealed by criticism. Traditionally, the story is considered in a system of contrasting the images of the central characters — the partisans Zosi Nareiko, a young girl devoted to the ideals of the people and the Soviet country, and Anton Golubin, a traitor, a werewolf, a cowardly man who is ready to save his own life at the cost of his beloved's life. Meanwhile, careful attention to the text explicates radically different accents: the characters really differ in their ideas at some stage, Anton is really ready to go over to the side of the policemen in order to find a quiet life "like people" together with the young Zosiatka, but the girl does not share Anton's aspirations and comes into conflict with him. The heroine makes an attempt to kill the traitor, who, in turn, makes an attempt on her life at an opportunity: he shoots, intending to kill, but only wounds Zosia. Usually, critics consider this moment to be the culmination of the story and do not see the continuation of the plot, claiming the idea of an "open ending". However, strangely enough, the subsequent chapters of the story lead to a completely different outcome: Golubin not only does not abandon his beloved Zosia, but also brings a doctor to her and takes care of her. It is shown that, mystifying Soviet censorship, the writer plunges the heroine into a painful dream, through which real events appear — the characters find themselves together again. One of the most expressive and semantically loaded details, testifying in favor of such a development of events, along with others, is Anton's "warm jacket", which covers Zosia during her recovery. In other words, Bykov's story is read not as a tale of betrayal, but as a work about the incredible possibilities of the human heart, its capacity for mercy and forgiveness.

Keywords: V. Bykov, the story "To Go and not to Return", critical assessments, character oppositions, censorship hoax, existential situation, open ending.

УДК 81.161.1

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАННЕГО РАССКАЗА ВАСИЛЯ БЫКОВА «ОДНА НОЧЬ»*

О.В. Богданова¹, Е.Д. Округина²¹ доктор филологических наук, профессор, ² научный сотрудник^{1, 2} Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского (г. Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. В статье на материале рассказа белорусского прозаика Василя Быкова (1924–2003) «Одна ночь» (1963) рассмотрены поэтологические особенности раннего текста, к которому прежде не обращалась советская, белорусская или российская критика. Исследование сосредоточено на выявлении особой системы художественного мировидения писателя-фронтовика, яркого представителя «лейтенантской прозы», чьи ранние рассказы, в отличие от его повестей, как правило, считаются слабыми, ученическими и не вовлекаются в сферу научного осмысления. В работе показано, что среди ранних несовершенных попыток литературного творчества Быкова, между тем, есть образцы по-своему яркой художественной прозы, уже на начальном этапе предвещавшей рождение будущего крупного писателя. В ходе анализа поэтики рассказа «Одна ночь» (первое название «Проклятие») продемонстрировано, что начинающий писатель Быков умел найти особый, отличный от других ракурс восприятия трагических событий военного времени и выявить в тексте сложные и неоднозначные проблемы, смоделировать экзистенциальные ситуации, по-особому репрезентирующие непримиримость конфликта в военном противостоянии. В опоре на быковский текст рассмотрена композиционная структура рассказа — прослежена поступательность и линейность развития фабульного действия, выявлена тернарность композиционного структурирования, отмечена замкнутость кольцевой динамики сюжета, подчеркнута экспериментально-лабораторная составляющая действия, в котором два героя-врага, советский солдат и фашист, оказываются на одну ночь вместе отрезаны от всего мира. При рассмотрении парной образной системы акцентирована принципиальная соотносительность образов героев-врагов, чьи отношения в ходе одной ночи по задаче автора развиваются от противопоставления к сопоставлению, от ненависти и враждебности к выявлению товарищеского, дружеского, соседского взаимодействия и взаимопомощи. Установлено, что на событийном уровне прием зеркальности позволяет эксплицировать двойственность и двусмысленность необычной и неординарной ситуации, подводя реципиента-читателя к осознанию глубины психологической составляющей объективных и субъективных законов войны. На лексико-грамматическом уровне подчеркнута тонкость работы писателя со словом, с выбором характерологически значимых деталей портретирования. Намечены традиции русской и зарубежной литературы, которым следовал Быков: от общей реалистической прозы Л. Толстого и М. Шолохова, к конкретным сюжетно-событийным перекличкам с повестью Б. Лавренева «Сорок первый» (1924) и произведениями Э.-М. Ремарка «Враг» и «На Западном фронте без перемен» (1930-е).

Ключевые слова: В. Быков, советская литература о войне, «проза лейтенантов», проблемы поэтики, традиция, самобытность

Белорусский писатель Василь Быков (1924–2003) вошел в советскую многонациональную литературу как один из ярких представителей «лейтенантской прозы», прозаик, основным жанровым пристрастием которого на долгие годы стала повесть. Однако начинал Быков вхождение в литературу с небольших рассказов, причем рассказов, весьма далеко отстоящих от темы войны. Критики сходятся в суждении, что ранние рассказы Быкова не предвещали рождения глубокого писателя сложной военной темы [1; 2; 6–18 и др.]. Рассказ «Одна ночь» (1963) — один из немногих рассказов Быкова, пронизанный множеством сложных экзистенциальных вопросов — о человеке на войне, о бесчеловечности войны, о природе гуманности, проявляющейся в экстремальных трагических условиях.

Рассказ Быкова «Одна ночь» («Адна ноч», *белорус.*) под названием «Проклятие» был впервые опубликован в сборнике «Третья ракета» [4] в переводе М. Горбачева. В 1990 году рассказ экранизирован на киностудии «Беларусьфильм» (реж. В. Колос).

Действие рассказа «Одна ночь», согласно названию, укладывается в весьма короткий промежуток времени — всего одну ночь, когда советский солдат Волока и немецкий ефрейтор Хагеман, спасаясь от беспорядочного авиационного обстрела («Юнкерсы» налетели внезапно» [5, с. 276]), вдвоем оказываются запертыми в подвале разбитого дома, оба зажаты под обломками кирпичного здания. Выход из подвала, в котором оказались герои, завален, лестница вверх всего в шесть ступеней заблокирована тяжелыми плитами. Время и место действия точно не называются, но по вскользь брошенным фразам и деталям (островерхия дома, вязы, альпийская эмблема на каске застреленного Волоком немца, аккуратная плитка площади и др. [5, с. 276–277]) можно понять, что речь идет о событиях весны 1945 года, скорее всего имевших место на территории Австрии (где, напомним, заканчивал войну сам старший лейтенант Быков).

Сюжет и композиция, по законам рассказовой наррации, подчинены принципам лаконизма и простоты. Структуру рассказа можно представить линейно-этапной, тернарной: (1) вечернее столкновение в подвале, взаимные ненависть и страх, (2) постепенное ночное узнавание и зарождение товарищеской доверительности, (3) утреннее возвращение к реальным обстоятельствам и суровым законам военного времени. При этом оксюморонная *сложность простого* сюжета, в традиции быковской манеры письма, формируется глубоким/глубинным психологизмом, вплетающим в несложную событийную канву неоднозначные чувства персонажей-противников, героев-врагов.

В центре персонажной системы рассказа — два героя, советский солдат Иван Волока, вероятно, белорус по происхождению, и фашистский ефрейтор Фриц Хагеман, немец (или австриец, судя по эмблеме с эдельвейсом). Традиционные (даже «банальные») имена героев — Иван и Фриц — в своем «говорящем» исполнении почти лишают персонажей персональности, становясь у Быкова знаком не только национальных, но и идейно-социальных, а шире — общечеловеческих универсалий, когда образы двух субъектов повествования воспринимаются в проекциях вненациональности и всеобщности. Конфликт между героями выявляет его общечеловеческий характер.

Прием парности персонажей пока еще используется Быковым в рассказе на уровне сопоставления разных героев (*наш — чужой*, персонажи-враги). Впоследствии центральное звено образно-повествовательной системы Быкова составят пары героев-соратников, чаще всего двух партизан, когда оба героя «наши». В рассказе «Одна ночь» Быков только приближается к выработке новой — глубинной — сущности осложненной конфликтности его будущих повестей.

Вынужденная изоляция двух центральных героев, врагов-противников рассказа «Одна ночь» дает Быкову возможность представить события ночи в темном подвале как своеобразный эксперимент, по-своему «лабораторный» (почти по Ф. Достоевскому) опыт выявления человеческой природы в бесчеловечных обстоятельствах войны. Хронотоп ночи в тексте — не просто констатация времени суток, но и метафора иного, безвоенного, бытия, когда во тьме ночного заваленного подвала исчезают воинские знаки отличия, национальная принадлежность, стирается враждебная идеология и возникают/выстраиваются человеческие отношения. Замкнутое пространство подвала — отчасти искусственность, ситуация крайне неординарная, акцидентальная, едва ли характерная для военного столкновения. Однако Быкову необходим этот творческий эксперимент, чтобы найти ответы на множество бытийных вопросов, обильно пронизывающих ткань небольшого по объему рассказа. Притчеобразный стиль письма, лексический состав фраз, непривычные грамматические формы, манера изложения поддерживают это наблюдение: «...в бездну рухнуло черное подземелье, сотни громов и грохотов обрушились на людей...» [5, с. 279].

Учитывая взросление Быкова-писателя на произведениях русской классической литературы, можно указать на аллюзию к знаменитому «подвалу, похожему на пещеру» из пьесы М. Горького «На дне» [см. подробнее: 3, с. 23–70]. Как и у Горького, подвал у Быкова не есть место случайного пребывания героев, это философски насыщенный образ-символ, который возвращает героев в их природное человеческое бытие, доцивилизационное состояние, не разделенное государственными границами и идейным противостоянием. В темном заваленном подвале — «тут было тихо и темно» [5, с. 278].

Прием антитезы, опосредующий взаимоотношение персонажей-врагов, в продолжение «одной ночи» выводится прозаиком из сферы *противопоставления* героев и переводится в зону их *сопоставления*. Герои, которые на начальном этапе схватились в жестокой смертельной борьбе-драке [5, с. 278–279], постепенно в условиях почти первозданной темноты и тишины обнаруживают в себе пробуждение человеческих инстинктов («инстинктивно» [5, с. 279, 282, 284]), возвращение к исконной природе человека и человечности. «Какое-то человеческое великодушие толкнуло его помочь солдату» [5, с. 283] — Волок помогает беспомощному немцу выбраться из-под завала.

Быков пунктирно намечает, как между героями-врагами постепенно, но неуклонно устанавливается взаимопонимание. Используемый автором лексический ряд позволяет проследить динамику перерождения в душе героев «противоречивых, перемешанных» [5, с. 282] чувств. Так, если в первой условной части рассказа герой-фашист обозначается в несобственно-прямой речи Волока как *немец, враг, сволочь, противник, гадина, проклятый, собака, недобитый гитлеровец* [5, с. 278, 279, 281, 282, 283], то постепенно в его речи звучат иные номинативы — вначале «человек» [5, с. 284], а позже «сообщник и друг» [5, с. 289], «товарищ» [5, с. 288, 297] и даже «брат» [5, с. 286].

Почти четырехлетний опыт войны, пройденный героями, заставляет их в какой-то мере понимать чужой язык и дает возможность персонажам воспользоваться неким своеобразным языком-суржигом, смесью русского и немецкого, неграмотных соединений словесных форм, но доступных пониманию. Между героями завязывается общение, и в тексте начинает мелькать множество общих точек, сходных деталей портретирования героев.

Оказывается, что оба они — простые люди, в мирное время работали столярами («И я тоже столяр! Я — столяр!» 95, с. 287). Оба строили дома («Их хаус дом арбайт» [5, с. 287]) — и в условиях военной ночи это принципиально важно и семантически значимо. Волок уточняет: «Срубы ставил. Русский угол. И немецкий рубили» [5, с. 287]. В данном случае внешняя дифференция *русский / немецкий* по сути не разделяет, но сближает героев.

У обоих героев есть семьи: у Ивана — жена и две дочери, у Фрица — жена, два сына и дочь [5, с. 291]. Общность семейной роли эксплицирована: каждый из героев — муж и отец.

Оба были ранены: у немца «широкий косо́й рубец возле уха», след осколка. Иван, увидев этот след, «про себя улыбнулся: такой же рубец носил и он на левом боку — память о боях под Курском» [5, с. 284].

Знаком сближения персонажей становятся и традиционные для русской классической литературы признаки психологизации — выражение глаз («глаза его сразу прояснились» [5, с. 283]) и улыбка, появляющаяся на губах противников (*улыбнулся, улыбнувшись, добродушно улыбнулся* [5, с. 282, 283, 285, 286]). Колористическим маркером человеческой сущности становится цвет, как ни парадоксально, видимый в густой темноте подвала — «светлые глаза» [5, с. 281], «светлая щетина» [5, с. 283], «светлые брови» [5, с. 289] и др.

Быков показывает, что в каждом из героев, запертых в подвале, сохраняются страх, недоверие, опасения, но вместе с ними просыпается и обыкновенное человеческое любопытство и внимание к «человеку-врагу» [5, с. 285] и, как следствие, надежда спастись и еще пожить. В какой-то момент автор с использованием приема литоты проговаривает, что Волока теперь «видел рядом не какого-нибудь самоуверенного гитлеровца первых дней войны, а пожилого, усталого и, очевидно, немало пострадавшего человека» [5, с. 284]. Отрицательный оборот с частицей *не* несет в себе утверждение, а не отрицание. Образная антонимия сменяется контекстной синонимией. Наряду с обобщенным определением «человек» появляются и дополняющие детализирующие характеристики-эпитеты немца — *пожилой, усталый, пострадавший*, проступают физиологические признаки обычного человека: «на переносе густо выпали капельки пота» [5, с. 285]. Элемент человечности в портрете персонажа (уже не врага, а человека) поддается приему компрессии, сгущения. В тексте рассказа заметно нарастает количество определительных наречий *тоже* и *также* («Иван тоже влез на завал» [5, с. 287 и др.]). Мелькает характерологически и психологически значимое слово «братание» [5, с. 289].

В повествовании Быкова появляются приметы констатации «общей беды» [5, с. 285], во имя освобождения из заваленного подвала герои работают вместе и «дружно»: «Две пары рук уперлись в один кусок бетона» [5, с. 285] — цифровые адъективы явно не случайны. Герой Волока замечает в себе сдвиг психологических нюансов: «...то ли от этой близости, то ли от слаженности общих усилий то враждебное, что все время жило в нем по отношению к этому человеку, начало помалу ослабевать» [5, с. 285]. Смысловая матрица *взаимоотношений* героев наполняется новыми коннотациями.

Высшей точкой человеческого сближения становится эпизод совместного раскуривания табака, русской махорки («рус махорка» [5, с. 286]). Причем если в первом из подобных эпизодов герои прикуривают по-разному: Волока от спички, которая «нашлась в его помятой, расплющенной коробке», Хагеман — от зажигалки, «искусно сделанной наподобие маленького блестящего пистолетика» [5, с. 286], то во второй раз оба закуривают от фрицевой зажигалки («...немец услужливо щелкнул зажигалкой, дал прикурить ему, затем закурив сам» [5, с. 289]). Итогом окончательного сближения становится обращение персонажей друг к другу по именам: Иван и Фриц. Для героев наступает прозрение: теперь Волока видел, что «перед ним самый обыкновенный человек» [5, с. 288]. Свет немецкой зажигалки, которую Фриц не стал гасить, придает атмосфере подвала домашность и уют [5, с. 289]. Чуть позже зажигалка определена автором как «крохотный светильник» [5, с. 293], добавляя в описание вкрапления элементов святости и символизма.

В намерении подчеркнуть гуманистические составляющие характера обоих героев, объективных персонажей-противников, но субъективно сближенных драматическими обстоятельствами изолировавшего их от мира подвала, Быков водит в текст парный, зеркальный эпизод спасения. Если в начале рассказа Волока помог освободиться засыпанному кирпичом немцу, то в ходе приближения к финалу уже Фриц помогает Ивану, на которого обрушилась «серая глыба камней». Эпизод дополняется символикой мотива воды. Потерявший сознание от боли Волока приходит в себя: «Следующим его ощущением становится тихое касание чего-то прохладного к губам и шее, вроде что-то живое скатывается за воротник, но губы вдруг оживают, во рту становится приятно, и он делает первый глоток» [5, с. 294]. Быков так передает чувства и ощущения персонажа, что кажется, что тот испивает глоток сказочной живой воды, пробуждающей его. Неслучайно в одном предложении дважды звучат слова с корнем *жив-*. Дополняют картину маркированные слова *сочувствие, доверие, благодарность* [5, с. 294–295].

Между тем психологическая напряженность быковского военного рассказа нарастает, в тексте звучит все больше вопросов, среди которых самый важный: «Вот вылезем, а тогда что?» [5, с. 288]. Причем Быков умело и тонко показывает, что подобные тревожные мысли-вопросы мучительно одолевают обоих героев [5, с. 289–290].

Наконец сюжетная динамика доводит рассказ до того, что выход из подвала освобожден — герои могут выйти на волю. Но «...из подвала появился выход, и все стало другим» [5, с. 296]. После волоковой номинации «человек» Фриц снова превратился в «солдата». Теперь товарищески предложенная для поддержки обессиленного Волока рука Фрица решительно отвергнута («Иван упрямо отвел его руку» [5, с. 296]).

Тем не менее, по воле автора, герои неизбежно оказываются наверху. В утренние часы противоборство советских и фашистских частей продолжилось — герои, недавние товарищи, теперь солдаты враждующих армий снова погрузились в хаос и неразбериху сражения. Рассказ словно бы композиционно закольцовывается, замыкается: участники событий в финале оказались там, где начиналось действие завязки. Смысловое

напряжение достигает кульминации: Волока стреляет в Хагемана из автомата, Фриц кидает в Ивана гранату. Едва достигнутая эмпатия героев снова мутирует во враждебность.

Как впоследствии продемонстрируют повести и романы Быкова, манере писателя свойственны открытые финалы. Этот прием эксплуатируется и в рассказе. Прозаик не уточняет, убит ли Фриц, насколько тяжело ранен Иван, но завершением сюжетного развития рассказа снова становятся вопросы: «Как же это? Что это?» [5, с. 300]. Казавшаяся ведущей проблема «человек на войне» вытесняется осмыслением ее нравственных (далеко не военных, скорее общечеловеческих) составляющих: можно ли убить того, с кем только что делился последней махоркой, кто помогал тебе выбраться из-под завала, кого ты уже определил как человека?

Быков не занимает позицию отвлеченного пацифиста. Он и его герои понимают, что война неизбежно связана с убийствами и что враг *должен* быть уничтожен. Однако писатель показывает, насколько бесчеловечно это должествование, когда перед тобой не абстрактный безликий враг, а живой и близкий *товарищ, брат, друг, сосед* [5, с. 292, 293]. Быков дает прочувствовать, что всего *одна ночь*, проведенная вместе в темном тихом подвале, очеловечивает «врага», наделяя его чертами общности и родства. Фраза Волоки, обращенная к себе и ко всему окружающему «Что ж делать? Война», — бытийная констатация неразрешимости основного конфликта войны, той суровой и жестокой реальности, в которой тотально и неизбежно торжествуют законы антигуманности.

В целом пафос рассказа «Одна ночь» явственно демонстрирует, что вслед за Л.Н. Толстым Быков соглашается, что война действительно есть «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие», толстовская (заметим, и шолоховская) традиция в быковском рассказе очевидно выдерживается. Между тем не менее очевидна и другая отсылка-перекличка — к повести Бориса Лавренева «Сорок первый» (1924). По сути, вслед за Лавреневым, Быков разрабатывает еще одну версию экзистенциальной коллизии, заложенной в советской литературе периода Гражданской войны.

Как помним, в повести Лавренева разворачивается сходная с быковской коллизия: красноармейка Марютка, после разгрома ее отряда оказавшись на острове, в полной изоляции от мира, влюбляется в захваченного ею белого офицера Говоруху-Отрока. Как и в рассказе «Одна ночь», в повести Лавренева происходит нивелирование социальных ролей — в условиях островной изоляции исчезают знаки воинского различия, нивелируются идейно-политические противоречия. У Лавренева на острове оказываются обычные мужчина и женщина, как у Быкова в подвале — два обыкновенных человека. Сквозь политическую борьбу персонажей в обоих произведениях прорывается человеческое — герои сближаются. Однако, как и у Быкова, неустойчивый мир, выстроенный в условиях изоляции у Лавренева, рушится, как только герои вновь соприкасаются с реальностью гражданской войны. Завидев катер с белогвардейцами, Марютка стреляет в любимого — он становится сорок первым по счету среди убитых ею врагов.

Нечто подобное происходит и с быковским Волокой. О Фрице: «Это был четвертый немец, попавшийся ему под руку. Первого он подстрелил в сорок третьем под Прохоровкой из окопа во время атаки. <...> Со вторым пришлось немного повозиться. Иван догнал его в окопе, немец стрелял из парабеллума <...> Иван, загнав его в тупик, приколол штыком. Третьего застрелил сегодня в подъезде. Теперь вот этот» [5, с. 282]. Цифровая арифметика явно ассоциируется с лавреневской цифрой 41. То есть в рассказе «Одна ночь» Быковым разрабатывается не только тот же сюжетный архетип, что и у Лавренева, не только неброско высвечивается подобие экзистенциальной ситуации, но и дается скрытое указание на традицию (Гражданская война // Великая Отечественная война). Заметим, в финале обоих произведений созвучно выводятся мотивы растерянности и опустошенности героев, осознания выполненного долга и внутреннего несогласия с ним.

Между тем на фоне очевидного сходства сюжетных ситуаций Быков переосмысливает лавреневскую художественную модель и снимает налет революционного романтизма, сентиментальности и поэтичности. Если у Лавренева идеологические установки героев проговариваются открыто: правда красных и правда белых сталкиваются в персонажных диалогах, то у Быкова военный конфликт в условиях темного подвала перетекает в ситуацию обычного человеческого быта-бытия, совместного братского стремления к выживанию. Сквозная библейская притчевость и метафоричность Лавренева почти не касается «Одной ночи» Быкова (за исключением отдельных речевых пассажей), но опирается на законы реалистической военной прозы в традиции М. Шолохова («Судьба человека»), сурового психологического реализма.

Вероятно, в зону литературной традиции рассказа Быкова «Одна ночь» может быть вовлечена и новелла Эриха Марии Ремарка «Враг» (1930–1931). Тексты построены вокруг той же *экзистенциальной* ситуации — короткого по времени и вынужденного взаимодействия центрального героя с противником-солдатом. Как и у Быкова, враг в новелле Ремарка из абстрактной фигуры превращается в живого человека. Указанием на текстуальное сходство могут послужить типологические ситуации с фотографиями и даже с «живой водой». Как и для Волоки, враг у Ремарка перестает быть жалким «французишкой», но запечатлевается в памяти как человек, муж и отец. Правда, если у Быкова текст завершается полисемантическим восклицанием-размышлением центрального героя «От же гады! От гады!..» [5, с. 300], оставляя без разъяснения вопрос о том, кто эти «гады», то у Ремарка, в отличие от быковской сдержанности, новелла заканчивается едва ли не публицистически открытым антивоенным протестом, пронизанным мыслью о том, что подлинный враг — не убитый французишка, а те, кто послал его и других солдат на массовое убийство.

Трудно сказать, был ли Быков в 1960-е годы знаком с рассказовым творчеством Ремарка, но известно, что в СССР произведения писателя-антифашиста издавались уже с конца 1920-х годов, в частности был достаточно широко тиражирован перевод знаменитого романа Ремарка «На Западном фронте без перемен». Следует напомнить, что романский эпизод, где герой Пауль Боймер убивает французского пехотинца и затем проводит несколько мучительных часов возле его тела, перебирая его документы и давая себе клятву никогда не соглашаться с войной, также может быть признан типологически близким Быкову, в нем улавливаются явные пересечения с рассказом «Одна ночь». В любом случае оба ремарковских текста обнаруживают черты и приметы, без сомнения, близкие военному рассказу Быкова, позволяя осознавать традиции, на которые ориентировался белорусский прозаик.

Таким образом, быковский рассказ с нейтральным названием «Одна ночь» и с более эмоционально накаленной формой названия «Проклятие» предоставляет возможности понимания того, что достаточно ординарные ранние рассказы писателя, тем не менее, содержали в себе те особые ракурсы, которые выделяли Быкова на фоне других писателей-фронтовиков, представителей «лейтенантской прозы». Как бы ни были слабы, с точки зрения критики, ранние рассказы прозаика, однако и в них проступает особый художественный взгляд, неоднозначный, противоречивый, дихотомичный по своей природе. Уже в ранней прозе Быкова начинает формироваться тип героя неординарного, двусоставного, психологически глубокого, осознающего противоречия «священной войны» и ее этико-философские неразрешимые парадоксы. Координаты творческого поиска художника размещаются не по горизонтали, но по вертикали, ставя перед читателем сложные и едва ли доступные для окончательного разрешения вопросы войны, трагических обстоятельств военного времени, внешней объективности и неизбежности лишения человека жизни и его обречения на смерть. Поэтика уже ранних рассказов Быкова насыщается приемами философского и психологического поиска, открывая пути к будущим партизанским повестям и романам талантливого белорусского прозаика.

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 26-18-00073, <https://rscf.ru/project/26-18-00073/>); Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, project No. 26-18-00073, <https://rscf.ru/en/project/26-18-00073/>); Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдусаматова, Л.Х. Художественное время и пространство в повестях В. Быкова // Бюллетень науки и практики. – 2024. – Т. 10. – № 6. – С. 751–755.
2. Адамович, А., Быков, В. Диалог в письмах / публ. и коммент. Н. Адамович, перевод О. Ждана // Сибирские огни. – 2013. – № 11. – С. 138–152.
3. Богданова, О.В. Ницшеанский герой М. Горького («Старуха Изергиль», «На дне»). – СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. – 71 с.
4. Быков, В. Проклятие // Быков, В. Третья ракета. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 240 с.
5. Быков, В. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Молодая гвардия, 1986. – Т. 4. – С. 276–300.
6. Гимпелевич, З. Василь Быков. Книги и судьба. – М.: НЛО, 2011. – 396 с.
7. Гринфельд, В.А. Малые дела в пограничной ситуации в военной прозе В. Быкова // Art Logos. – 2025. – № 4 (33). – С. 72–85.
8. Голанд, В. Василь Быков. Привет из России // Литературная Россия. – 2002. – № 1–2. – С. 7–8.
9. Гуань, Л. Трагические мотивы Великой отечественной. Интерпретация Василя Быкова // Litera. – 2020. – № 2. – С. 18–23.
10. Дедков, И. Василь Быков. Повесть о человеке, который выстоял. – М.: Советский писатель, 1990. – 310 с.
11. Золотусский, И. Знак беды. Три встречи с Василем Быковым // Литературная газета. – 2004. – № 23. – 29 июня. – С. 8.
12. Лазарев, Л. Василь Быков: очерк творчества. – М.: Художественная литература, 1979. – 208 с.
13. Синяк, Е.П. Специфика художественного воплощения образа солдата Второй Мировой войны в произведениях В. Быкова, И. Шамякина, Г. Бёлля, Ф. Фюмана: дис. ... канд. фил. наук. – Минск, 2022. – 147 с.
14. Смирнов, А.С. Экзистенциалистская онтология личности в диалоге автора и героя в повести В.В. Быкова «Дожить до рассвета» // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 120–126.
15. Хадзиева, А.А., Оздоева, Л.М. К вопросу о проблематике романа Ю.В. Бондарева «Горячий снег» и В. В. Быкова «Дожить до рассвета» // Вестник науки и образования. – 2024. – № 2 (145)-1. – С. 1–3.
16. Чернов, Л.С., Погорельская, Е.Ю. Религиозно-мифологические аспекты памяти Великой Отечественной войне в творчестве Василя Быкова // Социум и власть. – 2024. – № 2 (100). – С. 7–20.
17. Шагалов, А. Василь Быков. Повести о войне. – М.: Художественная литература, 1989. – 302 с.
18. Шапран, С. Василь Быкаў: гісторыя жыцця ў дакументах, публікацыях, успамінах, лістах. – Мінск; Гародня: Łódzka drukarnia Dzielowa s.a., 2009 (на белорус. яз.).

Материал поступил в редакцию 24.08.26

THE IDEOLOGICAL AND IMAGINATIVE ORIGINALITY OF VASIL BYKOV'S EARLY SHORT STORY "ONE NIGHT"

O.V. Bogdanova¹, E.D. Okrugina²

¹ Doctor of Philology, Professor, ² Research Associate

^{1,2} Russian Christian Humanitarian Academy named after Fyodor Dostoevsky (St. Petersburg), Russia

Abstract. *Based on the short story "One Night" (1963) by the Belarusian novelist Vasil Bykov (1924–2003), the article examines the poetical features of the early text, which had not previously been addressed by Soviet, Belarusian or Russian criticism. The research focuses on identifying a special system of artistic worldview of the veteran writer, a prominent representative of "lieutenant's prose", whose early stories, unlike his novels, are usually considered weak, student-like and not involved in the field of scientific understanding. The paper shows that among the early imperfect attempts of Bykov's literary work, meanwhile, there are examples of vivid artistic prose in its own way, which already at the initial stage foreshadowed the birth of a future major writer. During the analysis of the poetics of the story "One Night" (the first title "The Curse"), it was demonstrated that the novice writer Bykov was able to find a special, different perspective on the tragic events of wartime and identify complex and ambiguous problems in the text, simulate existential situations that represent the irreconcilability of conflict in a military confrontation in a special way. Based on Bykov's text, the compositional structure of the story is considered — the progressive and linear development of the plot action is traced, the ternary of compositional structuring is revealed, the closeness of the circular dynamics of the plot is noted, the experimental and laboratory component of the action is emphasized, in which two enemy heroes, a Soviet soldier and a fascist, are cut off from the whole world for one night. When considering the paired image system, the fundamental correlation of the images of enemy heroes is emphasized, whose relationships during one night, according to the author's task, develop from opposition to comparison, from hatred and hostility to the identification of comrades, friendly, neighborly interaction and mutual assistance. It is established that at the event level, the technique of mirroring makes it possible to explicate the duality and ambiguity of an unusual and extraordinary situation, leading the recipient reader to realize the depth of the psychological component of the objective and subjective laws of war. At the lexico-grammatical level, the subtlety of the writer's work with the word is emphasized, with the choice of characterologically significant details of portraiture. The traditions of Russian and foreign literature that Bykov followed are outlined: from the general realistic prose of L. Tolstoy and M. Sholokhov, to specific plot-event references to B. Lavrenev's novel "Forty-first" (1924) and the works of E.-M. Remarque "The Enemy" and "On the Western Front without Change" (1930s).*

Keywords: V. Bykov, Soviet literature about the war, "prose of lieutenants", problems of poetics, tradition, originality.

УДК 82.161.1

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА КНИГИ В.С. ПИКУЛЯ О СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЕ («БАРБАРОССА»)

И.А. Митрофанова, кандидат филологических наук, доцент
Михайловская военная артиллерийская академия (г. Санкт-Петербург), Россия

Аннотация. В статье речь идет о художественно-документальной природе военного романа Валентина Пикуля «Барбаросса». Концептуальна стилистическая дифференциация: исследовательская интенция — восстановить подлинную картину событий, опора на факт и документ, предельная искренность, лиризм, способность к перевоплощениям, воссоздающий атмосферу эпохи поэтический контекст. Пафос незаконченной 1-ой книги дилогии «Площадь Павших борцов» («Барбаросса») отразил содержание общественно-политических противостояний 1990–2000-х годов, предугадал развитие русской военной прозы.

Ключевые слова: Валентин Пикуль, Сталинград, Сталинградская битва, исторический роман, достоверность, документальность, повествовательная структура.

Роман-дилогия «Площадь Павших борцов» — завершающее творчество Валентина Пикуля произведение, которое писатель не успел закончить. Центральным его событием является одно из величайших сражений в истории человечества — Сталинградская битва, переломившая ход Великой Отечественной войны, длившаяся с 17 июля 1942 г. по 2 февраля 1943 г. Первая книга дилогии под названием «Барбаросса. Роман-размышление» была напечатана в 1991 г. в журнале «Наш современник» (№ 2–8).

1. Биографический контекст. У писателя имелась глубоко личная причина для написания романа, который В. Пикуль в разговорах с женой Антониной Ильиничной называл «Сталинград». В 1986 году в телеинтервью журналисту Т. Земсковой писатель рассказывал [многозначия в тексте фиксируют паузы. — И. М.]:

«Я работаю уже ... года 2–3 над этой темой. А толчком к этому послужил мой отец, погибший в Сталинграде в составе морской пехоты Беломорской военной флотилии. Он был тогда, как тогда говорили, в звании батальонного комиссара, три нашивки имел. И вот совсем недавно сравнительно сталинградские следопыты выяснили обстоятельства его гибели. И тогда я взялся за эту тему. Но меня интересует сейчас не столько положение в окопах Сталинграда, сколько то, что творилось в политике и в общей стратегии войны вокруг Сталинграда <...> Я посвящаю ее памяти отца...» [3].

Пикулю стали известны подробности гибели отца. В.А. Юдин вспоминает:

«Он вместе с морскими пехотинцами держал оборону в Доме пионеров и, по имеющимся сведениям, там и погиб. Новые детали помогли узнать юные следопыты. Оказалось, что отец был тяжело ранен в голову, и его хотели переправить через Волгу. Но переправа была крошечным аном, там отец и погиб. Похоронили его вместе с другими нашими воинами на левом берегу.

Узнав об этом, я и задумался: вообще, что такое Сталинград?

С этого и началась моя работа над романом. А так бы я за него и не брался. Информация о гибели отца и послужила толчком...» — рассказал мне Валентин Саввич при встрече в г. Риге» [21].

День смерти отца приводится в книге писателя Н.М. Коняева, редактора романов Пикуля: «И вот летом 1990 года Пикуль поставил на свой рабочий стол фотографию отца, погибшего 21 сентября 1942 года на волжской переправе» [9, с. 374].

Свою сердечную заинтересованность в создании романа «Барбаросса» автор раскрыл в посвящении: «Светлой памяти отца, Саввы Михайловича Пикуля, который в рядах морской пехоты погиб в руинах Сталинграда, — с сыновней любовью посвящаю» [13, с. 392]. Событийной семантикой определительного придаточного предложения Пикуль увековечил отца как первое действующее лицо произведения. Предваряющее изложение, выражение памяти и любви к отцу определяет читательскую перспективу: при освещении воссоздаваемых событий автор лично заинтересован в стремлении к истине.

2. Эпоха создания романа. В.С. Пикуль работал над романом в эпоху «перестройки», которая в общественно-политическом патриотическом дискурсе с конца 1980-х гг. переживалась как национальная катастрофа, ближайшей исторической аналогией для которой было начало Великой Отечественной войны. Сталинградский рубеж расценивался как символический образ края бездны, к которому подошла страна. Военный перелом под Сталинградом приобретал значение метафоры перехода от кризиса к возрождению страны. Используя мобилизационный пафос, насыщающий образ Сталинградской битвы, писатели призывали патриотически настроенных сограждан объединиться ради национально-исторического будущего народа. В патриотической публицистике развивалась мысль о предательстве национальных интересов правительственными кругами. Образ Сталинграда и его защитников заключал в себе аксиологическое содержание — преподносился как моральный эталон для современников.

В 1989 г. вышел фильм Ю.Н. Озерова «Сталинград». Соавтором сценария выступил Ю.В. Бондарев, осенью 1942 года воевавший на Сталинградском фронте и описавший в романе «Горячий снег» (1969–1970) действия 2-й гвардейской армии в сражении с группировкой Манштейна в декабре 1942 г. В обширной публицистике конца 1980-х — первой половины 1990-х гг. Бондарев последовательно развивал метафору Сталинградского рубежа.

Мысль о совершаемом предательстве настойчиво проводилась Бондаревым: «Предательство стало нормой жизни — предательство нашего строя, предательство веры отцов, предательство революции, предательство того, за что погибали старшие братья и в страданиях из последних сил берегли сестры <...>» («Перед лицом крушения», 1994) [2, с. 432]. В начале 1990-х гг. творился миф об исторической вине обеих держав — Германии и СССР, агрессивная политика которых разожгла Вторую мировую войну. Бондарев расценивал радикальную ревизию советского периода истории, ценностных основ жизни народа, главнейшей из которых была Победа в Великой Отечественной войне, как проявление реваншистской идеологии: «Всех, кто пытается извратить правду этой великой войны, кто старается принизить нашу победу <...> представить нашу войну как поражение, всех, всех их я называю предателями, перебежчиками в стан самого человеконенавистнического врага — на сторону фашизма» («Нас ввели в зловещий регион», 1994) [2, с. 422]. В беседе с писателем А. Ларионовым Бондарев утверждал, что против «советской империи» ведется настоящая война: «еще в 1987 году я убеждал нашу интеллигенцию, что она провоцирует народ <...> Уже тогда ситуация больше была похожа на летние дни 42-го года в Сталинграде. Я писал, если немедленно не остановить горбачевскую игру в реформы, нас ждет беспощадное поражение <...>» («В наши дни оканные...», 1994) [2, с. 446]. Он призывал писателей взять на себя ответственность за будущее России: «Если писатель — не холодный и равнодушный созерцатель, стало быть, есть у него свои 1941 и 1945 годы, а между ними — жизнь, разделенная вехами и удач, и трагедий. Но вряд ли кто знает, с какой поры, в каком периоде между этими вехами зарождается Сталинград, за которым “земли для нас уже нет” <...>» («Дальше земли уже нет», 1992) [2, с. 395].

Проводя аналогию с отступлением до Волги летом 1942 г., Бондарев цитировал призыв к спасению страны «Отступать некуда — за Волгой для нас земли нет!», приписываемый командующему 62-й армией В.И. Чуйкову. Ю.П. Чепурин, журналист фронтовой газеты «Сталинское Знамя», спецкор по 62-й армии во время Сталинградского сражения, первым рассказавший миру о защитниках дома Павлова, называл и другого автора слов. Очерк «Дом Павлова», опубликованный 31 октября 1942 г., он предварил эпиграфом «За Волгой для нас земли нет!», подписав его именем снайпера В. Зайцева [20]. Отметим, что в 1989 г. Чепурин готовил к печати свой мемуарно-публицистический очерк «Думы о Сталинграде».

Образ Сталинградского сражения сохраняет символический потенциал. В 2014 г. уроженец Сталинграда, профессор В.И. Добреньков посвятил статью «Сталинградский рубеж России XXI века» анализу системы национальной безопасности в ситуации угрозы существованию страны. Исходя из факта, что «НАТО вплотную приблизился к границам новой России <...>» [4, с. 13], автор подводит к выводу: «Так возник сталинградский рубеж (“отступать некуда, другой земли у нас нет”) современной России. Россия словно вновь пережила события 1941–1942 гг.: позорное для СССР начало Отечественной войны, отступление и потеря живой силы, обширных территорий и техники» [4, с. 6]. В научной статье улавливается тот же, что и в публицистике, мобилизационный пафос: «Как и во времена Сталинградской битвы, русский человек должен понять, осознать главное <...> он будет воевать на собственной земле за собственную страну, отстаивая право своего народа, своих детей и внуков жить, право на существование России <...>» [4, с. 13].

Публицистика «перестройки» актуализировала также дискуссию о Сталине. Анализируя трансформации образа Сталина в социальной памяти ряда поколений, А.В. Святославский охарактеризовал это время как «период доминирующего антисталинизма в культурном поле России» [17, с. 300]. Для аргументации обращались к предвоенному периоду и началу Великой Отечественной войны: «Сталина обвиняли и в уничтожении в предвоенные годы начсостава РККА, когда три четверти среднего командного состава и многие высшие военачальники были расстреляны (в том числе три маршала из пятерых)» [17, с. 299].

Общественно-политическая коммуникация «перестройки» насыщена историко-политическим контекстом Сталинградской битвы. Не участвовавший в публичных противостояниях, Пикуль высказался по животрепещущим вопросам эпохи своим произведением. По-видимому, верно писал Коняев: «Незадолго до того, как Валентин Саввич приступил к работе над сталинградским романом, писатель-фронтовик Юрий Бондарев, сравнивая сложившуюся в стране ситуацию с Великой Отечественной войной, сказал, что мы уже сдали свой Сталинград... Роман об обороне Сталинграда, который задумал фронтовик Валентин Пикуль, становился не просто ответом на эти слова Юрия Бондарева, но превращался в реальный очаг сопротивления <...>» [9, с. 375].

Были читатели, которые именно так и восприняли его итоговый роман, судя по словам академика РАН А.А. Кокошина: «По-моему, его творчество многим из нас помогло пережить тяжелейшую травму распада СССР — государства, которому мы присягали на верность... Это было связано с тем, что Пикулью была свойственна идея своего рода сквозного патриотизма, чувства любви к своей Родине независимо от того, в каком положении она находится, независимо от общественного строя, системы власти и конкретных руководителей» [8].

Пикуль написал художественно-документальное произведение, в котором воссоздал ход событий в Германии и в СССР, приведших к Сталинградской эпопее, участие в событиях верхушки германского рейха, высшего руководства СССР, Англии, Италии, США, военачальников, рядовых граждан. Роман «Барбаросса» соответствовал геополитическим запросам читателей начала 1990-х гг.

3. Выражение категории достоверности в романе. В 1990-е годы русская литературная традиция, посвященная Великой Отечественной войне, активно обогащалась за счет мемуаристики: переиздавались без цензурных сокращений воспоминания военачальников — И.С. Конева («Записки командующего фронтом», 1991), К.К. Рокоссовского («Солдатский долг», 1997) и др. Осуществилось 1-е бесцензурное переиздание «Воспоминаний и размышлений» маршала Г.К. Жукова. Для переломной эпохи характерен запрос на бесцензурное, задокументированное, выражающее аксиологически полярные позиции воссоздание событий войны. Мемуарная литература способствовала развитию эстетической категории достоверности в художественной прозе о войне.

Можно выделить три периода нарастающего внимания писателей к проблеме достоверности повествования. Первый вызван расцветом документальных жанров в литературном процессе 1950–60-х. Его осмысление пришлось на начало 1970-х. В статье 1972 года Л.М. Аринштейн установил соотношение: достоверность как мера жизненного правдоподобия, документальность как преимущественный, но не единственный показатель достоверности. Одним из критериев достоверности в названный период выступила личность автора: «степень компетентности автора становится решающим показателем достоверности <...> надо, чтобы специфический характер личного участия в событиях не вызывал сомнения в высшей степени квалифицированной их оценке и интерпретации. Такую степень компетентности читательская мысль 50–60-х годов признала лишь за наиболее крупными военачальниками. Воспоминания о войне Жукова, Василевского, Штеменко <...> опередили произведения о войне, написанные в жанре традиционного романа» [1, с. 49].

Следующий этап в осмыслении категории достоверности был обусловлен публикацией «книг-документов»: «Я из огненной деревни» (1975) А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника, «Блокадная книга» (1977, 1981) А. Адамовича и Д. Гранина и др. В статье 1985 г. Е.Ю. Скарлыгина проанализировала форму этих произведений, составивших «направление, связанное со “стенографией” народной памяти о войне» [19, с. 221]. Исследователь назвала структурообразующий прием, определивший их жанровую уникальность: «<...> голос отдан народу и записан, воспроизведен без всякого авторского насилия <...>» [19, с. 222]. Писатель создает «репортаж-воспоминание» [19, с. 222]: «делается все возможное для того, чтобы мы *услышали* и *увидели* человека, говорящего нам свое горе <...>» [19, с. 223]. Отмечалось, что данный репортажный прием «проник в настоящее время в художественно-документальную прозу о войне <...> появился целый ряд книг, в которых в качестве документального материала, путем прямых включений вводимого в художественную ткань, используются рассказы-свидетельства» [19, с. 236–237], как в повести А. Адамовича «Каратели» (1981).

Третий этап развития категории достоверности относится к началу 1990-х гг. Изучая формировавшийся в течение десятилетий корпус произведений о Сталинградской битве, Н.С. Прокурова отметила тенденцию к усложнению документального начала: в повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946) «документальность обусловлена личным свидетельством автора — участника событий», стремящегося достоверно запечатлеть пережитое [15, с. 137]. В эпоху расцвета фронтовой прозы Ю.В. Бондарев в «Горячем снеге» (1963) привлекал помощь военных консультантов [15, с. 140]. С конца 1980-х создавались «произведения новых авторов»: роман «Стальное пламя» (1987) Г. Ключарева, повесть «Улица среди окопов» (1985) Л. Овчинниковой, «Площадь Павших борцов» (1992) В. Пикуля, «Мой Сталинград» (1995) М. Алексеева» [15, с. 141], в которых достоверность подтверждается «привлечением личных впечатлений», мемуарами военачальников, участников и с той, и с другой стороны, научными исследованиями историков [15, с. 142].

Достоверность книги Пикуля о Сталинграде обусловлена, во-первых, личностью автора — исторического романиста, в течение десятилетий совершенствовавшего принципы работы с историческим материалом. В телеинтервью 1986 г. Пикуль подробно их излагает: «Я стараюсь вымысла избегать», «при написании своих романов всегда опираюсь на какие-то подлинные материалы, часто цитирую, закавычивая текст» [3]. Пикуль требовательно относился к сбору материалов, стремясь к библиографической полноте: «Материалов очень много и переводные... Во всяком случае мне кажется так, что я использовал почти всё, что есть на русском языке, то что переведено. И единственной книги я не достал, это фон Гёрлица «Я стою здесь по приказу», выпущенной в ФРГ по материалам, представленным фон Гёрлицу сыном фельдмаршала Паулюса [3].

В. Огрызко вспоминает, как в последнюю их встречу в начале 1990 г. Пикуль говорил: «Единственный вопрос, который меня волнует: трагический конец Барвенковской операции, возглавляемой маршалом Тимошенко <...> это единственный сейчас момент, который бы желательно уточнить с помощью архивов. А с другой стороны, я понимаю, что многие архивы для меня закрыты, и поэтому в работе мне предстоит опираться в основном на тот запас отечественной и мировой литературы, которым я обладаю» [10, с. 10].

Перестроечное время способствовало обретению новых источников, ценность чего оговаривает Пикуль в самом тексте книги [курсив принадлежит автору. — *И. М.*]:

«Рокоссовский (как и другие полководцы) уже побоялся летней кампании, а жестокие выводы Рокоссовского, сделанные им из опыта битвы под Москвой, *потом были выброшены из его мемуаров рукою*

М.А. Суслова, ибо эти выводы никак не укладывались в привычную схему войны, облюбованную еще Сталиным и прилизанную его наследниками до нестерпимого блеска.

Вот только сейчас, в новые времена, мы начинаем публиковать то, что вырезано ножницами наших партайгеноссе...» [13, с. 569].

В поиске материалов неопределимую помощь оказывала жена — профессиональный библиотечный работник, заведующая читальным залом библиотеки Дома офицеров в г. Риге. Как свидетельствует Антонина Ильинична Пикуль:

«При работе над романом писатель использовал более 500 (!) историко-архивных источников, монографий, а также воспоминания отечественных и зарубежных очевидцев. Но ему все, казалось, было мало.

— Ты носи мне мемуары солдат и местных жителей, — определял он круг моих поисков, — мне нужны мелкие детали, которые в нашем деле — не мелочь» [12, с. 384].

Личность автора проявлялась также в независимости при освещении событий, присущей Пикуль, с начала творческого пути занимавшемуся самообразованием, свободному от необходимости принадлежать к историческим школам, разделять «цеховые» оценки. Цитируются слова Пикуля, ставшие творческим кредо его как исторического романиста: «Надо только писать правду. Всю, без недомолвок и умолчаний. Ни переписывать историю, ни подчищать ее нельзя» [16, с. 178]. «Он не боялся коснуться полузапрещенных тем, по которым было очень мало или почти не было серьезных произведений», — считает А.А. Кокошин [7]. В романе «Барбаросса» автор воссоздает нелицеприятные для советской истории события не столько в духе «перестроечных» разоблачений, сколько в соответствии со своим кредо: после раздела Польши в 1939 г. в Бресте прошел «объединенный парад победителей — войск немецких и советских, дружно маршировавших перед трибуной, с которой их приветствовал генерал Гейнц Гудериан и комбриг С.М. Кривошеин <...> Этот совместный парад был вычеркнут из нашей истории! Но помнить о нем надо» [13, с. 429–430].

При создании образов героев Пикуль опирался на две картотеки, составление которых он объяснял интересом к двум «прикладным историческим наукам — иконографии и генеалогии, ибо они, как мощный паровой каток, ежегодно прокатывают меня через прошлое нашего Отечества, и я регулярно получаю сильнейшие заряды свежих познаний о старине-матушке» [7]. В телеинтервью 1986 г. Пикуль рассказывал о приобщении к истории через генеалогию: «Я когда-то обладал очень хорошей памятью. Я мог наизусть, как чтец, как Яхонтов — поэму Маяковского, я мог читать родословные таблицы главнейших русских родов, ну, скажем, Голицыных и Долгоруких» [3]. Первая картотека «насчитывает сотни тысяч карточек <...> гигантский, представляющий немалую научную ценность труд, ибо с ее помощью можно получить сведения о любом — большом и малом — историческом деятеле» [9, с. 136]. «А вторая <...> это картотека русского портрета... Чаще даже к ней обращаюсь, потому что она иногда зрительно мне больше дает»: «я должен обязательно заглянуть в лицо своему герою» [3]. Она составлялась из глубокого интереса к портретной живописи, знатоком которой был писатель: «Я много-много лет занимаюсь собиранием русского портрета» [3].

В объемном повествовании о Сталинградском сражении, нацеленном на разрешение насущных для читателей начала 1990-х гг. вопросов, Пикуль использует приемы исторической романистики — вводит 280 персонажей разной степени исторической «субъектности». В телеинтервью 1986 г. писатель обговорил проблему работы с историческим материалом при создании образов героев: «Приходится иногда вводить в свои романы вымышленного героя <...> я создаю его на основе подлинного материала, всегда существует какой-то прообраз» [3]. По мнению Н.М. Коняева, в произведениях Пикуля нет вымышленных героев: «Даже самые второстепенные персонажи имеют своих реальных прототипов. Объяснить это можно тем, что Пикуль всегда воспринимал конкретных исторических лиц как своих знакомых, с которыми можно дружить и ссориться, успехи которых радовали его, а неудачи — огорчали» [9, с. 158].

Достоверность романа «Барбаросса» обеспечивается личностными чертами автора — уникальной глубиной памяти, независимым осмыслением событий, самым опытом работы исторического романиста, спроецированным на произведение о Великой Отечественной войне. По мнению А.А. Пауткина, «В нем нет места вымыслу, и спорными могут быть лишь авторские трактовки событий. Каким-то образом Пикуль уже в конце 80-х гг. уловил намечавшуюся тенденцию развития повествования о прошлом, приближавшегося в ряде аспектов к трудам историков» [11, с. 50]. Многолетний труд по созданию картотеки исторических лиц способствовал введению в речевую структуру текста большого количества действительных участников событий в качестве субъектов речи, решая задачу «превращения чужого текста в свой» [11, с. 52]. Последнее замечание требует отдельного рассмотрения.

4. Повествовательная структура. Чужое слово в тексте. Представляется, что Н.М. Коняев верно определил органичность для творческого метода Пикуля сказовой повествовательной формы: «Рисуя своих героев, рассказывая об исторических событиях, Пикуль одновременно и размышляет над ними, отвлекаясь от сюжета, комментирует тот или иной поступок героя, его слова. Ровное повествование в любой момент может прерваться непосредственным обращением к читателю: “Я клянусь”, “Поверьте!” <...> Разговорные интонации сообщают особую окраску повествованию, а многие «неправильности» и «пережимы» при внимательном чтении оказываются очень правильно и точно расставленными, ибо не столько даже сюжетное мастерство определяет успех прозы Валентина Пикуля, а <...> образ сказителя — этого мудрого, многое испытавшего и пережившего на своем веку человека <...>» [9, с. 231].

Форма сказа позволяет стилистически упорядочить речь многочисленных действующих лиц, адаптируя ее под речевую манеру рассказчика. Организуется многосубъектное повествование, в котором сменяются речь повествующего лица, реплики героев, пересказ чужих слов, цитаты, которые периодически сопровождаются ссылками на источник («маршал С.С. Бирюзов после войны писал» [13, с. 621]), усиливающими семантику достоверности в окружающем контексте. В речевой структуре текста доминируют диалоги, за каждым из которых читатель подразумевает наличие источника.

Роман начинается двумя эпизодами февраля 1943 г. и февраля 1946 г. В первом воссоздан конец Сталинградской битвы: самолет вывозит из окруженной 62-й армии Паулюса мешки с фронтовыми письмами. Игнорируя эти подлинные свидетельства, германские СМИ распространяют сообщения о героической гибели фельдмаршала Ф. Паулюса и его армии — создается пропагандистский миф о мужестве солдат вермахта. В политических целях искажается правда о событии сразу после его завершения. Второй эпизод представляет сцену в Нюрнберге, на заседании Международного трибунала 11 февраля 1946 г., когда Паулюс выступил свидетелем советской стороны обвинения при рассмотрении плана агрессивной войны против СССР «Барбаросса». Сцена основана на документах. Контрастно сопоставленные, эпизоды задают оппозицию идеологический миф — историческая правда, маркированный второй член которой устанавливает фокус восприятия содержания романа.

Анализ сцены позволяет выявить авторскую методику работы с источниками — это в данном случае стенограмма допроса и мемуары участников процесса. Эпизод обрамлен репликами освещавших процесс журналистов, к которым присоединяется голос повествующего лица: речевая маска корреспондента актуализирует семантику достоверности.

Приведем запись заседания 11 февраля из дневников, которые вел наблюдавший за процессом в качестве спецкора «Правды» Б. Полевой:

«Речь продолжала идти о плане «Барбаросса», и все-таки “сенсейшен” сегодня была. Да какая! <...>

Главный советский Обвинитель зачитал и попросил суд приобщить к делу афидэвит, то есть письменное показание, фельдмаршала Фридриха Паулюса <...> Чтение этих письменных показаний вызвало среди подсудимых необыкновенный ажиотаж <...>

Мы понимали, в чем суть этого ажиотажа. Гитлеровское правительство в свое время скрыло от немцев сам факт пленения фельдмаршала Паулюса <...> Народ известили, что командующий армией Паулюс погиб, как истинно германский солдат <...>

Не успел Обвинитель попросить о приобщении документов к делу, как защитник Геринга — величественный, солидный доктор Штаммер в своей лиловой университетской мантии и маленький, тощенький, носатый доктор Зейдль <...> бросились к трибуне и, перебивая друг друга, обратились к суду с ходатайством о том, чтобы письменные показания не приобщать, а вызвать на суд самого свидетеля Паулюса. Они мечтали: если Паулюса не будет, весьма существенные показания, сделанные от его имени, дискредитируются, а советское обвинение будет посрамлено <...>

Посоветовавшись, лорд Лоренс обратился к Р.А. Руденко с вопросом:

— Как смотрит генерал на ходатайство защиты?

Настала тишина. Все — обвиняемые и защитники со злорадством, судьи вопросительно, мы, корреспонденты, с любопытством — смотрели на Руденко.

— Советское обвинение не возражает, ваша честь, — ответил Руденко. Лицо его оставалось спокойно <...>

— Сколько же времени потребуется для доставки сюда вашего свидетеля, генерал? — спросил лорд Лоренс.

— Я думаю, минут пять; не больше, ваша честь, — неторопливо, подчеркнуто будничным голосом ответил Роман Андреевич <...>

То, что наступило в зале, можно сравнить разве что с финалом пьесы “Ревизор”, с его немой сценой. Потом сразу все пришло в судорожное движение. Подсудимые заговорили между собой. От них к адвокатам полетели записки <...> Штаммер и Зейдль, подвернув подола длинных мантий, ринулись к трибуне <...>

— Нет-нет, защита, все взвесив, на вызове свидетеля больше не настаивает <...>

Только лорд Джеффри Лоренс <...> отдает судебному приставу распоряжение:

— Прошу вас, введите свидетеля Фридриха Паулюса.

Обрамленная зеленым мрамором дубовая дверь в противоположном конце зала раскрывается. Пристав ведет высокого человека в синем штатском костюме, который, однако, сидит на нем как-то очень складно, по-военному. Снова немая сцена. Щелкают вспышки аппаратов «спитграфик» <...> Не знаю уж, что у него на душе, но внешне он абсолютно спокоен. Зато на скамье подсудимых просто паника: Геринг что-то раздраженно кричит Гессу, тот от него отмахивается. Кейтель и Йодль как-то все сжались и вопросительно смотрят на свидетеля. Он появился здесь, как призрак, вставший из сталинградских руин, принесся сюда горечь и боль трехсоттысячной группировки, погибшей и плененной на берегах Волги.

Смотрю на Йодля <...> Он сосредоточенно катает по пюпитру карандаш и будто бы весь ушел в это занятие <...>

— Правда ли, господин фельдмаршал, что сейчас вы преподаете в Военной академии имени Фрунзе и обучаете высших офицеров неприятельской армии?

Паулюс усмехается:

— Это ложь. Результаты войны говорят о том, что меня не пригласили бы для подобного преподавания даже в школу красных унтер-офицеров» [14].

Из объемного мемуарного материала Пикуль отбирает яркие живописные, выраженные колоративами детали: лиловая мантия адвоката, синий костюм; сохраняет стилистически маркированные лексические единицы (аффидевит, призрак), усиливающие эффект экстраординарности события; использует репортажные приемы описания в настоящем актуальном времени физических действий, мимики персонажей, в которых проявляется их внутреннее напряжение; мотивирует эмоции несобственно-прямой речью. Перечисленные элементы позволяют Пикулью изобразить сцену:

«Все заметили удовольствие на лице Геринга. Конечно, большевики способны подсунуть трибуналу липовую бумажку, будто писанную Паулюсом, но... где они возьмут самого Паулюса? А если фельдмаршал еще не околел после зверских пыток на Лубянке, то что хорошего он может сказать?

Лорд Лоренс почтительно спросил Руденко:

— Сколько надобно времени советской стороне обвинения для доставки сюда свидетеля Паулюса?

— Пять минут, — ответил Руденко.

Это и был тот момент, когда сирена возвестила в пресс-кемпе небывалую для процесса сенсацию. Адвокаты в лиловых мантиях уже ринулись на трибуну <...>

Появилась подтянутая, юношески стройная фигура генерал-фельдмаршала, одетого в ладный синий костюм. Выражение его лица оставалось непроницаемо даже тогда, когда вокруг него вспыхивали репортерские “блицы”, его нисколько не смутило резкое жужжание киносъёмочных камер <...>

Геринг надевает черные очки. Кейтель передает записку Риббентропу, Йодль делает вид, что сейчас нет ничего интереснее на свете, чем играть с карандашом. Паулюс ровным голосом рассказывает <...> [13, с. 398].

Компрессией материала — многостраничного допроса Паулюса, который проводил Р.А. Руденко, и перекрестного допроса защитников обвиняемых — достигается динамика изложения. Упрочивая эффект присутствия на суде, Пикуль сохраняет регламентированное начало допроса, переводя в косвенную речь доказательную часть монолога Паулюса:

«Паулюс ровным голосом рассказывает, как зарождалась преступная агрессия против Европы, прямо в лицо разоблачает тех, от кого отделен сейчас барьером неприкасаемости. Адвокатам военных преступников такая правда не нужна! Но есть выход: запугать фельдмаршала, вызвать к нему антипатию, здесь же следует превратить его в мерзавца и продажную тварь:

— Знает ли господин Паулюс, что если высокий трибунал, осуждая фельдмаршала германского генштаба, сочтет этот генштаб организацией преступной, то и господин Паулюс автоматически переводится в разряд преступников?

Но Паулюс не такой человек, которого можно упрятать за барьер. Ясно, что сидеть между Йодлем и Кейтелем он не намерен... Вот его протокольный ответ:

— Я здесь выступаю в качестве свидетеля в отношении тех обвинений, которые предъявлены подсудимым. Поэтому я прошу суд позволить мне не отвечать на вопросы, которые направлены на то, чтобы обвинить лично меня <...>

— Правда ли, что вы читаете лекции в московской Академии Генерального штаба, обучая советских генералов?

Что-то вроде улыбки исказило лицо Паулюса:

— Постарайтесь вспомнить, кто кого победил в этой войне. Есть ли резон в том, что русские генералы будут слушивать мои лекции, основанные на горьком опыте?» [13, с. 398].

Метатекстовая ссылка «Вот его протокольный ответ» [13, с. 398] сигнализирует читателю о наличии документа, из которого писатель извлекает вопрос защитника, направленный на дискредитацию личности Паулюса, и вопрос о статусе Паулюса в плену. Стенограмма допроса Ф. Паулюса на Нюрнбергском процессе:

«Нельте: Вы, очевидно, не осведомлены о том, что вы также принадлежите к кругу обвиняемых лиц, т.к. Вы принадлежите к верховному командованию, которому как преступной организации предъявлено обвинение.

Паулюс: Но в данном случае я допрашиваюсь здесь в качестве свидетеля и даю показания о тех событиях, которые привели сюда подсудимых. Поэтому я хотел бы просить освободить меня от обязанности отвечать на вопросы, касающиеся непосредственно меня. Я прошу суд решить этот вопрос <...>

Экснер: Скажите, были ли Вы преподавателем военной академии в Москве?

Паулюс: Нет, не был» [5, с. 475, 480].

Писатель перефразирует ответы Паулюса, видимо, для того, чтобы создать впечатление о твердости его характера, могущей вызвать у читателя уважение к герою.

В романном эпизоде допроса Паулюса устанавливаются законы построения повествования, представляющего собой цепь эпизодов, речевая композиция которых имеет повторяющуюся структуру:

драматическая сцена передает речь героев и завершается комментарием, маркируемым метатекстом «Признаться, я не все понимаю в этой истории» [13, с. 479]. Метатекстовые ремарки усиливают впечатление искренности автора в стремлении к исторической правде: «Догадываюсь, что эти страницы многим покажутся скучными, но я все-таки убедительно прошу своего читателя вникнуть в рассуждения моих героев, ибо из их слов уже начинала складываться та страшная трагедия 1942 года, когда немецкие танки с ревом и лязгом выкатились на берега Волги...» [13, с. 611].

Например, сцена допроса пленного, в которой участвует К.К. Рокоссовский:

«В убогой деревушке под Волоколамском командарм дал интервью английским корреспондентам. О нем писали: “Он высокий и стройный человек. Ему лет под пятьдесят, но на вид не более сорока. Он очень красив той особой красотой, которая располагает к себе...” <...> Вот что сказал Рокоссовский англичанам [13, с. 550].

Далее развивается рассуждение Рокоссовского о слабости армии вермахта, на основании которого герой заключает, что гитлеровская армия не выиграет войну. Следует комментарий, в котором объективный повествователь ссылается на известные ему, совпадающие с выводом Рокоссовского слова Паулюса: «Если это так, то признаем за истину, что Паулюс, предсказывая катастрофу вермахта под Москвою, был умен так же, как был умен и наш Рокоссовский, убежденный в поражении немцев под Москвою. Это противники, но достойные один другого...» [13, с. 551]. В комментариях повествователь выходит из исторического времени героев, он как субъект сознания наделяется более масштабным знанием.

Речевыми партиями в романе наделены: Сталин, Гитлер, премьер-министр У. Черчилль, президент Ф. Рузвельт, дуче Б. Муссолини, испанский каудильо Ф. Франко; верхушка германского генералитета: Г. Геринг, Л. фон Бек, Ф. Гальдер, В. Кейтель; немецкие генералы: Г. Гудериан, В. фон Рейхенау, Э. Клейст, Э. Гёпнер, Э. Роммель, Э. Кёстринг, О. Корфес, Э. фон Манштейн; представители русской эмиграции в Берлине; немецкие и советские дипломаты; советские, немецкие и британские историки; советские военачальники: Г.К. Жуков, А.М. Василевский, С.К. Тимошенко, И.С. Конев, А.И. Еременко, К.К. Рокоссовский, В.Ф. Герасименко, В.И. Чуйков, А.И. Родимцев, П.И. Батов, рядовые участники событий: «Некий лейтенант Корженевский и рядовой Петров (имен их я не знаю), изможденные до предела <...>» [13, с. 621], которые сообщили «о группировке танков Клейста к югу от Славянска» [13, с. 622], и др. Герои — носители информации, противоположных идеологий. Они обмениваются рассуждениями, решениями, прогнозами, мнениями, оценками друг друга. Так, в 1-й части романа действия советского военного руководства, приведшие к катастрофическому ослаблению армии перед войной (расстрел Тухачевского, смерть маршала Блюхера и т.д.) даются в оценках немецких военных.

«Атлантическая конференция» Черчилля и Рузвельта 11 августа 1941 г., совещание в Ставке Верховного Главнокомандования 5 января 1942 г., совещание в ставке Гитлера 28 марта 1942 г. и другие документально закреплённые коммуникативные ситуации органично вписываются в многоголосие. В формах прямой речи передается в романе содержание интервью, мемуаров исторических деятелей, протоколов, иных документальных источников.

5. Авторское размышление. Книга «Барбаросса» имеет жанровый подзаголовок «роман-размышление», которому соответствует авторская интенция — выяснить, почему произошла «страшная трагедия 1942 года, когда немецкие танки с ревом и лязгом выкатились на берега Волги» [13, с. 611].

Пикуль представляет данный вопрос как насущную историко-политическую проблему, решение которой он предлагает текстом романа:

«Вспоминаю. Когда бы речь ни зашла о войне, обязательно кто-нибудь из собеседников в удивлении воскликнет:

— А все-таки хотелось бы знать, как могло случиться, что немецкие войска оказались на берегах Волги? <...>

Знаю, что мое мнение историки, наверное, станут оспаривать, и все же я свое мнение скрывать от читателя не стану.

— Много, — скажу я вам, — было допущено ошибок в этой войне. Но будущая трагедия Сталинграда, мне кажется, начиналась именно с Барвенкова, откуда Сталин и Тимошенко хотели бы развить мощное наступление, и от этого же Барвенкова перед танками Паулюса скоро откроется стратегический простор, выкатывающий немецкие танки к берегам нашей матушки-Волги...» [13, с. 600–601].

Повествователь надевает речевую маску формулирующего гипотезу исследователя, вербализует аналитические усилия по изучению документов обеих сторон:

«Я внимательно перечитал солидную работу «Великая победа на Волге» под редакцией маршала К.К. Рокоссовского, изучил “Сталинградскую эпопею” под редакцией маршала М.В. Захарова, у меня не сходили со стола авторитетные издания “Битва за Сталинград” и, конечно, “Сталинградская битва” нашего историка А.М. Самсонова — и все эти материалы еще раз убедили меня только в одном: наше контрнаступление, наспех организованное А.М. Василевским, никаких результатов не принесло <...> А что немцы? Пожалуй, только одна фраза из мемуаров Вильгельма Адама, адъютанта Паулюса, убедила меня в том, что Василевский был все-таки прав, начиная это контрнаступление, плохо подготовленное. Вот она, эта фраза:

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ 6-я АРМИЯ

БЫЛА В ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ...» [13, с. 793].

Повествование восстанавливает ход исторического времени — «напряженную сеть логических событий» [13, с. 623]: военные действия на озере Хасан в 1938 г., раздел Польши 1939 г., заключение пакта Молотова и Риббентропа, финская зимняя война 1939–1940 гг., военные события на периферии войны в Северной Африке, «два страшных поражения под Керчь и под Харьковом» [13, с. 656], Барвенковский котел.

«Но главной фигурой, связующей воедино калейдоскоп событий, оказывается один из ведущих разработчиков плана “Барбаросса” Ф. Паулюс <...> Подобный композиционный ход мог показаться необычным или даже вызывающим почти сорок лет назад» [11, с. 51]. Пикуль разрабатывает образ Паулюса как героя исторического романа: вводит портретные черты, экспозицию, сообщает о карьерном продвижении от звания офицера генерального штаба, затем генерал-майора генерального штаба до «генерал-лейтенанта танковых войск, командующего 6-й армией, состоявшей в подчинении группы армий “Юг”» [13, с. 588]. Изображаются сцены работы в Цоссене, семейные сцены в Берлине с «милейшей и умной» женой Еленой-Констанцией, «отказавшейся предать мужа» [13, с. 803], разговоры с другом Э. Роммелем в Африке, пребывание в 6-й армии. Он характеризуется как «вдумчивый аналитик» [13, с. 521], стратег, военный теоретик, наделяется рефлексией, черты характера и моральный облик Паулюса проявляются в поступках. Так, возглавив 6-ю армию, он первым делом отменяет приказ своего предшественника вешать под видом партизан обычных жителей.

Автору важно проследить судьбу героя, для чего используется проспекция:

«Беседа же с фон Беком долго не забывалась и будет мучить Паулюса даже в России — за колючей проволокой лагеря № 27. Не это ли порицание фон Беком его, автора плана «Барбаросса», через три года и заставит Паулюса шагнуть к микрофону московского радиовещания, чтобы сказать всем немцам:

— Внимание! Это говорю я, фельдмаршал Фридрих Паулюс, которого в Германии объявили мертвым...» [13, с. 466].

В.А. Юдин приводит слова Пикуля: «А Паулюс как собирательная фигура, очень яркая. Единственно, что мне не удалось до конца выяснить, это обстоятельства его трагической кончины...» [21]. Писатель размышляет над его судьбой: «Очевидно, сам Всевышний велел ему пройти через горнило Сталинградской битвы, чтобы он осознал: Германия — это не Гитлер, а Гитлер — это еще не Германия, и эти два понятия не следует совмещать» [13, с. 420].

Ф. Паулюс показан как историческое лицо, со своей уникальной человеческой судьбой. Лишь дважды Пикуль привносит в повествование взгляд на героя как на врага, соответственно законам военной прозы: «Однако этот интеллект, склонный (не спорю) лишь к умственному труду, въехал в историю Европы на грохочущем танке, заляпанном грязью, кровью и мозгами раздавленных людей. Бронетанковая сила вермахта была основой всех будущих агрессий, и Паулюс оказался в числе первых <...>» [13, с. 411].

Отрицательное отношение к герою усиливается в биографическом контексте. Заинтересованность в личности и судьбе фельдмаршала объясняется, по-видимому, тем, что Пикуль воспринимал его как часть собственной биографии, судьбы:

«Вчера моя жена Антонина Ильинична долго и пристально вглядывалась в портрет Паулюса. И вдруг сказала ему:

— А ведь ты убил отца моего мужа! Это по твоей, может быть, вине погиб и мой папа, отчего и росла сиротой...

Вернись оттуда живым мой отец, может, я бы никогда и не взялся за написание этой книги...» [13, с. 816].

Насыщенность авторского размышления выражением субъективной модальности хорошо отмечена Н.С. Прокуровой: «Пикуль беспощадно обличает Сталина и его окружение, считая их виновником всех неудач на фронте» [16, с. 178]; «Настойчиво и последовательно перечисляет писатель ошибки Сталина <...>» [16, с. 179]; «С возмущением пишет автор о том, что Сталин не поверил разведчику Рихарду Зорге, который назвал точное время нападения Германии <...> Все это позволяет автору в сердцах воскликнуть <...>» [16, с. 179]; «<...> с нескрываемой гордостью говорит о советских танках Т-34 <...>» [16, с. 179].

Наиболее насыщены средствами выражения экспрессивной оценки контексты, в которых анализу подвергается поведение Сталина. Пикуль наделяет его отрицательными психологическими чертами: «В глубине души Сталин всегда восхищался Гитлером, и даже — об этом умалчивать нельзя! — он явно завидовал фюреру, в очень короткий срок достигшему такой небывалой власти» [13, с. 423]; «Сталин дрожал за свою шкуру и попросту боялся войны <...>» [13, с. 481]. Автор судит Сталина за уничтожение генералитета, расформирование танковых корпусов в то время, когда Германия усиленно моторизировала свою армию, за преступный подбор кадров: «Вооружением у нас ведали тогда три авторитета Г.И. Кулик, Л.З. Мехлис и Е.А. Щаденко, которые боялись новых образцов оружия, как черт ладана» [13, с. 485]. Пикуль приписывает вождю готовящееся предательство: «<...> 7 октября 1941 года Сталин — не постыдившись присутствия К.Г. Жукова, нервно указывал Лаврентию, чтобы его агентура нащупала способы установить условия мира с Германией» [13, с. 548].

Однако филиппики против Сталина не отменяют признания справедливости приказа 28 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад». Повествователь как историк стремится к непредвзятости суждений: «Признаем за истину, что Сталина никогда не покидала вера в ум и благородство Шапошникова <...>» [13, с. 513].

Главное предъявляемое Сталину в романе обвинение — невозможность для исторического лица той роковой для страны эпохи быть правдивым в выражении мнений. Среди героев Сталинграда повествователю «вспоминается и Василий Тимофеевич Вольский, генерал бронетанковых войск. Он умер от горловой чахотки сразу после войны, и о нем понемногу забыли. А жаль! Этот человек в самый разгар битвы на Волге высказал особое мнение о событиях, не согласное с мнением самого Сталина и Генштаба, о чем не побоялся тогда же заявить открыто и честно, хотя рисковал не только карьерой, но рисковал и своей головой» [13, с. 713]. Боязнь правдивого слова сказывается на освещении войны. А.С. Чуянов и командующий Сталинградским военным округом генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко устанавливают временную дистанцию, которая позволит писать правдивую ее историю:

«Я такого мнения, — сказал Герасименко, — что историю этой войны после войны будут писать не кровью, я медом, чтобы сверху покрывать ее лаком. И писать станут не с сорок первого, а с того самого срока, когда мы побеждать научимся.

— А куда же девать сорок первый? Наше лето?

— Псам под хвост! — энергично ответил Герасименко, даже обозлившись <...> Не знаю, как ты, а мне не дожидать до того времени, когда станут писать правду...» [13, с. 708].

В конечном итоге романное повествование подчиняется иной авторской сверхзадаче — восстановлению исторической правды. Сформулированный автором вопрос «Как немцы дошли до Волги?» [13, с. 848] включает подтекстовый смысл, актуальный и для эпохи написания произведения: по каким причинам историческое развитие России прерывается эпохами катастроф? По мысли Пикуля, ответы дает история. Поэтому главная художественная идея всего творчества Пикуля может быть сформулирована следующим образом: история умеет помнить, но умеет и забывать. Задача исторического романиста — заставить историю вспоминать, не приукрашивая и не очерняя.

6. Лирическое начало в романе. В романном повествовании отчетлив биографический слой: озвучиваемый опыт лично пережитого также является показателем достоверности. Биографический слой обеспечивает органичность глав «От автора», которыми должна была завершаться каждая часть в трехчастной композиции романа «Барбаросса».

В главке «От автора» конца 1-й части автор, сопоставляя поведение исторических лиц, высказывает гипотезу о предательстве, которое готовил Сталин:

«Много лет назад, когда я занимался написанием документальной трагедии “Реквием каравану PQ-17”, я обратил внимание на одно странное обстоятельство. С весны 1942 года Уинстон Черчилль, всегда любивший выпить, пил много больше нормы, при этом он, будучи в сильном подпитии, часто вызывал нашего посла Майского, спрашивая его всегда об одном и том же:

— Ну, так когда же ваш мудрый Сталин собирается заключать с Гитлером новый вариант Брестского мира?» [13, с. 542].

2-ю часть завершает главка «От автора», в которой Сталинградское сражение осмысливается как факт личной биографии автора:

«Я не забыл это жаркое лето — не в меру жаркое для Архангельска, заставленного кораблями союзников, куда меня забросила нелегкая судьба. Как это ни странно, начало моей самостоятельной жизни связано по времени с началом битвы за Сталинград, о котором сейчас пишу... Разве не странно?

13 июля 1942 года мне исполнилось 14 лет, и я, конечно, не мог знать, что именно в этот день немцы заняли безвестный хутор Горбатовский, впервые ступив на землю тогдашней Сталинградской области. День своего четырнадцатилетия я отметил поступком <...> убежал из родительского дома» [13, с. 694].

Развернутое в главке подробное описание личного участия в войне соединяет судьбу Пикуля через судьбу отца со Сталинградом:

«В ту же ночь нас посадили в трюмы корабля, чтобы доставить на Соловки. Перед отплытием меня отыскал отец, который тогда служил офицером на Беломорской военной флотилии. Он был как-то особенно мрачен, но мой поступок не осуждал. В эти дни проводилась добровольная запись моряков в морскую пехоту, которую готовили для боев в Сталинграде, и отец был в числе первых, кто поставил свою подпись под длинным списком добровольцев.

— Так было надо, сынок, — помню я его слова. Свидание было кратким, и отец ушел, даже не оборачиваясь, чтобы в руинах Сталинграда сложить свою голову. Больше я никогда не видал его. Лишь недавно я узнал обстоятельства его гибели, что и толкнуло меня к письменному столу, дабы рассказать вам, читатели, о Сталинградской битве» [13, с. 695–696].

Главки «От автора» связаны антитезой предательство правителя (гипотеза, могущая быть подтвержденной будущими исследователями) — верность родине рядовых граждан (изображаемое поведение отца и сына). Это одна из ключевых в патриотической публицистике «перестройки» моральных антитез: предательство руководством страны ее национальных интересов и верность народа. Данная антитеза распространяется на поведение всех участников романного действия (не предавшая Ф. Паулюса жена и др.). В романе «Барбаросса» ценностная позиция В.С. Пикуля выражена с оговоркой, относящейся к эпохе «перестройки» [курсив автора. — И. М.]:

«Вот, — скажут читатели, — написал тут автор, что все было плохо, а что же было в то время у нас хорошего?»

— Народ был хороший, — отвечу я, — лучше нас с вами. И любовь к великой Отчизне даже в те злодейские времена народ испытывал гораздо большую, нежели сейчас.

Впрочем, о любви к России нынче говорить опасно, ибо уже не враги, а друзья народа сразу обклеят тебя ярлыками: “шовинист”, “фашист” или даже “сталинист”» [13, с. 489].

Прямым лирическим включением автор проявляет личный интерес к Сталинграду: «Вернемся, читатель, в город, для многих далекий, а для меня, автора, ставший родным» [13, с. 831]. Образные описания единственного локуса в романе — это описания Сталинграда. В сталинградских эпизодах самостоятельную роль играют бытовые зарисовки. Образ 1-го секретаря Сталинградского обкома и горкома партии А.С. Чуянова начинает создаваться в эпизоде за завтраком с детьми, женой, бабушкой. Развернутый эпизод поимки германского шпиона решается в комическом ключе.

По сути, фигурируют три названия книги. Рабочее название «Сталинград» — прецедентное имя в общественно-политическом дискурсе «перестройки», «Барбаросса» — так фактологически озаглавлен роман — и образно-поэтическое «Площадь Павших Борцов», давнее название дилогии (см. Полное собрание сочинений в 30 томах, 1992 г.: «Площадь Павших борцов. Книга 1. Барбаросса»).

Площадь Павших борцов — главная площадь Сталинграда, в городском пространстве данный локус является символическим, аккумулирует историю города. «В довоенном Сталинграде наиболее знаковые, достопримечательные здания располагались в центре города, на главной площади — Павших Борцов» [6, с. 203]. Расположенное на ней здание Центрального универмага называют символом Сталинградской победы: «В январе 1943 г. подвалы универмага занял штаб 6-й армии и ее командующий генерал-фельдмаршал Фридрих Паулюс, где и был пленен 31 января бойцами 38-й мотострелковой бригады 64-й Армии под командованием И.В. Бурмакова» [6, с. 205].

Пикуль визуализирует пространство площади. Ее описание дается в субъектной сфере А.С. Чуянова, 1-го секретаря сталинградского обкома и горкома партии: «Он подошел к окну, долго оглядывая раскинувшуюся перед ним площадь Павших борцов <...> Не работал фонтан, окруженный танцующими девчонками, на которых развешивались пионерские галстуки <...> Возле подъезда драматического театра, положив на лапы лохматые головы, дремали мраморные львы, которые, наверное, еще помнили царицынских купчих, разряженных по-кустодиевски <...> Универмаг был еще открыт <...>» [13, с. 537]. Прием олицетворения скульптур писатель поэтизирует этот локус.

Автору важны все объекты площади, в том числе и располагавшийся на ней Драматический театр им. М. Горького, поэтому в текст вводится эпизодический образ старой актрисы Веры Васильевны:

«В новом Волгограде не помнили о трагедии Сталинграда!

— Грех всем нам, — сказала Вера Васильевна, заплакав. — Великий грех всем вам, люди, что забыли вы все страшное, чего забывать-то нельзя... нашим внукам знать надобно!

Этой датой, ставшей уже безвестной, я предваряю свой рассказ, и днем 23 августа я завершу изложение первого тома.

Люди! Бойтесь двадцать третьего августа...» [13, с. 698].

Драматический театр был закрыт в начале «перестройки», в 1988 г. в год своего 70-летия. В его репертуаре много лет сохранялась пьеса «Сталинградцы», которую Ю.П. Чепурин писал во время Сталинградской битвы. Ровесница Пикуля актриса Вера Павловна Семенова могла быть одним из прообразов данного персонажа романа: ее биография перекликается с судьбой Пикуля рождением в Ленинграде, переездом в детском возрасте в Архангельск. В своих мемуарах В.П. Семенова вспоминает: «Особенно памятна Вера Васильевна в розовом “Гнезде глухаря”, где тоже был яркий актерский ансамбль <...>» [18, с. 71]. Отметим, что пьеса В. Розова «Гнездо глухаря» (1978) через имя героини также включается в общее смысловое пространство романа Пикуля: тема предательства в пьесе является ключевой.

Предметные описания создают самоценные образы, из которых складывается образная картина жизни Сталинграда: мальчик в коротких штанишках «нес на себе кошку, и эта кошка обнимала ребенка за шею лапами» [13, с. 717]; главный инженер Сталгрэса К.В. Зубанов, влюбившийся по закону каламбура в зубного врача; собака Астра, слониха Нелли, которую водят на Волгу на водопой. «Добровольцы-матросы с кораблей Северного флота и Беломорской военной флотилии», которые «повесили на улице корабельную рынду и каждые полчаса — динь-дон, динь-дон — отбивали на ней “склянки”, как положено на кораблях» [13, с. 817]. Они привезли с собой «красавицу девку с замечательным голосом профессиональной певицы», и «если кто из моряков умирал от ран, она ему... пела» [13, с. 819]. Аллюзия из стихотворения Блока «Девушка пела в церковном хоре...», написанного во время русско-японской войны в память о гибели русских моряков под Цусимой 15 мая 1905 г. мотивом кораблей соединяет автора, его отца и всех моряков, верных России. Завершающий стихотворение трагический мотив выявляет еще одну авторскую интенцию: роман как реквием, прощание с отцом сына, потерявшего отца еще в детстве.

С описанием моряков перекликается эпизод из лирического воспоминания: «Помню, зимой 1943 года в заполярной бухте Ваенга я нес ночную вахту на пирсе. По одну сторону пирса покачивался наш эсминiec «Грозный», по другую — американский корвет <...> Надо мною с тихим потрескиванием разворачивался веер

полярного сияния, тихо плескались волны, а стальные швартовы кораблей поскрипывали от напряжения» [13, с. 762].

Герой наблюдает невероятную картину: с американского корвета «по швартову» бегут крысы, а через полчаса его торпедирует немецкая подводная лодка. Здесь смыкаются и мотив гибели кораблей, и мотив предательства: воспоминание завершается сравнением с крысами соратников Гитлера, заранее почувствовавших поражение своей страны.

Пикуль планировал закончить роман ко дню своего рождения — 13 июля 1990 г. Валентин Саввич умер 16 июля.

А.И. Пикуль рассказывает [курсив автора. — И. М.]:

«В архиве Пикуля я нашла книгу.

На внутренней стороне самодельной обложки <...> написано:

“Когда я умру, — эта книга достанется кому-нибудь, и он подумает, зачем я интересовался подобными предметами? В том-то и дело, что, благодаря разносторонности интересов, я и стал писателем. Хотя при жизни я так никогда не называл себя, предпочитая более скромное слово — “литератор”. Я имел образов[ание] всего 5 кл[ассов], я воевал с 14 лет жизни, и все, что я приобрел впоследствии, я приобрел от страстной, почти фанатической любви к познаниям. Сейчас мне 31 год, у меня сделаны два романа, задумано еще четыре. Писал это Пикуль Валентин Саввич, русский, родился 13 июля 1928 года, умер 13 июля 19...”

Это написано в 1959 году, ровно посередине жизни» [12, с. 392–393].

Символические совпадения были Пикулью важны. В размышлении о закономерностях исторических событий он улавливал их непосредственную связь со своей судьбой. Сказанным обусловлено усложняющее жанровую природу романа лирическое начало.

7. Выводы. Пикуль не успел написать три главы третьей части книги «Барбаросса». «Жена писателя Антонина Пикуль приложила к неоконченному роману десять рукописных листов — материалы к главам о черном дне в истории города — 23 августа 1942 года» [16, с. 180].

Роман «Барбаросса» — итоговое произведение В.С. Пикуля. Согласимся с А.А. Пауткиным, что роман о Сталинградском сражении приближен к жанру исторического романа: «По прошествии восьми десятилетий после Победы Отечественная война стала уже вполне законной темой исторической прозы. В этом отношении значительно возрастает роль источников, приходящих на смену переживаниям участников событий» [11, с. 54]. Исторический роман о войне имеет характерную для художественного произведения сказовую повествовательную форму, в которой используется принцип смены речевых масок: репортер, исследователь, автор гневных филиппик, шутливый балагур, лирик. Многосубъектность дает возможность звучать голосам участников событий, чем обеспечивается реализация категории достоверности. Широкий охват событий показывает большое количество их участников. Историческая дистанция позволяет судить о героях по их роли в мировых событиях. Образ Паулюса создается как историческое лицо, со своей уникальной биографией, вписавшей его в большую историю.

В другой стороны, в основе повествования лежит размышление, в котором авторская аналитическая мысль движется одновременно в двух временных пластах: предвоенной и военной эпохи и времени «перестройки». Осуществляется аналитическая работа с большим количеством материалов, требующая больших объемов памяти, способности стратегически мыслить, кровной заинтересованности в событиях собственной военной биографии. Названное позволило В.С. Пикулью моделировать независимое от веяний эпохи или устоявшихся взглядов изложение. Здесь основной субъект речи — комментатор с документами на руках. Жанровая исключительность заявлена в авторском определении «роман-размышление», в основе которого — ощущение историчности собственной судьбы, неслучайного совпадения в завязывании линий судьбы писателя — отца — маршала Паулюса, создателя плана «Барбаросса», именно в Сталинграде оказавшегося в плену и выступавшего свидетелем на Нюрнбергском процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аринштейн, Л.М. Достоверность как эстетическая категория // Уч. записки Ивановского гос. пед. ин-та. О художественно-документальной литературе. — Т. 105. — Сб. 1 / Под ред. проф. П.В. Куприяновского. — Иваново: ИвГУ, 1972. — С. 36–53.
2. Бондарев, Ю.В. Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 8 (II). Непротивление: Роман. Мгновения: Миниатюры. Публицистика. — М.: Голос, 1996. — 480 с.
3. В гостях у писателя Валентина Пикуля / Беседует журналист Т. Земскова. — Гл. редакция лит.-драм. передач ЦТ, 1986. — URL: https://vk.com/video25636304_165170726 (дата обращения 11.08.2026).
4. Добренко, В.И. Сталинградский рубеж России XXI в. // Вестник Московского ун-та. — Сер. 18. — Социология и политология. — 2014. — № 1. — С. 5–19.
5. Допрос свидетеля Ф. Паулюса. Стенограмма заседания Международного военного трибунала 11 и 12 февраля 1946 г. // Нюрнбергский процесс: сб. материалов: в 8 т. — Т. 3. — М.: Юрид. лит., 1989. — С. 462–484.
6. Карагодина, О.А., Литвинова, И.Н., Данилова, Е.О. Памятные объекты Сталинградской битвы: из истории центрального универмага // Исторический журнал. Научные исследования. — 2022. — № 6. — С. 200–208.
7. Кокошин, А.А. Заметки и размышления о Валентине Пикуле и не только о нем // Независимая газета. — 2022. — 15 июня. — С. 3.

8. Кокошин, А.А. Заметки и размышления о Валентине Пикуле и не только о нем // Независимая газета. – 2022. – 22 июня. – С. 3.
9. Коняев, Н.М. Валентин Пикуль. – М.: Алгоритм, 2007. – 400 с.
10. Огрызко, В. Честь имею: Валентин Пикуль // Литературная Россия. – 2013. – 25 янв. – № 4. – С. 7–10.
11. Пауткин, А.А. Неоконченный роман В.С. Пикуля о войне (взгляд из XXI века) // Вестник Московского ун-та. – Сер. 9. Филология. – 2025. – № 3. – С. 48–55.
12. Пикуль, А.И. Валентин Пикуль. Из первых уст. – М., 2001. – 430 с.
13. Пикуль, В.С. Реквием каравану PQ-17. Мальчики с бантиками. Барбаросса: романы / [сост. и комм. А.И. Пикуль]. – М., 2014. – 653 с.
14. Полевой, Б. В конце концов. Нюрнбергские дневники. – М., 1972. – 479 с.
15. Прокурова, Н.С. К проблеме документа и факта в литературе о Сталинграде // Вестник ВолГУ. – Сер. 8. Литературоведение. Журналистика. – 2003. – № 3. – С. 137–143.
16. Прокурова, Н.С. Неоконченный роман В.С. Пикуля о Сталинграде: история создания // Успехи современной науки и образования. – 2016. – Т. 6. – № 12. – С. 178–181.
17. Святославский, А.В. Трансформация образа Сталина в коллективной памяти (с 1930-х до современности) // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 288–313.
18. Семенова, В.П. Встречи и расставания: Записки актрисы. – Волгоград, 2004. – 328 с.
19. Скарлыгина, Е.Ю. «Книга-документ» в современной художественно-документальной прозе о войне // Современная литературная критика. Семидесятые годы. – М.: Наука, 1985. – С. 218–238.
20. Чепурин, Ю. Сталинградский «Котел». – М.: ИЛИГАР, 2010. – 640 с.
21. Юдин В. Феномен Валентина Пикуля. URL: <http://rospisatel.ru/pikul.htm> (дата обращения 11.08.2026).

Материал поступил в редакцию 24.08.26

THE GENRE NATURE OF V.S. PIKUL'S BOOK ABOUT THE BATTLE OF STALINGRAD ("BARBAROSSA")

I.A. Mitrofanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Mikhailovskaya Military Artillery Academy (Saint Petersburg), Russia

Abstract. *The article deals with fictional-documentary nature of Pikul's war prose — "Operation Barbarossa". What is relevant in the novels under discussion is stylistic differentiation. The author intends to re-create the true events, drawing from facts and historical documents. At the same time V. Pikul demonstrates utmost sincerity, lyricism, capacity for self-reinvention and a unique poetic context typical of the epoch's atmosphere. His message in the unfinished "Operation Barbarossa" foreboded the development of the war prose in Russian literature, as well as the pattern of social and political controversies of 1990-2000s.*

Keywords: *Valentin Pikul, Stalingrad, Historical novel, actuality, documentary, narrative structure.*

Pedagogical sciences
Педагогические науки

УДК 005.96:373.5

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ
В МБОУ «ТЮБЯЙ-ЖАРХАНСКАЯ СОШ ИМ. С.А. ЗВЕРЕВА»

И.Г. Григорьева, руководитель

МБОУ «Тюбй-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева» (с. Арылах), Российская Федерация

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы совершенствования системы управления человеческими ресурсами в современной сельской школе. Проводится анализ текущего состояния управления персоналом в МБОУ «Тюбй-Жарханская средняя общеобразовательная школа имени С.А. Зверева» с целью выявления проблемных зон и разработки практических рекомендаций. Предложенный комплекс мер направлен на повышение эффективности работы образовательной организации и улучшение качества предоставляемого образования.

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, менеджмент персонала, образовательная организация, сельская школа, педагогические кадры.

Исследование и совершенствование системы управления человеческими ресурсами в образовательных учреждениях сегодня приобретает особую актуальность, так как запрос на индивидуализацию обучения и необходимость развития гибких навыков у обучающихся, роль грамотного управления педагогическим персоналом становится еще более значимой. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [1] и Трудовой кодекс Российской Федерации [2] закладывают нормативно-правовую основу для организации работы с кадрами, однако практическое применение их положений требует постоянного совершенствования управленческих подходов, особенно в условиях специфики сельских школ.

Теоретическая база исследования опирается на фундаментальные труды основоположников научного управления и менеджмента, которые заложили основы понимания роли человека в организации. Фредерик Тейлор, Анри Файоль, Гаррингтона Эмерсон, Линдел Урвик, Макс Вебер, Г. Форд, А.К. Гастев, П.М. Керженцев внесли неоценимый вклад в развитие концепций управления, организации труда и эффективности производства [3].

Целью настоящей статьи является анализ показателей качества работы с кадрами в МБОУ «Тюбй-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева».

Система управления человеческими ресурсами в МБОУ «Тюбй-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева», расположенной в 116 км от улусного центра, где кадровый состав насчитывает 48 человек, включая 22 педагогических работника, демонстрирует различные сферы функционирования.

Оценка персонала включает аттестацию педагогических работников в соответствии с установленными порядком, диагностику предметных затруднений на цифровой платформе «ЯКласс» с 12 по 29 марта 2024 года, направленную на повышение качества образования и формирование адресных программ повышения квалификации. Успешные примеры, такие как награждение учителя начальных классов Корниловой В.Н. грантом главы улуса и получение ею грамоты «За лучшую методическую разработку» на региональном фестивале, подчеркивают значимость признания достижений педагогов. Адаптация персонала включает помощь новым сотрудникам в освоении обязанностей и знакомстве с коллективом; в 2023-2024 учебном году активно применялись наставнические пары, способствующие профессиональному росту.

Обучение и развитие персонала предоставляют возможности для повышения квалификации через курсы, семинары, конференции, поддерживают участие педагогов в инновационной деятельности и образовательных проектах. Система мотивации и стимулирования персонала включает как материальные, так и нематериальные аспекты. Управление карьерой подразумевает возможность продвижения по службе и занятия руководящих должностей, где для эффективного управления используются разнообразные методы и инструменты. Организация труда в школе осуществляется с соблюдением трудового законодательства и предоставлением полного пакета социальных гарантий, включая оплату больничных листов и страхование от несчастных случаев. Работники школы функционируют в режиме шестидневной рабочей недели с одним выходным днем. Управление конфликтами и стрессами признается одной из важнейших задач, учитывая сложность взаимоотношений в школьной среде.

Для оценки перспектив совершенствования был проведен SWOT-анализ.

Таблица 1

**SWOT-анализ системы управления человеческими ресурсами
в МБОУ «Тюбый-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева»**

<i>Сильные стороны</i>	<i>Слабые стороны</i>
Квалифицированный педагогический коллектив	Недостаточная укомплектованность кадрами по отдельным предметам
Благоприятный психологический климат в коллективе	Высокий средний возраст педагогических работников
Наличие системы повышения квалификации педагогических работников	Ограниченные возможности материального стимулирования
Поддержка инновационной деятельности	Недостаточно эффективная система оценки персонала
<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
Привлечение молодых специалистов	Сокращение финансирования образования
Развитие новых форм повышения квалификации	Отток квалифицированных кадров в другие места
Внедрение эффективных систем мотивации	Снижение престижа профессии педагога
Расширение сотрудничества с другими образовательными организациями и социальными партнерами	Усиление конкуренции между образовательными организациями

На основе проведенной диагностики и SWOT-анализа, для совершенствования системы управления человеческими ресурсами в МБОУ «Тюбый-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева» предлагается комплекс мер, включающий активные программы по привлечению и удержанию молодых специалистов с применением мер поддержки, предусмотренных законодательством региона, расширение спектра форм повышения квалификации, в том числе дистанционных, и поддержку инновационной деятельности педагогов. Разработка гибкой системы материального и нематериального стимулирования, учитывающей индивидуальные результаты, внедрение четких критериев оценки профессиональной деятельности с применением разнообразных методов позволит повысить мотивацию и лояльность персонала. Реализация этих рекомендаций позволит школе удержать квалифицированные кадры, повысить профессионализм педагогов, усилить мотивацию и создать благоприятный психологический климат.

Таким образом, эффективное управление человеческими ресурсами является действенным инструментом для повышения качества образовательных услуг. Предложенные меры позволят МБОУ «Тюбый-Жарханская СОШ им. С.А. Зверева» укреплять свои позиции, стабильно повышать качество образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140345/ (дата обращения: 19.07.2026).
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34299/ (дата обращения: 19.07.2026).
3. Сокур, А.В. Современные подходы к управлению человеческими ресурсами в образовательном учреждении // Инновации в образовании. – 2021. – № 3. – С. 43-50.

Материал поступил в редакцию 21.07.26

IMPROVEMENT OF HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN MBOU "TYUBYAI-ZHARKHANSKAYA SECONDARY SCHOOL NAMED AFTER S.A. ZVEREV"

I.G. Grigorieva, Director

MBEI "Tyubyai-Zharkhanskaya Secondary School named after S.A. Zverev" (Arylakh), Russian Federation

Abstract. This article addresses topical issues of improving the human resource management system in a modern rural school. The analysis of the current state of personnel management in the MBEI "Tyubyay-Zharkhanskaya Secondary School named after S.A. Zverev" is conducted to identify problem areas and develop practical recommendations. The proposed set of measures is aimed at increasing the efficiency of the educational organization and improving the quality of education provided.

Keywords: human resource management, personnel management, educational organization, rural school, teaching staff.

Medical sciences
Медицинские науки

УДК 61

**СИНДРОМ ДАНБОЛТА–КЛОССА (ЭНТЕРОПАТИЧЕСКИЙ АКРОДЕРМАТИТ):
СЕМЕЙНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ У ДВУХ РОДНЫХ СЕСТЁР**

У.Ш. Рихсиев, доцент, кандидат медицинских наук
Ташкентский государственный медицинский университет (г. Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** Энтеропатический акродерматит (синдром Данболта–Клосса) — редкое наследственное аутосомно-рецессивное заболевание, обусловленное врождённым нарушением всасывания цинка в кишечнике и часто маскирующееся под другие дерматозы и кишечные инфекции. Представлено клиническое наблюдение двух родных сестёр 4 и 2 лет из семьи с близкородственным браком, у которых заболевание манифестировало после прекращения грудного вскармливания и утяжелилось на фоне самовольной отмены цинксодержащей терапии. Своевременная диагностика и назначение окиси цинка позволили добиться полного разрешения кожного процесса за 12 дней.*

***Ключевые слова:** энтеропатический акродерматит, синдром Данболта–Клосса, дефицит цинка, инбредный брак, дети раннего возраста.*

Энтеропатический акродерматит (ЭА), или синдром Данболта–Клосса, — тяжёлое наследственное аутосомно-рецессивное заболевание, дебютирующее в раннем детском возрасте [1, 2, 6]. Клинически ЭА часто имитирует синдром мальабсорбции, кишечные инфекции, экссудативный диатез и пиодермию, что ведёт к диагностическим ошибкам и утяжелению течения. Впервые описан в 1935 г. шведским дерматологом Т. Brandt, а в 1942 г. N. Danbolt и R. Closs детально охарактеризовали клинику и предложили современное название заболевания [3, 4].

В основе патогенеза лежит наследственное нарушение всасывания цинка в кишечнике — важнейшего кофактора ферментов (щелочной фосфатазы, карбоангидразы и др.), участвующего в фосфорно-кальциевом обмене и иммунных реакциях [5, 7]. Дефицит связан со снижением ферментативной активности слизистой ЖКТ и нарушением синтеза цинк-связывающего фактора (ЦСФ) поджелудочной железы, который в норме облегчает всасывание цинка; ЦСФ присутствует в грудном молоке, но отсутствует в коровьем, поэтому болезнь чаще манифестирует при переводе ребёнка на искусственное вскармливание, когда нарушается обмен триптофана и аминокислот, а клетки перенасыщаются жирными кислотами.

Течение ЭА волнообразное, с ремиссиями и обострениями, тяжесть которых зависит от своевременности лечения. Характерны симметричный дерматит вокруг естественных отверстий (рот, гениталии, анус), хроническая диарея, поражение слизистых глаз и рта, дистрофия ногтей и волос [4, 8, 9, 10]. Высыпания — эритематозно-отёчные очаги с везикулами и пустулами; при заживлении эрозий нередко остаются участки атрофии. Желудочно-кишечные симптомы (снижение аппетита, метеоризм, частый зловонный стул) могут предшествовать кожным проявлениям или сопровождать их [11, 12]. При отсутствии лечения болезнь прогрессирует: присоединяются задержка развития, гипотрофия, пневмония, гепатомегалия; лабораторно — анемия, лейкоцитоз, диспротеинемия, гипокальциемия.

Внедрение препаратов цинка значительно улучшило прогноз заболевания: кожные изменения регрессируют уже на 5–7-е сутки терапии, однако пациенты нуждаются в пожизненном диспансерном наблюдении и поддерживающих дозах цинка.

Приводим собственное наблюдение. 28.12.2025 г. в детское дерматологическое отделение клиники ТашГМУ поступили родные сёстры из Сурхандарьинской области, рождённые от инбредного брака: Р. Ш., 4 года (и/б № 555), и Р.М., 2 года (и/б № 556), с жалобами на высыпания в области естественных отверстий, рвоту, частый стул и потерю веса.

У старшей девочки заболевание дебютировало в 1,5 года после отмены грудного вскармливания. 03.06.2023 г. в ЦРБ г. Бойсуна был ошибочно диагностирован «пищевая аллергия»; на фоне ухудшения состояния ребёнка перевели в КВД г. Термеза, где установили диагноз ЭА и назначили окись цинка с выраженным положительным эффектом. Аналогичная картина развилась у младшей сестры с ноября 2024 г. (в возрасте 1 года 7 месяцев) — диагноз и лечение были такими же. С сентября 2025 г., в связи с отъездом лечащего врача, родители самовольно прекратили приём препарата, что привело к рецидиву у обеих девочек: жидкий стул, рвота, потеря веса, эрозивные очаги с присоединением вторичной инфекции. По месту жительства ошибочно диагностировали пиодермию и лечили без учёта диагноза ЭА; состояние ухудшалось, и

28.12.2025 г. семья самостоятельно обратилась в клинику ТашГМУ, где диагноз ЭА был подтверждён и дети госпитализированы.

При поступлении состояние обеих детей тяжёлое: истощение, гипотрофия, вялость, адинамия; масса тела — 11 кг 200 г и 8 кг 400 г соответственно. Дыхание жёсткое, с проводными хрипами (ЧД 22/мин); тоны сердца приглушены, ритмичны (ЧСС 124/мин).

Anamnesis vitae. Обе девочки родились доношенными от инбредного брака (родители — дети родных брата и сестры), беременности протекали без патологии; масса тела при рождении 3200 г и 3300 г.

Status localis. Распространённый симметричный островоспалительный процесс (рис. 1) на коже головы, лица, шеи, туловища, ягодиц, аногенитальной области и дистальных отделов конечностей, с полным поражением ладоней, подошв и пальцев. Множественные эритематозно-сквамозные очаги с везикулами, буллами и пустулами вокруг рта, ануса и гениталий, с мацерацией, трещинами и серозно-гнойными корками. Ногтевые пластинки утолщены, бугристы, околоногтевые валики воспалены; волосы редкие, истончённые, тусклые. Печень выступает на 3 см из-под края рёберной дуги у обеих сестёр. Стул жидкий, зловонный, зелёного цвета, 4–8 раз в сутки.

Лабораторные исследования. У обеих девочек выявлены гипохромная анемия (Hb 120 и 111 г/л), лейкоцитоз ($12,8$ и $13,5 \times 10^9/\text{л}$), ускорение СОЭ, диспротеинемия (общий белок 53 г/л, γ -глобулин 9,4–10,5%) и гипокальциемия (1,5–1,6 ммоль/л). В кале — много непереваренной клетчатки, слизь, дрожжевые грибы; грибковая флора в очагах поражения не обнаружена. По данным УЗИ — реактивные изменения печени, конгломерат солей в почках. Заключение педиатра: гипотрофия II степени, рахит II степени (у младшей сестры — в сочетании с анемией).

Рисунок 1. Состояние пациента до лечения

Проведённая терапия. В связи с тяжестью состояния дети получали интенсивную терапию: в/в тиосульфат натрия, дексаметазон, глюконат кальция, супрастин, цефазолин; перорально — окись цинка, креон, линекс, оротат калия, фурилат; местно — 1% метиленовый синий, левомеколь, цинковая мазь с дерматоловой (1:1). Уже на 3-и сутки состояние стабилизировалось, новые высыпания не появлялись, эрозии покрылись корочками (рис. 2); на 6-е сутки детей перевели в общую палату; на 12-е сутки выписали домой в удовлетворительном состоянии с полным разрешением кожного процесса. Рекомендованы длительная поддерживающая терапия окисью цинка и постоянное диспансерное наблюдение педиатра и дерматолога по месту жительства.

Рисунок 2. Состояние пациента после лечения

Заключение. Представленное наблюдение подчёркивает необходимость настороженности практикующих дерматологов и педиатров в отношении ЭА при характерной триаде симптомов и отягощённом семейном анамнезе — для своевременной диагностики и предотвращения тяжёлых осложнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочков, Н.П. Клиническая генетика: Учебник. — М.: Медицина, 1997. — 288 с.
2. Зверькова, Ф.А. Болезни кожи детей раннего возраста. — Санкт-Петербург: Сотис, 1994. — 157 с.
3. Клинические проблемы наследственной патологии кожи / В.Н. Мордовцев, И.В. Старков, А.Ю. Прохоров и др. // Вестн. дерматол. — 1991. — №3. — С. 72–76.
4. Коляденко, В.Г., Шупенко, Н.М. Энтеропатический акродерматит (болезнь Данболта–Клосса) // Вестн. дерматол. — 1981. — №3. — С. 51–53.
5. Мальцев, С.В., Файзуллина, Р.А. Нарушение баланса цинка при хроническом гастродуодените у детей // Педиатрия. — 2002. — №3. — С. 49–51.
6. Мордовцев, В.Н., Алиева, П.М., Сергеев, А.С. Заболевание кожи с наследственным предрасположением. — Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. — 260 с.
7. Чистякова, И.А., Теплюк, И.П. Энтеропатический акродерматит // Вестн. дерматол. — 1987. — №1. — С. 40–44.
8. Штейнлухт, Л.А., Литвинюк, Н.В. Энтеропатический акродерматит // Вопросы детской дерматологии. — 1977. — Вып. 4. — С. 45–49.
9. Acrodermatitis enteropathica: case report and review of the literature / Perefan-C. Riveros, L.F. Franca, A.C. Alves et al. // Pediatr. Dermatol. — 2002. — Vol. 19(5). — P. 426–431.
10. Acrodermatitis enteropathica-like eruption during treatment of maple syrup urine disease: report of one case / Y.L. Tain, S.C. Huang, F.C. Hung et al. // Zhonghua Min Guo Xiao Er Ke Yi Xue Hui Za Zhi. — 1996. — Vol. 37(5). — P. 357–360.
11. Acrodermatitis enteropathica-like eruption in an infant with nonketotic hyperglycinemia / J.A. Samady, R.A. Schwarts, L.Y. Shin et al. // J. Dermatol. — 2000. — Vol. 27(9). — P. 604–608.
12. Iatrogenic isolated zinc deficiency as the cause of an acrodermatitis enteropathica-like syndrome / A.M. Bosch, J.H. Sillevius, A.H. Van Gennip et al. // Br. J. Dermatol. — 1998. — Vol. 139(3). — P. 488–491.

Материал поступил в редакцию 30.07.26

DANBOLT-CLOSS SYNDROME (ENTEROPATHIC ACRODERMATITIS): FAMILY OBSERVATION IN TWO SISTERS

U.Sh. Rikhsiev, Associate Professor, Candidate of Medical Sciences
Tashkent State Medical University (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. Acrodermatitis enteropathica (Danbolt–Closs syndrome) is a rare autosomal recessive disorder caused by congenital impairment of intestinal zinc absorption, often misdiagnosed as other dermatoses or intestinal infections. We report two sisters, aged 4 and 2, born to consanguineous parents, whose disease manifested after weaning and worsened after unsupervised discontinuation of zinc therapy. Timely diagnosis and zinc oxide administration led to complete skin resolution within 12 days.

Keywords: acrodermatitis enteropathica, Danbolt–Closs syndrome, zinc deficiency, consanguineous marriage, early childhood.

Psychological sciences
Психологические науки

UDC 159.9. 072

THE IMPACT OF THE INTERCULTURAL ENVIRONMENT AND AI ON STUDENTS' PERSONAL DEVELOPMENT: PSYCHOLOGICAL ANALYSIS

M.G. Selyuch¹, Yang Ke²

¹ Doctor of Psychological Sciences, Professor, ² PhD Student at the Department of Psychology and Pedagogy
^{1,2} Amur State University (Blagoveshchensk), Russian Federation

Abstract. *The transformation of the system of higher professional education and interuniversity cooperation between Russian and Chinese students is observed in the modern world. Bilateral contacts between states provide students with the opportunity not only to receive education, but also to establish close intercultural communications through sports and cultural exchanges between youth delegations. Such exchanges are particularly effective in border regions, such as the Amur Region. Intercultural interaction between Russian and Chinese students in the university's educational environment is ensured by their emotional stability and communicative competence, which are formed through soft skills, tolerance for uncertainty, empathy, and emotional intelligence. The attractiveness of Russian education for Chinese youth makes our research relevant, as its goal is to identify the psychological aspects of students' communicative interaction in order to create a developing educational environment. An analysis of the empirical results highlights the communication difficulties faced by Chinese and Russian students. Artificial intelligence technologies play an important role in facilitating interpersonal interaction, significantly improving the quality of education and supporting the development of communication skills through real dialogues. By using virtual reality technologies in combination with simultaneous translation tools, students exchange information in their native language, deepening their understanding of the subtle, hidden meanings of the traditional culture of both peoples. At the same time, the use of AI in the educational process faces a number of barriers: limited technical infrastructure, threats to information security, a lack of time for direct communication, and the need to take into account the ethical and emotional aspects of interaction with the interlocutor.*

Keywords: *emotional intelligence, interaction, students, empathy, communicative tolerance, artificial intelligence.*

The uncertainty and turbulence of social processes in society place increased demands on the individual, the use of their resources, the search for active strategies to solve problems for which there are no proven algorithms of action and behavior. A comprehensive approach in the training of bachelors and masters, in addition to education, includes different areas of students' life in order to maximize the use of individual and personal opportunities for self-expression. The formation of the educational environment at a Russian university is based on the assumption that the need for intercultural communication can only arise in a multicultural social environment, where each student realizes that their personal and professional potential cannot be realized without interacting with members of other cultural groups.

The study is based on A. A. Leontiev [1], ethnopsychological concept of the degree of success of communication in an intercultural environment, which provides an interdisciplinary approach to studying the relationship between language, culture, and the psyche, based on the principles of cognitive psychology. According to the scientist, the national and cultural specificity of communication is determined by the following factors: a) cultural traditions and the people's mentality; b) the social situation and social functions of communication; c) the peculiarities of the course and mediation of mental processes and various types of activity; d) the specificity of denotation, i.e., the presence of specific concepts and reactions in the thesaurus of a given community; e) the specificity of the language of a given community.

To study the psychological features of communicative interaction, the following psychodiagnostic tools were used: the methodology of communicative social competence (authors: N. P. Fetiskin, V. V. Kozlov, G. M. Manuilov), the methodology of personality orientation in communication (author S.L. Bratchenko), the V. V. Boyko test "Your communicative tolerance", the emotional intelligence questionnaire "EmIn" D.V. Lyusina, methodology for assessing emotional intelligence (EQ questionnaire) (Hall N.).

The comparative analysis was carried out on the basis of statistical processing using Excel and SPSS programs. The total sample of the study was 120 students, in equal proportion (Russian and Chinese). The tests of the techniques were translated into Chinese.

The methodology of communicative social competence allowed us to gain a more comprehensive understanding of students' personalities in order to make a probabilistic prediction of their success in the university's educational environment, determine the levels of communicative interaction, and identify the factors influencing the communicative process.

Russian students showed the highest level of development in terms of sociability, independence, and cheerfulness. They have a wide social circle and easily engage in communication with students from different groups and faculties at the university. During conversations, they are friendly and maintain a respectful distance. The average level of logical thinking indicates that they can make responsible decisions based on their emotions in non-standard situations, which suggests psychological immaturity. This group of respondents did not show low scores in this area.

In the sample of Chinese students, the maximum level is the self-control factor, which characterizes the ability to follow the rules and regulations established at the Russian university. The low levels of the factors of cheerfulness and logical thinking indicate that in most cases, their taciturnity and forced seriousness are a result of their insecure behavior and poor conversational skills in Russian with their fellow students. The average level of the independence factor indicates a lack of social experience and behavioral styles in unfamiliar situations, which leads to a strong attachment to the group's social opinion.

The results of the study on the personality orientation in communication reveal the awareness of students' personal attitudes and value orientations in the course of communication and social interaction. In the Russian sample of students, there is a predominance (67%) of a dialogical personality orientation in communication, which is focused on mutual trust and respect, communicative cooperation, and group creativity. 20% of the respondents tend to have an authoritarian orientation towards dominance and the desire to subordinate the behavior of their class-mates to their own goals, often displaying not only self-centeredness but also a lack of respect for others' perspectives. 13% of the total number of respondents exhibit a manipulative approach in communication and are focused on using their partner as an object of their hidden manipulations in order to obtain the necessary information and benefits, combined with their own closedness and insincerity.

In the sample of Chinese students, the main type of orientation is conformity (96%), which is a focus on submission to power and authority, and a rejection of equality in interpersonal communication in favor of the partner. This strategy is chosen because the students believe that it is necessary to find the right behaviors in order to navigate the new educational environment without conflict.

The results of the communicative tolerance test showed an average of 52.3 points for Russian and 51.7 for Chinese students. However, the psychological characteristics of the respondents' behavior have profound differences. Chinese students do not know how to accept the personality of the interlocutor, which causes irritation and negative emotions; they are extremely proud, and they take humor as an insult, they do not know how to engage in dialogue, which leads to resentment and hostility towards their partner. Perhaps these manifestations are due to adaptation to Russian culture and poor knowledge of the verbal and nonverbal expression of emotions and feelings.

For Russian students, in a situation of intercultural communication, there are manifestations of conflict behavior, in-tolerance to statements, instability when working in groups due to the partner's slow reaction, intolerance to their physical or mental discomfort, and indifference to their feelings and emotions.

Emotional intelligence plays a huge role in the adequate perception, expression, and management of emotions in establishing positive social relations between participants in the educational process. According to L.S. Vygotsky [5], emotions in the educational process are a promising motivation that can generate and multiply further motivation. According to the scientist, "every stage in the development of thinking corresponds to its own stage in the development of affect. The development of thinking and emotions originates from a single root."

In modern science, research on emotional intelligence focuses on cognitive abilities and a combination of abilities, personality traits, and characteristics that form the basis for the development of emotional and intellectual competencies. Our research is based on the concept of Dmitry V. Lyusin [2], a Russian scientist who views emotional intelligence as the ability to understand and manage one's own and others' emotions.

The EmIn questionnaire was used to study such components of emotional intelligence as understanding other people's emotions, managing other people's emotions, understanding one's own emotions, managing one's own emotions, and controlling expression. The results showed that Russian students have a high level of interpersonal, intrapersonal, and emotional intelligence, which indicates their ability to build positive and harmonious relationships with their peers, maintain emotional balance in challenging situations, and effectively communicate their feelings and thoughts to others. However, their low level of interpersonal emotion management highlights their lack of knowledge about the cultural customs and traditions of the Chinese people, which can lead to conflicts within the student community.

The respondents of the Chinese group showed a low level of interpersonal and emotional intelligence at school, as well as poor verbal and non-verbal communication skills, which makes it difficult for them to read other people's emotions based on external cues (facial expressions, gestures, etc.) and to show empathetic empathy. They have a limited ability to understand and manage their own and others' emotions, and require significant personal development to effectively interact with others.

Thus, the data obtained allow us to conclude that Chinese students experience problems in interacting with their class-mates, and they need assistance and psychological support in the educational environment. To this end, we have developed and implemented psychological and pedagogical programs for Chinese students in their first and second years of study. These programs aim to enhance emotional intelligence and develop skills for interacting with others, managing stress in solving complex problems, and maintaining academic motivation. When analyzing the components of emotional intelligence using N. Hall's methodology, Russian students showed high results on the emotional awareness scale (62% of the total sample). They are able to determine an appropriate behavioral strategy based on their social experience of interpersonal interaction, which is not shared by Chinese students due to their different mentalities. Additionally, 13% of the respondents have a low level of emotional awareness, which can negatively impact their ability to cope with challenging situations.

Chinese students (76%) have poor skills in analyzing specific situations when choosing a strategy for their behavior, which has a significant impact on their passivity and difficulties in both learning and communication. In most cases, their taciturnity and forced seriousness mask their uncertain behavior. This is often due to their poor command of spoken Russian and their inability to express themselves effectively.

Chinese students (47%) are better at managing their emotions, and their flexibility is evident in their emotional balance. When faced with unclear problems or situations, they maintain a silent calmness that hides under the guise of "I don't understand." Russian students (33%) express both positive and negative emotions and feelings vividly, but when faced with disagreement or negative outcomes, they maintain emotional equilibrium while remaining friendly.

The average level of self-motivation (48%) prevails among Russian students. This indicates that most students have a certain degree of responsibility and self-organization skills, but their lack of involvement in the educational process affects their academic performance. The self-motivation of Chinese students has reached a high level (61%), and respondents are able to manage their behavior and focus on the end result of obtaining an educational document. When faced with difficulties in mastering the educational program, they compensate for their lack of knowledge by demonstrating high levels of discipline and self-control, as well as by repeating the behavioral patterns that they have previously learned and that have led to positive outcomes. They strive to avoid expressing negative emotions, even in situations that they may not enjoy. This strategy is driven by their belief that it is necessary to find the appropriate behavioral patterns that will ensure a smooth transition into the new educational environment.

Only 37% of Russian students showed a high level of empathy, while 53% showed an average level. This indicates that the number of respondents who are able to understand and empathize with their colleagues' emotions is not sufficient, and many of them are not ready to establish deep emotional connections when faced with challenges in the educational environment. The low level of empathy among Chinese students (77%) suggests a lack of interest and involvement in the shared educational space. They do not express their feelings or emotions and are detached from the current life of the student community. They participate in the educational process in a disciplined manner and react indifferently to everything that happens outside of class.

The works of the Chinese researcher Zhang Yuying emphasize that Chinese students are more prone to reflection and are reserved in expressing their feelings [6]. Another researcher sees the problems of communicative interaction between students in the order of organizing the educational environment [4]. The rules of conduct that Chinese students have learned in their national education system not only hinder their adaptation to Russian universities, but also prevent them from establishing trusting interpersonal relationships with their fellow students. The mentality, styles, and ways of thinking of Chinese students are shaped by the Confucian moral code, which remains the foundation of their modern culture. The sense of responsibility and the need for a thorough and long-term understanding and acceptance of any new situation in the university's educational environment serve as the basis for their interactions with all members of the community.

Thus, Russian students are more likely to be able to recognize, understand, and accept their own emotions, as well as the emotional state of their fellow students, without judgment or bias. They are able to identify and interpret emotional responses, both their own and those of their fellow students. They also have a high level of empathy. Chinese students, on the other hand, tend to have a higher level of self-motivation and the ability to maintain emotional balance even in challenging situations. This difference in emotional intelligence highlights the cultural priorities and skills associated with interacting with others and managing one's own emotions.

The results of the determination of communicative tolerance in both groups of students showed a level of average value – 52.3 points for Russian and 51.7 – Chinese students. However, the psychological features of behavior in the respondents have deep differences. Chinese students do not know how to understand and accept the individuality of the interlocutor, which causes irritation and negative emotions; they are extremely self-centered, and humor is perceived as an insult, they do not have the skills for dialogue, which entails resentment and dislike for the partner. These manifestations may be due to adaptation to Russian culture and a lack of knowledge about verbal and non-verbal expressions of emotions and feelings.

For Russian students, in a situation of intercultural communication, there are manifestations of conflict behavior, intolerance to statements, instability when working in groups due to the partner's slow reaction, intolerance to their physical or mental discomfort, and indifference to their feelings and emotions.

The impact of AI on communication between Russian and Chinese students is indeed noticeable: technology both facilitates contact and creates new challenges. I would highlight several key aspects, both positive and requiring attention.

The analysis of the survey conducted among Russian and Chinese students using the author's questionnaires revealed the following positive aspects of the impact of AI technologies on interaction: a) chatbots, virtual interlocutors, and language training programs allow students to practice their communication skills in the university's educational environment; b) the neural network, acting as an interlocutor, enhances students' confidence and information and communication competence; c) the neural network improves the quality of interpersonal communication through individual exercises and tasks presented in a playful manner, offering specific recommendations for resolving conflicts. However, many students in both samples have difficulty evaluating information generated by AI, as well as obtaining.

The analysis of the data obtained indicates that there are differences in the communicative difficulties faced by Chinese and Russian students in the educational environment of a university. The results of the study highlight the need to form and develop the communicative interaction of Russian and Chinese students in the process of teaching them the rules of intercultural dialogue and the basics of communicative tolerance in the field of international communication. Since the "character of one's attitude towards others" serves as a measure and criterion for personal development, and "communication and community are essential attributes of human beings," "when there are 'creators and creations' on both sides of the dialogue, capable of 'communicative intentions'".

When discussing the content and models of international scientific and educational cooperation in the modern world, scientists from both countries note that the basis of the innovative model of relations between Russia and China is an active and multifaceted dialogue on educational policy (2026). It is in the process of communication that the emotional maturity of the student is revealed, which is necessary for a successful and positive stay in the educational environment of the university. The development of communication skills and communicative tolerance, taking into account cultural differences, leads to the erasure of language and communication barriers, support from the educational institution, and a desire for cultural dialogue.

In order to optimize educational and upbringing work, we have developed psychological programs for Chinese students, which include interactive games and creative evenings, which are aimed at enriching the vocabulary, promoting adaptation and establishing interpersonal relationships in a Russian university. These programs reflect the impact of the digital transformation of the higher education system, which increases the load on the psyche of students, leaving an imprint on the individual style of their life. The appeal to the emotional sphere of the individual is based on the fact that it permeates not only its activity, but also ensures the unity of functioning and the dynamics of mental processes, states, and properties. It is necessary to continue to work consistently and purposefully to raise the level of intercultural awareness among students in order to improve the climate of humanitarian cooperation between countries in the field of education.

AI is a powerful tool that can greatly enrich the communication between students from Russia and China, making the university's educational environment more personalized and culturally diverse. However, this requires a balanced combination of technology and human interaction, as well as the development of critical thinking and intercultural competence among students. In this regard, it is crucial for the university's faculty to lead the integration of AI into the university's educational environment, identify the necessary tools, and address any potential challenges.

REFERENCES

1. Leontiev, A.A. Language and Speech Activity in General and Educational Psychology: Selected Psychological Works. Moscow, Voronezh: Moscow Psychological and Social Institute, MODEK, 2004. – 534 p. (Books).
2. Lyusin, D.V. Modern Concepts of Emotional Intelligence // Social Intelligence: Theory, Measurement, and Research. - Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. – 176 p. (Books).
3. Scientific and educational cooperation is the basis of an innovative model of relations between Russia and China [Electronic resource] // URL: <http://russiancouncil.ru/upload/Russia-China-Education-Policy-brief3-ru.pdf> (accessed on February 22, 2026).
4. Tian Yuan. Problems of Communication between a Russian Teacher and a Chinese Student // Baltic Humanitarian Journal. – 2021. – Vol. 10, No. 1 (34). – Pp. 287–290. DOI:10.26140/bgj3-2021-1001-0066 (Thesis).
5. Vygotsky, L.S. Psychology. Moscow: EKSMO-Press, 2000. – 1008 p. (Books).
6. Zhang, Yu. Features of the Teacher's Interaction with Russian and Chinese Student Audiences // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism. – 2024. – Vol. 24, No. 2. – Pp. 228-233. DOI: 10.18500/1817-7115-2024-24-2-228-233, EDN: ZKDFBI. (Thesis).

Материал поступил в редакцию 17.08.26

ВЛИЯНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ И ИИ НА ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ СТУДЕНТОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М.Г. Селюч¹, Ян Кэ²

¹ доктор психологических наук, профессор, ² аспирант кафедры психологии и педагогики
^{1, 2} ФГАОУ ВО «Амурский государственный университет» (г. Благовещенск), Россия

Аннотация. В современном мире наблюдается трансформация системы высшего профессионального образования и межвузовского сотрудничества российских и китайских студентов. Двусторонние контакты между государствами предоставляют студентам возможность не только получать образование, но и налаживать тесные межкультурные коммуникации посредством спортивных и культурных обменов между молодежными делегациями. Такие обмены особенно эффективны в приграничных регионах, таких как Амурская область. Межкультурное взаимодействие российских и китайских студентов в образовательной среде университета обеспечивается их эмоциональной стабильностью и коммуникативной компетентностью, которые формируются с помощью soft skills, толерантности к неопределенности, эмпатии и эмоционального интеллекта. Привлекательность российского образования для китайской молодежи делает наше исследование актуальным, поскольку его целью является выявление психологических аспектов коммуникативного взаимодействия студентов с целью создания развивающей образовательной среды. Анализ эмпирических результатов высвечивает коммуникативные трудности, с которыми сталкиваются китайские и российские студенты. Важную роль в облегчении межличностного взаимодействия играют технологии искусственного интеллекта значительно повышая качество образования и поддерживая отработку коммуникативных навыков посредством реальных диалогов. Используя технологии виртуальной реальности в сочетании со средствами синхронного перевода, студенты обмениваются информацией на родном языке, углубляя понимание тонких скрытых смыслов традиционной культуры обоих народов. Вместе с тем, использование ИИ в образовательном процессе сталкивается с рядом барьеров: ограниченность технической базы, угрозы информационной безопасности, дефицит времени на непосредственное общение, а также необходимость учёта этических и эмоциональных аспектов взаимодействия с собеседником.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, взаимодействие, студенты, эмпатия, коммуникативная толерантность, искусственный интеллект.

Путь науки / The Way of Science

Ежемесячный научный журнал

№ 8 (150), август / 2026

Адрес редакции:

Россия, 400105, Волгоградская обл., г. Волгоград, пр-кт Металлургов, д. 29

E-mail: sciway@mail.ru

www.scienceway.ru

Изготовлено в типографии ИП Ростова И.А.

Адрес типографии:

Россия, 400121, г. Волгоград, ул. Академика Павлова, 12

Учредитель (Издатель): ООО «Научное обозрение»

Адрес: Россия, 400094, г. Волгоград, ул. Перелазовская, 28.

E-mail: sciway@mail.ru

<http://scienceway.ru>

ISSN 2311-2158

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Теслина Ольга Владимировна

Ответственный редактор: Панкратова Елена Евгеньевна

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук

Баратова Мохидил Рахимовна, кандидат биологических наук

Адилъчаев Рустем Турсынбаевич, кандидат экономических наук, доцент

Уралов Бахтиёр Рахматуллаевич, кандидат технических наук

Инятов Алмаз Реймбаевич, PhD экономических наук

Абдуразакова Написа Махкамовна, кандидат экономической наук

Шаюсупова Наргиза Тургуновна, кандидат экономической наук

Киргизбоев Мукиджон, доктор политических наук, профессор

Шертаев Мухаметамин Маметжанович, кандидат биологических наук

Ходжаева Сабри Махмудовна, кандидат медицинских наук

Бутаев Чори Жумаевич, кандидат медицинских наук

Рихсиев Улугбек Шавкатович, кандидат медицинских наук

Элиева Мехринисо Фахритдиновна, PhD

Шералиев Камбарали Саидалиевич, кандидат медицинских наук

Маматкулов Зохид Джанкобилович, доктор философии

Ибрагимов Абдималик Гаппарович, кандидат экономических наук

Назарбаев Орынбай, кандидат экономических наук

Саидакбаров Хайдар Хожимуродович, кандидат экономических наук

Умарова Зулайхо Турсуновна, кандидат экономических наук

Мухитдинова Мавджуда Имадовна, кандидат медицинских наук

Икрамова Сурайё Хакимовна, кандидат биологических наук

Холбутаева Шахноза Абдувалиевна, доктор философии по экономическим наукам

Каримова Зиёда Кушбаевна, кандидат медицинских наук

Тулабоев Азамжон Курбонович, доктор технических наук

Рахимгазиев Умид Газизаевич, доктор философских наук

Насиров Тулкин Каримович, кандидат медицинских наук

Халилова Зухра Тельмановна, кандидат медицинских наук

Аль Шувайли Хуссейн Али Кудхир, магистр

Карабоева Зилола Хуррамовна, доктор философии (PhD) по медицинским наукам

Адилъгереева Мадина Искандеровна, кандидат медицинских наук

Валиев Абдуазиз Абдусаматович, кандидат медицинских наук

Джуманов Бахтиёр Абдуразакович, доктор медицинских наук

Подписано в печать 24.08.2026. Дата выхода в свет: 10.09.2026.

Формат 60x84/8. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Заказ № 56. Свободная цена. Тираж 100.